Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Конев Кирилл Александрович

«СОЮЗНИКИ» В ПОЛИТИЧЕСКИХ НАРРАТИВАХ И СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРАКТИКАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ НА ВОСТОКЕ РОССИИ (МАЙ 1918 – ЯНВАРЬ 1920 гг.)

07.00.02 – Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук, доцент
Шевелев Дмитрий Николаевич

Томск – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3
Глава 1 Репрезентация образа союзников в антибольшевистской периодической печати востока России: историографический аспект 35
1.1 Особенности взаимоотношений антибольшевистских политических режимов с бывшими союзниками России по антигерманской коалиции в отечественной и зарубежной историографии 35
1.2 Специфика организации и функционирования информационного пространства востока России как фактор репрезентации образа союзников: основные исследовательские подходы 63
Глава 2 Образ союзников в политическом нарративе «о возрождении России» 93
2.1 «Русская политика» Антанты и США и ее репрезентация в периодической печати антибольшевистского движения востока России 93
2.2 Образ союзников в практиках символической репрезентации антибольшевистских политических режимов востока России 145
Глава 3 Представления о союзниках в процессе политической самоидентификации антибольшевистского движения востока России 176
3.1 «Туманный Альбион» и «Прекрасная Франция» – европейские союзники России как носители позитивных ценностей антибольшевистского движения 177
3.2 Великие державы на берегах «Средиземного моря будущего» – образы США и Японии в периодической печати антибольшевистского движения востока России 197
Заключение 232
Список использованных источников и литературы 239

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. На протяжении уже целого столетия события Революции и Гражданской войны в России остаются предметом пристального внимания историков, публицистов, политиков и общественных деятелей. Неиссякаемый интерес к этой теме обусловлен, по мнению В.В. Журавлева, «колоссальными масштабами, беспрецедентной сложностью и поныне неисчерпанными последствиями»[1] данных событий.

Масштаб и ожесточенность вооружённого противостояния, охватившего территорию бывшей Российской империи, во многом были обусловлены тем, что Гражданская война, как полагает Д.Н. Шевелев, стала первым в истории нашей страны внутренним конфликтом, в котором на первый план вышел антагонизм мировоззрений[2]. Новая эпоха, ознаменовавшаяся беспримерной по масштабу мировой войной, требовала не только «мобилизации людей и средств», но и «мобилизации мнений»[3]. Исход борьбы теперь во многом зависел от степени привлекательности отстаиваемых той или иной стороной идей и способности эффективно использовать методы информационного воздействия для распространения данных идей среди широких масс.

В отличие от своих противников, антибольшевистские силы не имели единой идеологической платформы. Следствием социальной и политической неоднородности противников советской власти стало многообразие периодических изданий, отражавших интересы и взгляды различных партий и течений. Отсюда возникал целый спектр оценок и суждений, выраженных на страницах газет и журналов. В результате, информационное пространство на территориях, находившихся под контролем антибольшевистских сил, отличалось многообразием и динамизмом наполнявших его элементов – пропагандистских образов, мифов и политических нарративов. Структуры власти, созданные летом

---

[1] Журавлев В.В. Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А.В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. СПб, 2012. С. 6.

[2] Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. С. 7.

[3] Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. М.,1929. С.31.

1918 г. на востоке страны, опираясь на некоторые из этих элементов, стремились сформировать собственный положительный образ в глазах населения и сконструировать новую национально-государственную идентичность и систему ценностей в противовес идеям своих противников – большевиков.

Особое место в содержании риторики официальной, либеральной и левой печати занимал образ иностранных союзников, незатухающий интерес к которым был обусловлен противоречивой политикой держав в отношении России, а также стремлением антибольшевистских сил заручиться поддержкой извне. Образ союзников, формировавшийся в прессе востока России, являлся неотъемлемой частью правительственных пропагандистских кампаний и использовался в развертывании и трансляции ряда ключевых идеологем. В связи с этим, реконструкция содержания и анализ данного образа представляются весьма актуальными.

Во-первых, рассмотрение трансформаций, которые претерпел образ союзников, поможет пролить свет на процесс формирования и эволюции представлений общественности востока России о внешнем мире в период Гражданской войны. Кроме того, изучение особенностей восприятия стран Антанты и США прессой, обществом и политиками, поспособствует более глубокому пониманию взаимоотношений антибольшевистских правительств с иностранными державами.

Во-вторых, анализ образа союзников в контексте рассмотрения его роли в процессе конструирования ряда ключевых идей и ценностей, выражавшихся на страницах официальных, партийных и других неправительственных изданий, создаст условия углубленного и целостного изучения содержательных аспектов идеологии антибольшевистских сил на востоке России.

Наконец, изучение механизмов и технологий формирования образа союзников позволит дополнить существующие представления о способах и эффективности пропагандистской деятельности антибольшевистских сил. В конечном счете, все это поспособствует расширению проблематики в области

исследований Гражданской войны, и предоставит возможность заполнить еще один пробел в истории данного периода.

Степень изученности темы. Исследуемая проблема, связанная с выявлением особенностей формирования образа иностранных союзников и исследованием его роли в процессе конструирования идеологии антибольшевистского движения на востоке России, находится на пересечении нескольких тематических проблемных полей.

В первую очередь, необходимо отметить важность научных работ, посвященных истории иностранной интервенции и внешней политике небольшевистских правительств. Интерес в данном случае представляют результаты анализа взаимоотношений между союзниками и белыми. Вторая группа исследований посвящена изучению идеологии антибольшевистских сил и особенностей функционирования информационного пространства востока России в годы Гражданской войны. Обзор литературы, относящейся к данным двум блокам, вынесен в первую главу настоящего исследования. Такое разделение обусловлено обширностью материала и необходимостью применения фактов и выводов, изложенных в этих работах для выявления и анализа факторов, влиявших на процесс конструирования образа союзников.

В данном историографическом обзоре будут рассмотрены труды, относящиеся к третьему исследовательскому полю и касающиеся непосредственно изучения особенностей формирования взаимных представлений друг о друге у жителей России и представителей стран Запада и Востока на этапах, предшествовавших событиям Гражданской войны.

Изучение процессов формирования образов «Другого» и «Чужого» и выявление их роли в мировоззрении и культуре различных социальных групп осуществляется в рамках направления, названного исторической имагологией. Данное исследовательское направление возникло в Европе в середине XX века. Одним из первых отечественных исследователей, применивших подходы исторической имагологии, стал Л.А. Зак, изучавший роль внешнеполитических стереотипов в процессах формирования образов государств, а также

обращавшийся к проблеме использования сконструированных образов и стереотипов в дипломатической практике[4].

Интерес представляет монография Н.А. Ерофеева, посвященная изучению представлений о Великобритании в российском обществе первой половины XIX века[5]. Для настоящего исследования особую роль играет утверждение автора о том, что нередко на формирование образа англичан оказывали влияние русские проблемы, выступавшие в роли своеобразного «светофильтра», который влиял на процесс отбора фактов об Англии. При этом автор отмечает, что эти «фильтры» могли либо повышать интерес, либо затруднять понимание тех или иных фактов[6].

Некоторые аспекты восприятия «Другого» российским обществом в годы Первой мировой войны затронуты в работах И.В. Алексеевой, которая указала на приверженность представителей либерального течения идее союза со странами Антанты[7].

В 1990-е и 2000-е гг. интерес к изучению взаимных представлений русских и иностранцев существенно возрос. В России одним из ведущих центров изучения данной проблематики стал созданный на базе Института российской истории РАН «Центр по изучению отечественной культуры», руководителем которого является А.В. Голубев. Научным коллективом Института к настоящему моменту подготовлен ряд сборников статей[8] и коллективная монография[9], в которых обобщены результаты работы столичных и региональных ученых, занимающихся проблемой взаимовосприятия культур. Еще одна серия изданий Центра посвящена такому направлению как военно-историческая антропология, которое

---

[4] Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Т.1. Екатеринбург, 2014. С. 126.

[5] Ерофеев Н.А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825-1853 гг. М., 1982. 320 с.

[6] Там же. С. 307.

[7] Алексеева И.В. Агония сердечного Согласия: царизм, буржуазия и их союзники по Антанте, 1914-1917. Л., 1990. 318 с.; Её же. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте, 1907-1917. СПб., 2009. 536 с.

[8] См. Издания междисциплинарного научного семинара по истории взаимовосприятия культур «Россия и мир» [Электронный ресурс]. Электрон. версия печат. публ. URL: http://rosmir.iriran.ru/publication.php (дата обращения: 15.04.2018).

[9] Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / А.В. Голубев [и др.]. М., 1998. 335 с.

затрагивает комплекс проблем, объединенных общей темой «человек и война»[10]. Отметим авторов, работы которых представляют наибольший интерес в рамках данного исследования.

Некоторые из публикаций А.В. Голубева затрагивают тему конструирования образа союзников в период Первой мировой войны[11]. Так, автор отмечает, что в сознании российского общества с самого начала Первой мировой войны присутствовало мнение о том, что союзники не понимают и не хотят понять Россию, а также стремятся взвалить на нее все тяготы военных действий[12].

Е.Ю. Сергеев изучил формирование представлений военных элит Российской империи о странах Запада накануне Мировой войны[13]. По мнению исследователя, образ Запада характеризовался у большинства российских военных двойственностью, в которой сочетались постоянные «базовые» и изменчивые «периферийные» представления. Так, базовыми характеристиками западного человека являлись «излишний рационализм, широкий прагматизм и откровенный эгоцентризм»[14]. Неадекватность базисных представлений военной элиты о странах Запада стала, как отмечает Е.Ю. Сергеев, одной из причин того, что руководство Российской империи оказалось неспособно обеспечить модернизацию страны на основе инновационного пути развития и с учетом опыта

---

[10] См. Институт российской истории РАН. Военно-историческая антропология. Ежегодник. [Электронный ресурс]. Электрон. версия печат. публ. URL: http://iriran.ru/?q=node/277 (дата обращения: 15.04.2018).

[11] Голубев А.В. «Царь Китаю не верит…». Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник]. М., 2000. Вып. 1. С. 317-355.; Голубев А.В., Куприянов П.С. Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX-XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник]. М., 2006. Вып. 3. С. 374-396.; Его же. «Воевать до последнего русского солдата»: эволюция образа союзника в российском/советском обществе в годы Первой и Второй мировых войн // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. Москва. 30 сент. – 3 окт. 2014 г. М., 2014. С. 568-573.; Его же. «Не заключайте мировой с медведем», или внешнеполитические стереотипы как фактор отношений России и Запада // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков : материалы XV Междунар. науч. конф. Иваново 23-24 марта 2016 г. Иваново, 2016. Ч. 1-2. С. 5-9.

[12] Голубев А.В. «Царь Китаю не верит…». Союзники в представлении российского общества… С. 324-325.

[13] Сергеев Е. Ю. Военно-политическая элита Российской империи о «внешней угрозе с Запада» накануне Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2000. № 5. С. 214-223; Его же. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX начале XX вв. // Россия и Европа в XIX-XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : [сборник]. М., 1996. С.166-174; Его же. Образ США в представлениях россиян (начало XX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник]. М., 2000. Вып. 1. С.235-247.

[14] Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900–1914 гг. : дис. … д-ра ист. наук. М., 2001. С. 308. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

европейских держав, возможность которого существовала на рубеже XIX–XX столетий[15].

Работы Е.С. Сенявской посвящены изучению образов противников России в войнах XX века[16]. Затрагиваются, в частности, особенности формирования образов Западных стран и Японии накануне и в годы Первой мировой войны. При этом автор отмечает, что ситуативные союзы со странами, с которыми ранее существовали натянутые или враждебные отношения, «воспринимались с недоверием, часто как вынужденные, недолговечные, неискренние с обеих сторон»[17], примером чему послужили отношения со странами Антанты в годы Первой мировой войны. Рассуждая о роли стереотипов в образах, Е.С. Сенявская указывает на то, что в условиях реальной войны многие из них могли быть либо подтверждены, либо рассеяны личным опытом участников событий[18].

Роль представлений о Западе в попытках конструирования русской/советской/российской идентичности рассматривается в монографии О.Ю. Малиновой. Отдельный раздел работы посвящен изучению того, каким представлялся образ Запада в идейных течениях русской эмиграции – «евразийстве» и «сменовеховстве»[19].

Особо следует отметить публикации О.С. Поршневой, посвященные проблеме восприятия стран Антанты российским обществом в годы Первой мировой войны и в период революционных событий 1917 г.[20]. Наиболее полно

---

[15] Сергеев Е.Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России… С. 316.

[16] Сенявская А.С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны // Россия и Европа в XIX–XX веке: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : [сборник]. М., 1996. С. 75-85; Её же. Япония – противник России в войнах XX в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: [сборник]. М., 2002. Вып. 2. С. 357-387; Её же. Соперники, союзники, враги… // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 4 (243). С. 32-41; Её же. Соперники, союзники, враги… // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2010. № 5 (244). С. 86-101.

[17] Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 247.

[18] Там же. С. 248.

[19] Малинова О.Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности. М., 2009. 190 с.

[20] Поршнева О. С. Образ союзников по Антанте в российском общественном сознании: от Февраля к Октябрю 1917 г. // Проблемы российской истории. 2010. № 1 (10). С. 245-261; Её же. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 316-325; Её же. Этнические и внешнеполитические стереотипы в формировании мифологии союзничества в годы Первой мировой войны (1914–1916) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2011. № 3. С. 62-76; Её же. Эволюция

выводы автора изложены в монографии, написанной совместно с А.В. Голубевым[21]. По мнению авторов, отношение российского общества к союзникам неуклонно ухудшалось на протяжении мировой войны[22].

Таким образом, к настоящему моменту существует значительное количество работ, посвященных особенностям формирования представлений о Западных странах как союзниках России, причем внимание исследователей сосредоточено преимущественно на периоде Первой мировой войны и предшествующих ему отрезках. Важно отметить, что на современном этапе данная проблематика рассматривается преимущественно в научных статьях и в меньшей степени в монографических и диссертационных работах. В результате, оказываются исследованы самые разные аспекты процесса конструирования образа, например, особенности восприятия и репрезентации той или иной страны[23], визуальная составляющая образа союзников[24], либо особенности восприятия союзных держав конкретной социальной группой[25]. Обратной стороной этого является отсутствие цельного обобщающего взгляда.

Привлекают российских исследователей также вопросы, связанные с восприятием России на Западе в условиях вовлечения европейских стран во всеобщую войну. Так, в диссертации Н.Ю. Забелиной, целью которой стало воссоздание представлений британцев об участниках Великой войны, отмечается, что, хотя образ русских и сербов и приобрел ряд позитивных черт за период

представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 43-52.

[21] Голубев А.В., Поршнева О.С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М., 2012. 392 с.

[22] Там же. С. 374-375.

[23] Оболонкова М.А. Репрезентация образа англичан в сознании российских интеллектуалов и Первая мировая война // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2017. № 3 (38). С. 48-55; Терехина О.В. «Трудный выбор» чешского солдата на страницах российской прессы и популярной литературы 1914–1917 годов // Запад-Восток. 2014. №7. С.56-60.

[24] Гатагова Л.С. Запад как союзник в вербальных и визуальных образах раздела книжной серии «Мировая война в рассказах и иллюстрациях» (1915 г.) // Россия в годы Первой мировой войны, 1914-1918 : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 30 сент. – 3 окт. 2014 г. М., 2014. С. 562-567.

[25] Купцова И.В. Вклад художественной интеллигенции в формирование позитивного образа Англии в годы Первой мировой войны // Клио. 2017. № 1 (121). С. 111-118.

войны, для англичан они оставались все же чужими. А после войны положительные образы союзников подверглись пересмотру[26].

При выявлении особенностей формирования образа России исследователи обращаются к изучению этнических стереотипов[27] и особенностей визуальной репрезентации[28], что укладывается в рамки «Визуального поворота», актуализирующего изучение визуального образа «Другого». Как отмечает О.С. Поршнева, «одним из базовых проблемных контекстов этого направления является анализ визуального аспекта пропаганды, базирующийся на изучении пропагандистских плакатов, открыток, листовок, карикатур»[29].

Затронуты в современной отечественной историографии и особенности восприятия России Западом в период Гражданской войны. В диссертации Н.А. Глущенко определяется степень отражения информации о Гражданской войне и интервенции в американской периодической печати[30]. По мнению автора, анализ газетных материалов дает возможность не только определить роль американской периодики в процессе информирования общественности о военных и политических событиях на востоке России, но и исследовать особенности взаимоотношений Соединенных Штатов и антибольшевистского движения в России. Отмечается автором и тот факт, что газета «The New York Times»,

---

[26] Забелина Н.Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2011. 24 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[27] Лазари А. Де., Рябов О.В., Жаковска М. «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде Первой мировой войны // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2013. № 4. С. 054-067.; Галкина О.И. Военные действия России в годы Первой мировой войны в оценке британской прессы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. № 2 (46). С. 23. [Электронный ресурс]. Электрон. версия печат. публ. URL: https://history.jes.su/s207987840001421-2-1 (дата обращения: 15.04.2018).

[28] Ульянов П.В., Чернышов Ю.Г. Россия в амбивалентном «образе медведя» (на примере европейских карикатур периода Первой мировой войны) // Известия Алтайского государственного университета. 2015. Т. 1. № 4 (88). С. 259-265.; Прокопьев М.В., Жеребцова Е.М. Эволюция образа России в журнале «Punch» в период Первой мировой войны // Творчество и современность. 2016. № 1 (1). С. 139-153.

[29] Поршнева О.С. Историческая имагология в современной российской историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Екатеринбург, 2014. Т.1. С. 128.

[30] Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2014. 263 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

публикуя материалы в поддержку антибольшевистских сил, сыграла определенную роль в затягивании американской интервенции[31].

Восприятию А.В. Колчака зарубежной прессой посвящены также публикации Д. Ирвина и Е.В. Волкова. Так, характеризуя отношение британской прессы к адмиралу, авторы указали на то, что не последнюю роль в непризнании Омского правительства сыграли публикации газеты «Манчестер Гардиан» и других изданий, которые изображали Верховного правителя в негативном свете. В то время как позитивный образ адмирала, который рисовала газета «Таймс», не смог повлиять на британских политиков[32]. При характеристике отношения американской печати к А.В. Колчаку авторы констатируют, что его «образ, сконструированный в американской прессе, отличался разноликостью и противоположными коннотациями»[33]. Отмечается, в том числе, и вклад самих белых в формирование позитивного образа адмирала за границей.

Переходя к теме формирования представлений о союзных державах среди представителей антибольшевистского движения, необходимо отметить диссертационное исследование П.Л. Нестеренко[34], в котором указывается на то, что периодическая печать содержит весьма полные и достоверные сведения о стремлении властей и союзников повлиять на восприятие интервенции общественностью востока России. Однако диссертация в большей степени затрагивает источниковедческий аспект, вследствие чего проблемы формирования общественного мнения и особенности восприятия читателями прессы образа интервентов не раскрыты в полной мере.

---

[31] Глущенко Н.А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» : автореф дис. … канд. ист. наук. Томск, 2014. С. 12. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[32] Ирвин Д., Волков Е.В. А.В. Колчак как политик: Образы и оценки Верховного правителя в Британской прессе (1918–1920 годы) // Новый исторический вестник. 2016. Т. 47. № 47. С. 87-100.

[33] Ирвин Д., Волков Е.В. «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А.В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918–1920) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4. С. 104-123.

[34] Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2000. 171 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

Наиболее полно к настоящему моменту содержание и процесс формирования образа союзников в антибольшевистской периодической печати исследован в диссертации М.М. Стельмака[35]. В статьях омского исследователя рассматриваются особенности восприятия и репрезентации как союзников в целом[36], так отдельных стран и их представителей – Британии и Франции[37], Японии[38], Чехословакии[39] на различных этапах Гражданской войны[40]. Согласно

[35] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Омск, 2016. 326 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[36] Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения (на примере стихотворения, опубликованного в «Нашей газете») // «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 25 апр. 2013 г. Омск, 2013. С. 35-38; Его же. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отражении антибольшевистской прессы (по материалам рубрики «Печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») // Омский научный вестник. 2014. № 3. С. 21-25; Его же. Политическое восприятие Антанты Российским правительством А. В. Колчака (сентябрь – октябрь 1919 г.): анализ литературной рубрики «Нашей газеты (омский период) // «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве : материалы Всерос. молод. науч-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 25 апр. 2014 г. Омск, 2014. С. 48-51; Его же. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 2 (34). С. 39-45.

[37] Стельмак М. М. Освещение британской внешней политики в отношении антибольшевистской России в последние месяцы Первой мировой войны (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Сибирь и войны XIX – XX веков: тезисы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Новосибирск, 8–10 июня 2014 г. Новосибирск, 2014. С. 71-73; Его же. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1 (61). Т. 2. С. 63-67; Его же. Газета «Правительственный вестник и формирование образа Великобритании и Франции как союзников сибирской контрреволюции (конец 1918 г. – начало 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 2 (40). С. 39-44.

[38] Стельмак М. М. Образ Японии в органе Омской Директории (ноябрь 1918 г.) // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, когда. Омск, 2017. С. 199-202.

[39] Стельмак М. М. Освещение деятельности Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири в конце 1919 г. (по материалам «Нашей газеты») // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 7 февраля 2014 г. Нижневартовск, 2014. Ч. I. С. 142-144; Его же. «За великие заслуги чехословацких войск, оказанные ими нашей родине, приношу от лица Русской армии глубокую благодарность…»: Чехословацкий корпус и перемена власти в антибольшевистском лагере в 1918 г. // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 12-13 ноября 2014 г. Омск, 2015. С. 146-152; Его же. Чехословацкий корпус: образ союзника в общественно-политической печати Западной Сибири в первые месяцы «демократической контрреволюции» // «Вагановские чтения» : материалы VIII регион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения. Тара, 11-12 марта 2016 г. Омск, 2016. С. 46-51; Его же. «Чехословацкая армия, уступившая свое место на фронте нашим войскам продолжает сейчас служить для нас источником помощи и ценного содействия»: особенности взаимодействия правительства А.В. Колчака с чехословацким корпусов в 1919 г. // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, когда. Омск, 2017. С. 317-327.

[40] Стельмак М. М. Союзники антибольшевистского движения и переворот 18 ноября 1918 г. в Омске // Вторые Ядринцевские чтения: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны. Омск, 29-30 октября 2014 г. Омск, 2014. С. 82-84; Его же. Взаимодействие Российского правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками в конце 1918 г. // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 12-13 ноября 2014 г. Омск, 2015. С. 141-145; Его же. Конференция на Принцевых островах и её влияние на образ союзников антибольшевистского движения востока России // Омские социально-гуманитарные чтения. 2015 : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Омск, 24-26 марта 2015 г. Омск, 2015. С. 281-288; Его же. Особенности взаимодействия Российского правительства А.В. Колчака с иностранными союзниками на заключительном этапе

выводам автора, касающимся деятельности официальной прессы, каждое антибольшевистское правительство стремилось доказать, что оно находит одобрение со стороны союзников, особый акцент при этом делался на бескорыстии союзников. Рассмотрение Гражданской войны как продолжения войны с Германией позволяло белым обосновывать присутствие союзных войск, в то же время негативные аспекты взаимодействия антибольшевистских сил и Антанты затушевывались в правительственной печати. Характеризуя неправительственные издания, автор отмечает, что они, будучи более свободными в выражении мнений, чаще заостряли внимание на демократических особенностях западных стран. Однако по принципиальным вопросам позиции правительственной и неправительственной печати, согласно утверждению М.М. Стельмака, совпадали[41].

Достоинством диссертации является в первую очередь то, что данная работа является, по существу, первым за последнее десятилетие комплексным исследованием образов ключевых стран участниц интервенции. Автор ограничился лишь анализом периодики Западной Сибири, что не позволило ему провести более детальную и полную реконструкцию образа иностранных союзников антибольшевистского движения. Несколько спорным выглядит тезис об «идеализации» и упоре на «бескорыстие» союзников, особенно в последний период существования режима А.В. Колчака[42].

В задачи М.М. Стельмака не входило, однако, выявление роли образа союзников в содержании идеологии антибольшевистских сил. Что вкупе с отсутствием у автора теоретической модели, позволяющей осуществить анализ образа союзников в контексте рассмотрения идеологических положений антибольшевистских сил, оставляет данную проблему актуальной. Реконструировав содержание образа союзников, М.М. Стельмак, таким образом,

---

Гражданской войны в Западной Сибири // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 300-летию Омска. Омск, 26-28 ноября 2015 г. Омск, 2015. С. 114-116.

[41] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири… С. 272.

[42] Там же. С. 271.

подготовил серьезный задел для дальнейшего изучения его роли в содержании идеологии антибольшевистского движения.

Можно констатировать, что на сегодняшний момент существует ряд работ, посвящённых особенностям взаимного восприятия русских и иностранцев на рубеже XIX-XX веков, в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года. Однако, за исключением диссертаций П.Л. Нестеренко и М.М. Стельмака, практически отсутствуют работы, касающиеся конструирования образа союзников в антибольшевистской прессе периода Гражданской войны, между тем обращение к данной проблематике говорит об ее актуальности. Далеко не полностью изучен идеологический аспект союзной интервенции. Мало затронут такой вопрос, как взаимодействие белых и представителей держав Согласия в области информационно-пропагандистской деятельности. Практически неизученной остается проблема влияния образа союзников на формирование идеологии антибольшевистского движения.

Объектом исследования является информационная и пропагандистская деятельность антибольшевистского движения – правительств и оппозиционных политических группировок, существовавших на востоке России с мая 1918 г. по январь 1920 г.

Предмет исследования – представления о странах Антанты (Великобритании, Франции, Японии) и США, являющиеся частью содержания политических дискурсов антибольшевистского движения и реконструируемые по материалам официальной и неправительственной периодики, издававшейся на востоке страны.

Целью исследования является осуществление реконструкции образа союзников в контексте выявления его роли и места в содержании идеологии антибольшевистского движения на востоке России. Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Выявить предпосылки и факторы, которые оказывали влияние на процесс формирования образа союзников в периодической печати.

2. Проследить трансформацию образа в «рамочном нарративе» «о возрождении России», являвшемся своеобразной над-идеологической конструкцией, символически объединявшей разнородные политические силы, выступившие против большевиков.

3. Раскрыть и проанализировать содержание образа на примере его составных элементов – образов стран-участниц союзной интервенции в Россию – Британии, Франции, США и Японии.

4. Проследить связь образа союзников с набором ключевых идей и ценностных установок, лежавших в основе идеологии антибольшевистского движения на востоке России.

5. Выявить основную цель и ключевые стратегии репрезентации образа союзников в рамках пропагандистской риторики антибольшевистских сил.

Хронологические рамки работы охватывают период с мая 1918 г. по январь 1920 г. Выбор первой даты обусловлен ключевыми событиями – началом чехословацкого мятежа и последовавшим затем падением советской власти в Поволжье, Сибири и на Дальнем Востоке. Тогда же начинают формироваться антибольшевистские правительства. Вторая рубежная дата – январь 1920 года связана с прекращением существования правительства А.В. Колчака. Таким образом, можно говорить о завершении процесса формирования представлений о союзниках в рамках существования единой антибольшевистской государственности на востоке России.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию, находившуюся в рассматриваемый период под контролем антибольшевистских правительств[43] и включающую такие регионы как Дальний Восток, Восточную и Западную Сибирь, Урал и Поволжье. Необходимо отметить, что западная граница носила характер подвижной, что было обусловлено смещением линии фронта в ходе боевых действий. При этом, несмотря на то, что Поволжский регион как территория, где в рассматриваемый период пролегала линия фронта, входит в

[43] В данном случае имеются в виду Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство (Директория), и Российское правительство адмирала А.В. Колчака.

территориальные рамки настоящего исследования, процесс формирования образа союзников в рамках информационной деятельности КОМУЧа специально не рассматривался.

На процесс конструирования представлений о странах Антанты и США в немалой степени влиял фактор присутствия союзных войск на той или иной территории. В связи с этим, следует указать на то, что войска держав, принявших участие в интервенции на востоке России, были распределены неравномерно. Так, чехословацкие войска действовали на протяженной территории от Поволжья до Дальнего Востока, но размещались преимущественно вдоль Транссибирской магистрали. Немногочисленные контингенты британцев и французов в разное время присутствовали как в Приморье, так в Сибири и на Урале, в то время как японские и американские подразделения не покидали пределов Дальнего Востока и Восточной Сибири.

Методологические основы исследования базируются на синтезе общенаучных и специальных методов. В работе применяются такие общенаучные методы как абстрагирование, анализ и синтез, используется системный подход. Обращение к такому методу абстрагирования как идеализация позволило выделить само понятие «образ союзников». Под образом союзников в данном случае следует понимать динамичную информационно-идеологическую конструкцию, состоящую из разнообразной по характеру, тематике и происхождению фактической информации о странах Антанты, а также оценочных суждений.

Теоретически значимым является уточнение применяющихся в данной работе терминов «антибольшевистское движение», «Белое движение», «белые». В контексте исследования под антибольшевистскими силами/движением понимается весь конгломерат сил, выступивших против советской власти весной-летом 1918 года. Термин «Белое движение», в свою очередь, охватывает более узкую группу политических сил, пришедших к власти после переворота 18 ноября 1918 года и исключающую представителей «революционной демократии» – эсеров и меньшевиков.

В исследовании соблюдается принцип историзма – события и явления рассматриваются в динамике их возникновения и трансформации с учетом особенностей и условий эпохи. Отношение к союзникам сибирской общественности менялось под влиянием ряда факторов – событий на фронтах Первой мировой войны, изменения политики союзников в отношении России, внутренней политики антибольшевистских правительств. В соответствии с этим менялся и образ союзников.

Сравнительно-исторический метод позволил выявить особенности восприятия союзников различными политическими силами путем сопоставления реакции прессы на одни и те же действия представителей Антанты. Также использование данного метода дало возможность показать сходства и отличия в содержании образов союзников путем сопоставления выявленных универсальных и уникальных характеристик.

При анализе образа союзников использовались теоретические положения имагологии – «междисциплинарного направления, изучающего образы-представления о «Другом», формирующиеся в процессе взаимодействия народов, государств и культур»[44]. К настоящему времени имагология как исследовательская дисциплина включает в себя ряд областей со своими задачами и предметом изучения. Для данной работы наибольшую значимость представляют идеи и подходы, объединенные в рамках аллологии – направления, связанного с изучением общей проблемы «образа Чужого», а также потестарной имагологии, предметом рассмотрения которой являются образы власти[45].

Особое внимание в рамках имагологического подхода уделяется национальным стереотипам – «упрощенным, весьма жестким, устойчивым представлениям, возникающим у человека – как социального существа – под влиянием культурного окружения»[46]. Формируясь в той или иной социально-исторической среде, стереотипы носят эмоциональный и образный характер.

---

[44] Голубев А.В., Поршнева О.С. Указ. соч. С. 13.

[45] Власть и образ: очерки потестарной имагологии : [сборник]. СПб., 2010. 384 с.

[46] Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования образа врага (на материалах российской истории XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 2 (6). С. 57.

Вследствие этого, «имагология не только раскрывает образ «чужого», но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т.е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей»[47].

Таким образом, представляется возможным выявить ряд стереотипов, использовавшихся при конструировании образа союзников на страницах периодических изданий. Имагологический подход предполагает, что нация не есть сущность, а «отношение, отождествление себя с определенными национальными мифами, интеллектуальными конструктами, которые лежат в основе ощущения принадлежности к нации и влияют на культурную и социальную практику той или иной нации»[48].

Опираясь на данный подход в ходе исследования особенностей актуализации национальных стереотипов о народах союзной коалиции в рамках пропагандистской риторики официальной прессы или идеологической борьбы между печатными органами различных течений антибольшевистского движения, можно проследить особенности процесса конструирования новой идентичности, призванной сплотить противников большевиков.

При обращении к проблеме реконструкции содержания идеологии антибольшевистского движения на востоке России использован подход Г. Гилла[49], который официальную идеологию рассматривает как некий связный метанарратив, обеспечивающий легитимацию существующего режима[50]. Принимая во внимание тот факт, что в рамках информационного пространства востока России в период Гражданской войны существовал ряд дискурсов, имевших, в том числе, и различную идеологическую направленность, представляется, что неким аналогом единого метанарратива для

---

[47] Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 4. С. 31-40.

[48] Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 1. С.252.

[49] Gill G. Symbolism and regime change: Russia. Cambridge, 2013. 254 p; Ibid. Political symbolism and the fall of the USSR // Europe-Asia studies. 2013. Vol. 65. Issue 2. P. 244-263.

[50] Цит по. Малинова О.Ю. В ожидании объединяющего нарратива: символическое измерение постсоветской трансформации России. Рец. на кн. : Symbolism and regime change: Russia / Gill G. Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. viii, 246 p. // Символическая политика. Вып. 2. Споры о прошлом как проектирование будущего: [сборник]. М., 2014. С. 345-346.

антибольшевистских сил выступал рассказ «о возрождении России». Не являясь в полной мере упорядоченной и связной системой, нацеленной на создание единого языка описания политической реальности, данный нарратив в то же время представлял собой достаточно сложную конструкцию, включавшую в себя ряд других рассказов. Это позволяет охарактеризовать историю «о возрождении России» как «рамочный нарратив»[51].

Будучи представленным в текстах различного жанра, данный нарратив содержал в себе главную ценностную установку, объединявшую всех противников большевизма – необходимость укрепления внутреннего единства страны и восстановления ее внешнеполитических позиций.

Исходя из этого, в исследовании применяются некоторые теоретические положения, относящиеся к нарратологии. Центральная проблема нарратологии, как указывает В.И. Тюпа, может быть сформулирована словами А.С. Данто: «всякий рассказ – это структура, навязанная событиям, группирующая их друг с другом и исключающая некоторые из них как недостаточно существенные»[52]. Анализ нарратива о «возрождении России» с целью выявления в нем роли образа союзников, таким образом, предполагает изучение структуры данного нарратива, для чего была использована классическая актантная модель А. Греймаса[53], апробированная ранее в сотрудничестве с Д.Н. Шевелевым[54].

При изучении пропагандистских текстов, публиковавшихся на страницах газет, журналов, брошюр и в листовках, использовались элементы дискурс-анализа. Автор опирался на работы Т.А. ван Дейка[55] и Р. Водак[56]. Отмеченное Р. Водак свойство дискурса, связанное с его способностью структурировать

---

[51] Кириллов А.Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы) : автореф. … канд. филол. наук. Самара, 2007. С. 9. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[52] Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса. Тверь, 2001. С. 5.

[53] Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М., 2004. 368 с.

[54] Конев К.А., Шевелев Д.Н. Формы репрезентации национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати востока России (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. №38 (4). С. 1105-1114.

[55] Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997. 139 с.; Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков, 2009. 356 с.

[56] Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 312 с.

социальную реальность[57] позволило рассмотреть дискурсивные практики антибольшевистского движения как попытки формирования с помощью языка особой картины мира, в рамках которой осуществлялась интерпретация тех или иных политический событий.

Использование теоретических положений, изложенных в работах данных авторов, позволило выявить наиболее важные элементы идеологии в содержании официальной правительственной и партийной риторики антибольшевистских сил, а также проанализировать взаимосвязь и трансформацию этих элементов. Применение в работе нашла схема анализа текстов, разработанная Т. А. ван Дейком, предполагающая анализ текста на нескольких уровнях[58]. Были рассмотрены синтаксические конструкции, применявшиеся авторами в газетных публикациях различного жанра. Во внимание принимались особенности фонетики и морфологии, а также характер связи между предложениями. Выделение семантических макроструктур позволило определить ключевые тематики, в рамках которых происходило формирование исследуемого образа союзников.

При изучении особенностей конструирования образа союзников в рамках официальных торжеств и церемоний, осуществлявшихся с целью репрезентации антибольшевистских режимов востока России, использован подход Р.С. Уортмана, предложившего понятие «сценарии власти»[59]. Данный термин обозначает особый способ презентации власти, предполагающий реализацию определенного мифа, который обеспечивает легитимацию политического режима. Использование подхода Р.С. Уортмана позволяет рассмотреть торжества и коммеморации, осуществлявшиеся антибольшевистскими правительствами в качестве наглядного представления нарратива/мифа «о возрождения России» и выявить роль и место представителей Антанты в данных практиках.

В качестве вспомогательного использован метод контент-анализа (КА). Частотный и семантический КА позволил эффективнее работать с таким специфическим источником как периодическая печать, отличающимся обилием

---

[57] Водак Р. Язык. Дискурс. Политика…. С. 27.
[58] Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация… С. 134.
[59] Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т.1-2.

неструктурированной информации. Использование метода КА в рамках данного исследования дало возможность обобщить и структурировать разбросанные на газетных страницах факты и тем самым проиллюстрировать и подтвердить те или иные положения.

Источниковая база исследования сформирована на основе широкого круга опубликованных и неопубликованных документов и материалов. Все источники, использованные в работе, систематизированы в соответствии с видовой классификацией, предложенной Л.Н. Пушкаревым[60]. В данном обзоре источники представлены в порядке убывания их значимости для настоящего исследования.

1. ***Периодическая печать востока России*** выступила основным источником при создании данной работы. В ходе подготовки исследования было проанализировано свыше 100 наименований газет и журналов, издававшихся на территории востока страны в годы Гражданской войны. Использовались коллекции, хранящиеся в фондах Научной библиотеки Томского Государственного университета, Российской государственной библиотеки (Москва) и библиотеки Государственного архива РФ (Москва).

Прессу, являвшуюся в рассматриваемый период наиболее массовым и эффективным средством передачи и распространения информации, можно рассматривать как одно из главных средств воздействия на общественное сознание. Она существенно расширила возможности пропаганды и активно использовалась в качестве средства агитации, политической и идеологической борьбы, как большевиками, так и белыми.

Вместе с тем, периодическая печать, относящаяся к периоду Гражданской войны в России, представляет интерес как источник уникальных фактических сведений, и как своего рода поле, на котором разворачивалась борьба идей и взглядов. Следовательно, изучение общественного мнения Сибири и Дальнего

[60] Никулин П.Ф. Теория и методика источниковедения отечественной истории X – начала XX вв. Томск, 2000. С. 27.

Востока периода Гражданской войны невозможны без анализа материалов периодической печати.

К настоящему моменту существует ряд справочных материалов, позволяющих получить информацию о количестве периодических изданий выпускавшихся на востоке страны в 1917–20 гг. и их географическом распределении[61].

Согласно исследованиям В.М. Рынкова, на территории Сибири и Дальнего Востока (с учетом полосы отчуждения КВЖД) в период с 1918 по 1920 гг. издавалось около 800 газет и журналов, при том, что переименование издания, перенос его в другой город, издание бюллетеня наряду с газетой фиксировалось в качестве отдельной единицы[62]. Однако точное количество изданий до сих пор остается невыясненным.

Периодические издания различной политической окраски и направленности, использованные в данной работе, следует разделить на несколько групп:

Во-первых, это *официальная, правительственная печать*. На страницах официальных газет происходило конструирование пропагандистских образов и концептуализация идей. Вместе с тем, пресса использовалась для их последующей передачи в виде пропагандистских установок. Таким образом, официальная печать дает богатый материал для реконструкции содержания ключевых идей антибольшевистского движения в том виде, в каком их понимали правительственные журналисты и идеологи. В первую очередь, необходимо выделить издания сменявшихся в Омске антибольшевистских правительств[63]. Также нужно отметить официальные органы местных губернских властей[64].

---

[61] Косых Е.Н., Фоминых С.Ф. Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.) : указатель газет и журналов. Томск, 1991. 54 с.; Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : указатель газет и журналов. Томск, 2009. 144 с.

[62] Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие не информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.) : сб. научных статей. Новосибирск, 2009. С. 109-110.

[63] Сюда следует отнести издававшиеся в Омске газеты «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник».

[64] См. например: «Вестник Томской губернии» (Томск), «Алтайский вестник» (Барнаул), «Воля Сибири», «Енисейский вестник» (Красноярск) и др.

Особо следует отметить правительственные пропагандистские издания, которые в отличие от официальных «Вестников», носили агитационный характер[65]. Отдельной категорией официальных пропагандистских изданий являлись военные газеты, которые издавались как на фронте, так и в тылу[66].

Среди периодических изданий, существовавших на территории востока России в годы Гражданской войны, заметную роль играла *партийная пресса*. Различные политические группировки и силы, входившие в состав антибольшевистского движения на востоке России, использовали прессу, с одной стороны, как средство распространения отстаиваемых ими идей и программных установок, с другой – как орудие борьбы и с большевиками, и со своими политическими оппонентами внутри антибольшевистского лагеря.

Одной из таких сил была партия конституционных демократов, печать которых, по оценке Д.Л. Шереметьевой, являлась одним из «крупных игроков в информационно-идеологическом пространстве Сибири»[67]. В период с осени 1918 г. по конец 1919 г. кадеты имели в Сибири от 8 до 11 изданий, ежедневный общий тираж которых составлял около 20-25 тыс. экземпляров[68]. Поддержав правительство А.В. Колчака, кадеты активно участвовали в формировании идеологии антибольшевистского движения. Среди либеральных «государственно-мыслящих» изданий следует выделить такие пользовавшиеся авторитетом газеты, как «Отечественные ведомости» (Екатеринбург) и томскую «Сибирскую жизнь», имевшую областническую направленность.

Издания социалистического направления, в период «демократической контрреволюции» стремившиеся к доминированию в информационном пространстве, после прихода к власти А.В. Колчака перешли в оппозицию. К данному направлению следует отнести эсеровские[69] и социал-демократические[70]

---

[65] «Русским бюро печати» издавались газеты «Русское дело» (Омск, Иркутск), «Наша газета» (Новониколаевск, Омск, Томск, Иркутск), «Родина» (Красноярск).

[66] См. например: «Сибирские стрелки» (Пермь), «Русская армия» . Омск, «Военные ведомости» (Новониколаевск), «На страже свободы» (б. м., Штаб 1-й Сибирской стрелковой дивизии).

[67] Шереметьева Д.Л. Динамика численности газетной прессы Сибири в период Революции и Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX в. Новосибирск, 2012. Вып.3. С. 72

[68] См. например: «Сибирская речь» . Омск, «Свободная Сибирь» (Красноярск), «Свободный край» (Иркутск), «Русская речь» (Новониколаевск).

[69] См. например: «Голос Народа» (Томск), «Сибирь» (Иркутск).

издания, на страницах которых формировался дискурс «революционной демократии».

Еще одну группу составили *кооперативные и земские издания*, нередко по политической направленности близкие эсерам. Наиболее значимой газетой данного направления являлась омская «Заря». Кроме того, сибирская кооперация и земские организации осуществляли издание ряда журналов, в которых, помимо специализированной информации хозяйственно-экономического характера, публиковались и политические заметки.

Особую группу составляют неправительственные издания, выпускавшиеся с подзаголовками «демократическая», беспартийная», «литературная»[71]. Политическая ориентация таких изданий могла носить размытый или ситуативный характер. Также отдельно следует выделить забайкальские и дальневосточные газеты консервативного направления, выступавшие в поддержку атамана Г.М. Семёнова.

Особенность периодической печати как источника заключается в том, что являясь, согласно устоявшейся классификации, отдельным видом источника, она может включать в себя комплекс исторических источников всех видов – от законодательства до мемуаров. Как отмечает В.М. Рынков, в связи с этим возникает необходимость пересмотра существующей классификации[72]. Не ставя в рамках данного исследования задачи по разработке классификации источников и придерживаясь деления предложенного Л.Н. Пушкаревым, отметим важность поставленной В.М. Рынковым проблемы и согласимся с тезисом о необходимости учета специфики периодической печати при ее изучении.

2. ***Нормативно-правовые акты и законы.*** Значительное количество законов антибольшевистских правительств было обнародовано непосредственно в годы Гражданской войны в официальной прессе. Некоторые документы были опубликованы за рубежом в эмигрантских изданиях, а также в составе сборников

---

[70] См. например: «Дело рабочего» (Красноярск), «Алтайский луч» (Барнаул).

[71] См. например: «беспартийную демократическую» газету «Эхо» (Владивосток), «общественно-политическую и литературную» газету «Приамурская жизнь» (Хабаровск)

[72] Рынков В.М. Периодическая печать: место в системе исторических источников // Отечественные архивы. 2010. №.3. С. 49.

документов и хрестоматий, выпущенных в СССР[73]. В наши дни томскими и новосибирскими исследователями подготовлены публикации законодательства антибольшевистских правительств, сменявшихся в Омске в 1918 году[74]. Выпускались и тематические сборники, посвященные взаимоотношениям антибольшевистских сил и союзников[75]. Изучение законодательных актов позволяет выявить основные идеологические установки, которые определяли политический курс антибольшевистских правительств. Кроме того, на основе анализа некоторых нормативных актов можно проследить характер взаимоотношений правительственных структур и союзных представителей.

3. Делопроизводственная документация. Данная группа опубликованных и неопубликованных источников включает в себя разнообразные по характеру документы. В рамках исследования были проанализирована *разноплановая делопроизводственная документация*, находящаяся в фондах центральных архивов – служебная и дипломатическая переписка, протоколы, отчеты, распоряжения, относящиеся к сфере деятельности некоторых министерств антибольшевистских правительств, а также специальных комиссий и военных штабов.

---

[73] Конституция Уфимской директории // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 189-193; Уфимское Государственное Совещание // Русский исторический архив. Сборник первый. Прага, 1929. С. 57-280; Колчаковщина : сб. док. / под ред. И.И. Иванова. Екатеринбург, 1924. 249 с.; Пионтковский С.А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.) : хрестоматия. М., 1925. 708 с.; Максаков В.В., Турунов А.Н. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. : [сборник]. М.,Л., 1926. 300 с.; Последние дни колчаковщины : сб. док. М., 1926. 236 с.; Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / сост. И.И. Минц : [сборник]. М., 1934. 234 с.

[74] Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.) : сб. док. / сост. Е.В. Луков, С.Ф. Фоминых, Э.И. Черняк. Томск, 1998. Вып. I-III. 448 с.; Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.) : сб. док. / сост. Е.В. Луков, Д.Н. Шевелев. Томск, 2002-2003. Вып. 1. 148 с., Вып. 2. 202 с.; Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов. Новосибирск, 2005. 246 с.; Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов. Новосибирск, 2007. 818 с.; Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сборник документов и материалов. Новосибирск, 2010. 362 с.

[75] Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: документы и материалы. Владивосток, 1995. 216 с.; Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.) : документы и материалы. Владивосток, 1997. 300 с.; Россия и США: экономические отношения. 1917–1933: сборник документов. М., 1997. 441 с.; Документы внешней политики СССР. : [сборник]. М., 1957. Т. 1. 771 с., 1958. Т. 2. 803 с.; Великий октябрь и прогрессивная Америка: сборник документов и материалов. М., 1967. 354 с.; Советский Союз глазами американцев. 1917–1977: документы и материалы / под ред. И.М. Краснова. М., 1979. 347 с.

В первую очередь, следует выделить документы делопроизводства Министерства иностранных дел правительства А.В. Колчака[76]. Их изучение позволяет проследить особенности взаимоотношений антибольшевистских сил и союзников на дипломатическом уровне, процесс получения правительством информации о союзниках, а также реакцию населения и руководства антибольшевистских правительств на политику стран Антанты.

Переписка и протоколы заседаний специальной «Комиссии по организации встречи французских войск в Омске (при управлении делами Совета министров Временного Сибирского Правительства)»[77] выступают ценным источником в контексте изучения роли официальных торжеств и церемоний в формировании отношения к союзникам. Служебная переписка между сотрудниками «Русского общества печатного дела»[78] представляет интерес в плане изучения организации информационной деятельности антибольшевистских сил во Владивостоке – ключевом пункте союзной интервенции.

Еще одним весьма ценным источником, относящимся к делопроизводственной документации, являются *информационно-аналитические документы* – сводки и обзоры настроений населения, хранящиеся в фондах Государственного архива РФ[79] и Российского государственного военного архива[80], а также Государственного архива Томской области[81].

Данная группа источников содержит в себе документы, подготавливавшиеся представителями местных военных и гражданских властей и офицерами контрразведки. Материалы обзоров содержат систематизированную информацию о политических настроениях различных социальных групп, сведения

---

[76] Ф. Р-200. Министерство иностранных дел Российского правительства // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). 1918–1919 гг. 732 ед. хр.

[77] Ф. Р-3952. Комиссия по организации встречи французских войск в Омске (при управлении делами совета министров Временного Сибирского Правительства) // ГАРФ. 1918 г. 5 ед. хр.

[78] Ф. Р-952. Русское телеграфное агентство при акционерном обществе «Русское общество печатного дела» (Российское правительство) // ГАРФ. 1918–1919 гг. 1161 ед. хр.

[79] Ф. Р-147. Департамент милиции Министерства внутренних дел Российского правительства // ГАРФ. 1918–1919 гг.. 1302 ед. хр. Ф. Р-200. Министерство иностранных дел Российского правительства // ГАРФ. 1918–1919 гг. 732 ед. хр.

[80] Ф. 39507. Управление приамурского военного округа // Российский государственный военный архив (РГВА). 1917–1920 гг. 131 ед. хр. Ф. 40218. Отдел контрразведки штаба Верховного Главнокомандующего // РГВА. 1918–1919 гг. 434 ед. хр.

[81] Ф. Р-1362. Управляющий Томской губернией // Государственный архив Томской области (ГАТО). 1917–1919 гг. 666 ед. хр.

об отношении населения к власти и союзникам, прямые и косвенные указания на степень осведомленности общества относительно ситуации на подконтрольных антибольшевистским правительствам территориях. Доклады контрразведчиков позволяют оценить степень осведомлённости руководства белых о действиях союзных войск и организаций, а также содержат ценную информацию о том, на основе каких сведений принимались те или иные политические решения в отношении союзников.

Кроме того, в исследовании использованы *следственные и судебные материалы*, в частности, опубликованные протоколы допросов А.В. Колчака[82] и А.В. Тимиревой[83], и материалы суда над министрами Омского правительства[84]. Интерес в данном случае представляют показания подсудимых, раскрывающие особенности отношения представителей власти к иностранным союзникам.

4. *Источники личного происхождения.* Представлены мемуарами[85] и дневниками[86] военных и политических деятелей Белого движения в Сибири, а также воспоминаниями участников иностранной интервенции[87]. Использованы

---

[82] Допрос Колчака. Л., 1925. 235 с.

[83] Дроков С.В. Протоколы допросов А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. №. 6. С. 54-58.

[84] Шишкин В.И. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. 672 с.

[85] Аничков В. П. Екатеринбург-Владивосток (1917–1922). М., 1998. 368 с.; Аргунов А. А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. 47 с.; Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. 564 с.; Буревой К. С. Распад. 1918–1922. М., 1923. 131 с.; Иванов В. Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний восток. 1994. № 12. С. 3-75.; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М., 2013. 672 с.; Головин Н. Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М., 2011. Т. 1. 560 с. Т. 2. 704 с.; Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Новосибирск, 2012. 544 с.; Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Пг., 1923. 190 с.; Котомкин А. Е. О чехословацких легионерах в Сибири. Воспоминания и документы. Париж, 1930. 182 с.; Кроль Л. А. За три года: Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. 220 с.; Неклютин К. Н. От Самары до Сиэтла. Воспоминания. Самара, 2011. 208 с.; Петров П. П. Роковые годы. 1914–1920. Калифорния, 1965. 271 с.; Сахаров К. В. Белая Сибирь (Внутренняя война 1918–1920 гг.). Мюнхен, 1923. 326 с.; Семёнов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. 378 с.; Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 1923. 695 с.; Сукин И. И. Записки Ивана Ивановича Сукина о правительстве Колчака // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 325-510.; Устрялов Н. В. В борьбе за Россию : сборник статей. Харбин, 1920. 83 с.; Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918–1922 гг. Впечатление очевидца. Париж, 1985. 145 с.

[86] Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары. М., 2001. 336 с.; Вологодский П. В. Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: документы и материалы. М., 2005. С. 47-302.; Пепеляев В. Н. Дневник В. Н. Пепеляева // Окрест Колчака: документы и материалы. М., 2007. С. 43-108.; Устрялов Н. В. Белый Омск (Дневник колчаковца) // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 283-338.

[87] Гайда Р. Мои воспоминания. Вступление в русскую армию / пер. М.Г. Ситникова // ИДНАКАР: Методы историко-культурной реконструкции. 2014. №1. (18). С. 82-93; Гревс У. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. 248 с; Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни. 1927. №. 4. С. 103-145; Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири / перевод и комментарии В. Крупника [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Электрон. дан. [Б. м.], 1998-2016. URL: http://zaimka.ru/white/latchford.shtml (дата обращения: 16.04.2018); Суманосов, В.А. Гражданская война в России глазами интервента. Из мемуаров подполковника Эдварда Энтони Стила // Сибирский исторический альманах.

также хранящиеся в фонде Отдела рукописей и книжных памятников НБ ТГУ материалы архива Г.Н. Потанина, в частности переписка, относящаяся к периоду 1917–1919 гг. Несмотря на присущую источникам личного происхождения субъективность, они нередко способны предоставить ценную фактическую информацию, использование которой может существенно дополнить представления о ходе Гражданской войны, антибольшевистском движении и его участниках. Так, мемуары и дневники участников интервенции содержат данные об отношении русского общества к союзникам, информацию о взаимоотношениях между интервентами и характеристики представителей той или иной союзной державы.

Но куда большую ценность представляют оценки, впечатления и эмоциональная реакция авторов на описываемые ими события и явления. Данные субъективные ощущения, выраженные участниками и свидетелями событий в своих работах, важны при изучении идеологического противостояния белых и красных, особенностей процесса конструирования идентичности участников Белого движения, формирования и эволюции тех или иных идейно-политических концепций.

5. ***Кино- и фотодокументы.*** Как справедливо отметил М.М. Стельмак[88], данный вид источников может выступить существенным подспорьем при изучении событий Гражданской войны и интервенции. Являясь наглядными подтверждениями ряда событий, фотографии и кинохроника позволяют существенно уточнить (подтвердить или опровергнуть) имеющиеся сведения, полученные благодаря иным источникам. Так, описания официальных торжеств с участием союзных представителей, содержащиеся в прессе и источниках личного происхождения, могут быть проиллюстрированы соответствующими кадрами,

---

Сибирь на переломе эпох. Начало XX в. Красноярск, 2011. Т. 2. С. 240-248; Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг.: записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М-П., 1923. 172 с.; Черчилль У. Мировой кризис. М., Л. 1932. 330 с.

[88] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири… С. 37-38. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

подтверждающими, например, интерес обывателей к происходящему и присутствие узнаваемых исторических личностей.

Появление данных источников – во многом следствие присутствия самих интервентов. Так, американские и французские кинооператоры и фотографы, прикомандированные к войскам и миссиям в составе специальных подразделений, сумели запечатлеть ряд событий происходивших в крупных сибирских городах (Владивосток, Иркутск, Чита, Омск). Источниками для настоящего исследования послужили оцифрованные кино- и фотодокументы, опубликованные на официальных сайтах Библиотеки Конгресса США[89], Национальных архивов США[90], Подразделения по коммуникации и аудиовизуальной продукции Министерства обороны Франции[91].

Научная новизна исследования обусловлена в первую очередь тем, что впервые в отечественной историографии сформирован подход к изучению образа «Другого» (союзника), в рамках которого предложена теоретическая модель, позволяющая охарактеризовать роль образа союзников – держав Антанты и США в формировании ценностных ориентиров, лежавших в основе идеологии антибольшевистских сил, действовавших на востоке России. Особенностью исследования является то, что для анализа процесса восприятия и репрезентации союзников были использованы материалы периодической печати, издававшиеся на всей территории, находившейся под контролем антибольшевистских сил – от Поволжья до Приморья.

Впервые при этом была выявлена и проанализирована ключевая повествовательно-идеологическая конструкция – нарратив «о возрождении России» – в рамках которой осуществлялось формирование, репрезентация и трактовка образа союзников. Образ союзников рассматривается в качестве образа

---

[89] Prints and Photographs Division [Электронный ресурс] // Library of Congress. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: https://www.loc.gov/ (дата обращения: 15.04.2018).

[90] Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985 [Электронный ресурс] // National Archives. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: https://catalog.archives.gov/id/24666 (дата обращения: 15.04.2018).

[91] De Marseille à Irkoutsk, Français et Russes dans la Grande Guerre [Электронный ресурс] // L'Établissement de communication et de production audiovisuelle de la Défense (ECPAD). Электрон. дан. [Б. м.]. URL: http://www.ecpad.fr/de-marseille-a-irkoutsk-francais-et-russes-dans-la-grande-guerre/ (дата обращения: 12.04.2018).

«Другого», значимого для процесса самоидентификации участников, лидеров и идеологов антибольшевистского движения.

Специфика работы состоит также в том, что в ходе анализа символических практик антибольшевистских правительств, целью которых являлась репрезентация союзников, впервые был выявлен и изучен ряд особенностей в целом характерных для символической политики антибольшевистского движения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Центральное место в идеологии и политической пропаганде антибольшевистского движения востока России (1918 – 1920 гг.), как едином дискурсивном пространстве, занимал «нарратив возрождения» – целостное повествование, связывающее разрозненные тексты и объединяющее их одной темой – грядущего воскрешения «великой, единой, неделимой России». Важнейшей составляющей «нарратива возрождения» являлся образ иностранных союзников – стран Антанты и США. Трансформация этого образа, воспроизводимого периодической и непериодической печатью Поволжья, Урала, Сибири и Дальнего Востока зависела как от внешнеполитических факторов, так и от идейных установок лидеров антибольшевистского движения и особенностей функционирования информационного пространства востока России.

2. Все политические режимы и группировки востока страны, выступавшие против советской власти, стремились использовать позитивный образ союзников с целью собственной легитимации в глазах населения. Представляя союзников в качестве коллективного Помощника[92] и своеобразного образца для подражания в пропагандистских текстах и символических практиках, антибольшевистские силы стремились укрепить свой авторитет, актуализируя идеи боевого братства и цивилизационного единства русских и представителей союзных наций.

3. Интерпретация гражданской войны как продолжения войны мировой, позволяла антибольшевистским силам провозглашать себя защитниками страны от иноземных захватчиков и их пособников, в качестве которых рассматривались

[92] Термин «Помощник» использован в данном случае в том смысле, которое придавал ему А.-Ж. Греймас в рамках своей актантной схемы. (См.: Греймас А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М., 2004. С. 253, 258, 261.).

немцы и большевики, и обосновывать присутствие союзных войск на территории Сибири и Дальнего Востока, представляя их в роли Помощника в рамках «нарратива возрождения». При этом, интервенция расценивалась как своеобразная благодарность союзников за те жертвы, которые принесла Россия на алтарь общей победы. Представления о большевиках как угрозе для всего цивилизованного мира давали возможность их противникам обосновывать присутствие союзных войск в России и после окончания мировой войны в ноябре 1918 г. Теперь интервенция рассматривалась пропагандистскими изданиями «белого» Востока как совместная борьба против «пугачевщины XX века», грозившей всем «культурным народам».

4. Воспроизводя бытовавший в России стереотип о «расчетливых союзниках», идеологи антибольшевистского движения сил стремились показать, что великие державы не меньше русских заинтересованы в восстановлении единой и сильной России, как одного из гарантов стабильности послевоенного миропорядка. Военные неудачи белых правительств и непоследовательная политика Антанты и США в отношении России, подчеркивали противоречивость пропагандистского образа союзников, неуклонно скатывающихся от роли Помощника к амплуа безучастного наблюдателя или даже препятствия на пути страны к возрождению. Нередко именно бездействием или недружественными действиями союзников белые впоследствии стремились объяснить причины своего поражения.

5. Образ союзников, формировавшийся на основе оценок их внешней и внутренней политики, вместе с тем, являлся проекцией национальных, политических и социальных предпочтений лидеров и идеологов антибольшевистского движения. Образы стран Антанты и США, обладавшие набором уникальных и общих характеристик, играли в рамках изучаемого нарратива роль эталона, на который следовало ориентироваться при строительстве российской политической системы в будущем. Призывы учиться у «Великих держав» являлись отражением попыток формирования новой национальной идентичности, способной сплотить общество в условиях идейной

борьбы с большевиками и на фоне кризиса и распада механизмов имперской самоидентификации.

6. Центральной в этой новой идентичности являлась идея единства нации, как некоего воображаемого сообщества граждан-патриотов, отдающих все силы во имя сохранения и укрепления мощи государства. Данный идеальный образ гражданина строился нередко на основе характеристик, почерпнутых из представлений о союзниках, выступавших в качестве позитивного примера. На практике антибольшевистские силы оказались неспособны сформировать свою социальную опору и сконструировать набор приемлемых для нее ценностей – умозрительные ценности были предназначены несуществующему сообществу, а идеализированные представления о союзниках так и остались невостребованным большинством населения эталоном.

Теоретическая и практическая значимость диссертации заключается в возможности применения подхода, разработанного автором в рамках междисциплинарного синтеза, для осуществления реконструкции и объяснения ключевых составляющих образа «Другого» (союзников) в контексте анализа базовых положений идеологии антибольшевистских сил. В ходе выявления особенностей формирования представлений о союзниках в рамках официальных торжеств и ритуалов актуализирована проблема изучения символических практик, осуществлявшихся антибольшевистскими режимами востока России.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения представленного в ней обобщённого фактического материала, положений и выводов для дальнейших исследований истории Гражданской войны, в частности, аспектов, связанных с внутренней и внешней политикой антибольшевистских правительств, иностранной военной интервенцией в России. Материалы исследования могут быть также использованы при подготовке учебных материалов по отечественной истории XX в.

Достоверность результатов, полученных в процессе диссертационного исследования, подтверждается широким кругом источников. Работа выполнена на материалах более 100 наименований газет и журналов, выпускавшихся на

территориях, находившихся под контролем антибольшевистских правительств в 1918–1920 гг. Кроме того, источниками выступили опубликованные и неопубликованные нормативные акты, делопроизводственная документация, источники личного происхождения, кино- и фотодокументы. Широкий круг источников позволил доказать эффективность применения разработанной автором теоретической модели, сочетающей в себе общенаучные и специальные методы. Опираясь на данную модель, удалось определить и охарактеризовать роль исследуемого образа союзников в процессе конструирования идеологии антибольшевистских сил.

Результаты диссертационного исследования **апробированы** на научно-практических конференциях международного, всероссийского и регионального уровня в Томске, Красноярске, Новосибирске, Тюмени, в том числе: всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Вопросы истории, археологии, политических наук и регионоведения» (Томск, 2012, 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018); Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2012, 2013, 2014, 2015); Сибирском историческом форуме «Социокультурное освоение Сибири» (Красноярск, 2014); II Международной научно-практической конференции «Политический дискурс в парадигме научных исследований» (Тюмень, 2015); Всероссийской молодежной научной школе-конференции с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2012, 2013, 2014).

Диссертационное исследование осуществлено в рамках научно-исследовательской работы кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Национального исследовательского Томского государственного университета, а также при выполнении ряда грантов и проектов:

- Грант РГНФ: «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны:

роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства»[93];

- Проект «Текстуальное наследие Сибири: задачи и перспективы научной атрибуции и дискурсивного анализа традиционных источников исторической информации» Научного фонда имени Д. И. Менделеева Национального исследовательского Томского государственного университета[94];
- Госзадание Минобрнауки России «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности»[95].

Публикации по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 22 работы, в том числе шесть статей (три из них в соавторстве) в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки РФ.

Структура исследования подчинена реализации обозначенных во введении цели и задач. Диссертация включает в себя введение, три главы, по два раздела в каждой, заключение, список использованных источников и литературы.

---

[93] Грант Российского гуманитарного научного фонда: исследовательский проект № 14-01-00395 «Государственная идеология антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы революции и Гражданской войны: роль медийного дискурса в институционализации политической власти и формировании информационного пространства», (2014–2015 гг.).

[94] Программа государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентной способности среди ведущих мировых научно-образовательных центров: исследовательский проект № 8.1.44.2015 «Текстуальное наследие Сибири: задачи и перспективы научной атрибуции и дискурсивного анализа традиционных источников исторической информации» Научного фонда имени Д. И. Менделеева Национального исследовательского Томского государственного университета

[95] Государственное задание Минобрнауки России, проект № 33.1687.2017/4.6, 2017–2019, «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности»

ГЛАВА 1 Репрезентация образа союзников в антибольшевистской периодической печати востока России: историографический аспект

1.1 Особенности взаимоотношений антибольшевистских политических режимов с бывшими союзниками России по антигерманской коалиции в отечественной и зарубежной историографии

Образ союзников – стран Антанты и США, формировавшийся в ходе информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистских сил востока России, рассматривается как многомерная динамичная конструкция, являющая собой синтез фактов и оценочных суждений. Составляющими элементами данной конструкции являлись: во-первых, некие базовые («априорные») знания и представления об объекте (союзниках); во-вторых, представления, сформированные на основе текущего восприятия объекта; и, наконец, модели и прогнозы, в рамках которых фигурирует объект. Кроме того, особую роль в процессе создания образа играли идеологические и мировоззренческие установки ключевых акторов идеологического воспроизводства.

Текущее восприятие союзников лидерами, идеологами, участниками Белого движения происходило в ходе взаимодействия в ряде сфер. Дипломатические контакты руководства антибольшевистского движения с представителями Антанты и США, взаимоотношения русских и иностранцев в рамках интервенции, экономические связи, повседневное общение на различных уровнях и т.д. – все это обеспечивало многомерность образа союзников. Отсюда возникает необходимость рассмотрения того, как контакты на каждом из уровней влияли на формирование образа. Решение данной задачи будет сопряжено с анализом результатов отечественных и зарубежных исследований, касающихся проблем взаимодействия антибольшевистских сил и союзных держав в годы Гражданской войны.

Поскольку ход событий на востоке России в годы Гражданской войны и интервенции достаточно полно представлен в отечественных и зарубежных исследованиях, внимание будет сосредоточено, прежде всего, на тех выводах и оценках историков, которые помогают яснее очертить рамки, определявшие особенности восприятия союзников участниками Белого движения.

Все последующие интерпретации событий Гражданской войны в советской историографии, в том числе относительно взаимодействия белых и Антанты, выстраивались во многом на основе оценок В.И. Ленина. В августе 1918 г. в обращении к рабочим, лидер большевиков отмечал, что «внешний враг Российской Советской Социалистической Республики, это – в данный момент англо-французский и японо-американский империализм»[96]. «Этот враг наступает на мирную Россию так же зверски и грабительски, как наступали германцы в феврале, с тем, однако, отличием, что англо-японцам нужен не только захват и грабеж русской земли, но и свержение Советской власти для “восстановления фронта”, т. е. для вовлечения России опять в империалистскую (проще говоря: разбойничью) войну Англии с Германией»[97], – таковы были, по мнению В.И. Ленина, основные мотивы союзников. Подчеркивалось при этом, что антибольшевистские правительства лишь «пешки» в руках союзных держав[98]. «Колчак и Деникин – главные и единственно серьезные враги Советской республики», которые, по словам председателя Совнаркома давно бы развалились без помощи Антанты[99].

Таким образом, еще в годы Гражданской войны были сформулированы два важных тезиса – о несамостоятельности белых правительств во внешнеполитической сфере и об ответственности «международного капитала» за эскалацию Гражданской войны. Подхваченные другими авторами, в дальнейшем они существенно повлияли на советскую историографию.

---

[96] Ленин В.И. Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М., 1969. Т. 37. С. 38.

[97] Там же.

[98] Ленин В.И. Ответ на вопросы американского журналиста // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М., 1970. Т. 39. С. 115.

[99] Ленин В.И. Все на борьбу с Деникиным! // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М., 1969. Т. 38. С. 46.

Некоторые аспекты взаимоотношений антибольшевистских сил с Антантой и США на официальном уровне стали предметом рассмотрения советских авторов уже в первые десятилетия существования Советского государства. В работе В.Д. Виленского-Сибирякова, опубликованной в разгар Гражданской войны, указывалось на подчиненность и несамостоятельность чехов, ставших «игрушкой» в руках империалистов, которые, в свою очередь, также не были заинтересованы в монолитности Белого движения, поддерживая атаманщину[100].

В книге М. Левидова, написанной на основе зарубежной прессы и официальных публикаций, рассмотрены перипетии внешней политики союзников накануне интервенции в Россию. Автор подчеркивал, что союзники не только были заняты устранением противоречий, препятствовавших совместному вмешательству всех стран, но и активно стремились «создать идеологию для интервенции»[101]. При этом М. Левидов делал важный вывод об эволюции данной «идеологии» – сначала речь шла об охране военных запасов союзников и восстановлении порядка во Владивостоке, затем о предотвращении германской угрозы на Мурмане, оказании помощи чехословакам, продвигавшимся на восток. Наконец, основной целью интервенции бала объявлена борьба с Советской властью[102].

В еще одной работе того же периода автором которой являлся И. Субботовский, на основе документов правительства А.В. Колчака, хранившихся в тот момент в Иркутске, рассматривалась политика держав-участниц интервенции. Не являясь, по сути, полноценным научным трудом, книга И. Субботовского, тем не менее, вводила в оборот ряд ценных источников[103].

После окончания Второй мировой войны интерес советских историков к интервенции возрос. Вмешательство союзников в Гражданскую войну неизбежно рассматривалось через призму начавшейся Холодной войны. В работе

---

[100] Виленский-Сибиряков В. Д. Чёрная година сибирской реакции (интервенция в Сибири). М., 1919. С. 20, 33.

[101] Левидов М. К истории союзной интервенции в России. Л., 1925. Т.1. : Дипломатическая подготовка. С. 172.

[102] Там же. С. 174.

[103] Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция. Л., 1926. 328 с.

Б.Е. Штейна, посвященной деятельности Парижской мирной конференции, отмечалось, что одним из ключевых предметов обсуждения на конгрессе являлся «русский вопрос». Главной целью интервенции, помимо свержения Советского правительства, называлось также низведение России до уровня «колонии» и «объекта международной капиталистической эксплуатации», путем «расчленения и всяческого ослабления»[104]. Рассматривая лидеров антибольшевистского движения как инструмент в руках «империалистов» и указывая на незаинтересованность последних в «единой и неделимой России», автор считал поддержку данного лозунга белых союзниками лишь тактической уловкой[105].

В 1950-х на фоне противостояния СССР и Запада выходит целый ряд работ, посвященных внешней политике США и стран Антанты и интервенции, в частности. Особый интерес исследователи проявляли к деятельности США[106]. В данных исследованиях, написанных «на злобу дня», несмотря на политизированность, были рассмотрены ключевые этапы интервенции и представлен ценный фактический материал. Заслуживает внимания и тезис о том, что противоречия между антибольшевистскими правительствами востока России отражали разногласия между поддерживавшими их «империалистическими державами»[107].

Развивался данный тезис в книге Г.Х. Эйхе – непосредственного участника описанных им событий. По мнению автора, установление диктатуры Колчака стало не следствием единодушной политики союзников, а наоборот – отражением соперничества среди них[108].

В 1960-80-е гг. появляются работы, посвящённые как комплексному изучению политики стран Антанты, так и анализу деятельности отдельных стран-участниц интервенции в России. Касаясь предыстории интервенции,

---

[104] Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 406.
[105] Там же. С. 414-415.
[106] Мельчин А.И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке. М., 1951. 72 с.; Берёзкин А.В. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России. М., 1952. 256 с.; Беляев Б. Крах американской агрессии в Сибири в 1918–1920 гг. Новосибирск, 1952. 56 с.; Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и ее разгром. М., 1957. 199 с.
[107] Григорцевич С.С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке… С. 23.
[108] Эйхе Г.Х. Опрокинутый тыл. М., 1966. 386 с.

В.С. Васюков отмечал, что вмешательство Западных держав и Японии во внутренние дела в России началось с первых дней революции[109]. В работах советских исследователей, посвященных советско-американским отношениям, также были рассмотрены предпосылки и ключевые этапы американской интервенции[110]. Так, по мнению Р.Ш. Ганелина помимо международно-политических причин, начало интервенции в Россию было обусловлено и внутренними американскими обстоятельствами – в процессе формирования политики в отношении России одержал верх антисоветский курс, в то время как сторонники деловых отношений США и Советского правительства были оттеснены на второй план[111].

Рассматривались отношения белых и союзников в рамках изучения истории установления и падения антибольшевистских правительств. В связи с этим следует отметить, в частности, работы Г.З. Иоффе[112]. По его мнению, Антанта и США, стремясь не допустить объединения России, поддерживали разобщенность антибольшевистских сил, с другой стороны – желание союзников «искоренить революционную заразу» подталкивало к поощрению объединения антисоветских правительств[113].

В публикациях М.И. Светачева[114] и Б.С. Жигалова[115], затрагивавших особенности политики Великобритании на Дальнем Востоке, указывалось на то, что именно вмешательство британцев обеспечило приход А.В. Колчака к власти. Рассматривая проблему признания Омского правительства союзными державами, советские историки указывали на зависимость официального признания от военных успехов белых армий. М.И. Светачев, в ряде своих статей и монографии

---

[109] Васюков В.С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 – март 1918. М., 1968. С. 295.

[110] Попова Е.И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). М., 1967. 343 с.; Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917–1920). М., 1970. 326 с.; Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 гг. Л., 1975. 201 с.; Мальков В.Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933 гг.) // Новая и новейшая история. 1984. № 1. С. 125-146.

[111] Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 гг. Л., 1975. С. 201.

[112] Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. 320 с.; Его же. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. 294 с.

[113] Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. С. 75.

[114] Светачев М.И. Интервенты и сибирская контрреволюция (ноябрь 1917–1918 гг.) // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 1973. Вып. 3. С.10-89.

[115] Жигалов Б.С. Дальневосточная политика Англии в 1917–1922 гг. Томск, 1981. 175 с.

комплексно исследовавший различные аспекты союзной политики, полагал в связи с этим, что союзная нота от 26 мая 1919 г. носила империалистический характер и призвана была скрыть от лица общественности «реакционный характер» антибольшевистских сил[116].

М.И. Светачевым подчеркивалась также противоречивость политики союзников в отношении белых. По мнению историка, политические мотивы зачастую преобладали над экономическими, что позволяло урегулировать противоречия внутри Антанты. Тем не менее, конкуренция между союзниками являлась важным фактором, способствовавшим разобщенности белых[117].

В появившемся на исходе советского периода коллективном исследовании Ю.А. Полякова, В. А. Шишкина, Ю. В Мухачева, Л.М. Спирина и Ф.Д. Волкова[118] рассматривалось многообразие форм и видов союзной интервенции – блокада, вооруженная агрессия, подрывная деятельность и проводились параллели с политикой капстран в 80-е гг. XX века.

Тезис о полной зависимости сибирской контрреволюции от внешних сил, отстаивавшийся в советской историографии, подтверждался также и в работе С.Ф. Фоминых. В ходе анализа американской дипломатической переписки исследователь сделал вывод о стремлении интервентов скоординировать действия «внутренней и внешней контрреволюции», несмотря на имевшиеся противоречия между державами, особенно между США и Японией[119].

Обобщая выводы советских историков, внесших существенный вклад в изучение взаимоотношений антибольшевистских сил и союзников, предпосылок, ключевых этапов и направлений интервенции, необходимо выделить ряд важных тезисов:

Во-первых, единство антибольшевистских сил и союзников носило, по мнению авторов, классовый характер. Все, кто выступил против советской власти

---

[116] Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск, 1983. С. 153.

[117] Там же. С. 289, 291.

[118] Антисоветская интервенция и её крах / Ю.А. Поляков [и др.]. М., 1987. 208 с.

[119] Фоминых С.Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника. Томск, 1988. С. 195.

на востоке России, рассматривались как контрреволюционеры и реакционеры, стремившиеся восстановить старый порядок. Эту же цель преследовали и союзники.

Во-вторых, указывалось на абсолютную несамостоятельность руководства антибольшевистского движения в сфере внешней политики. Лидеры контрреволюции и их армии рассматривались как «наемники империализма»[120].

В-третьих, отмечалась противоречивость политики союзников, стремившихся, с одной стороны, к раздроблению России, с другой – пытавшихся на время объединить антибольшевистские силы для борьбы с Советским правительством.

Наконец, советские исследователи, опираясь как на отечественные, так и зарубежные источники, указывали на наличие противоречий между союзными державами-участницами интервенции в Россию. Отмечалось в данном контексте, что разобщенность антибольшевистских сил во многом являлась следствием соперничества между союзниками.

В целом же, следует согласиться с современным исследователем А.В. Шмелевым, который полагает, что советские историки изучали в большей степени не внешнюю политику антибольшевистских правительств (отказывая им в суверенности – К.К.), а сосредотачивали внимание, в первую очередь, на действиях союзных представителей[121].

В 1990-е гг. начинается новый этап в исследовании Гражданской войны в России, в том числе и проблем, касающихся взаимоотношений России со странами Антанты и США в данный период. Как отмечалось в некоторых историографических работах[122], вышедших в самом начале 2000-х гг., первое послесоветское десятилетие изучения Гражданской войны, антибольшевистского движения и интервенции ознаменовалось как рядом положительных сдвигов (плюрализм подходов и методологий, ввод новых источников, расширение

[120] Антисоветская интервенция и её крах… С. 51.
[121] Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала А.В. Колчака. М. 2017. С. 12.
[122] Немчинова Т. А. Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002. 190 с.; Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е годы). Архангельск, 2000. 280 с.

проблематики), так и некоторыми отрицательными тенденциями (односторонние оценки деятельности противоборствующих сторон и их идеализация). Вместе с тем, по мнению В.А. Бордюгова, А.И. Ушакова и В.Ю. Чуракова, на рубеже XX – XXI вв. наступил поворотный момент в историографии Белого движения, знаменующийся поворотом от излишней идеологизации к научности[123].

Один из основных исследователей интервенции на Дальнем Востоке М.И. Светачев[124] в 1990-х годах выступил против тенденциозности в освещении интервенции. Для объективной оценки политики союзников автор считает необходимым учитывать тогдашнюю международную обстановку, место России в геостратегических и внешнеполитических концепциях великих держав. М.И. Светачев утверждает, что интервенция началась еще до октября 1917 года и говорит о комплексе интересов иностранных держав, связанных с Россией[125]. События интервенции на Дальнем Востоке с учетом новых подходов подробно освещаются в многотомной работе дальневосточных исследователей, посвященной истории Дальнего Востока.

По мнению авторов, соперничество между союзниками привело к возникновению двух центров, где шла подготовка к установлению диктатуры – Омска (там преобладало британское влияние) и Владивостока (где японцы поддерживали генерала П.П. Иванова-Ринова)[126]. Конечной целью политики союзников по отношению к правительству А.В. Колчака являлось превращение востока России в сферу влияния Антанты и США[127].

---

[123] Бордюгов В.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти : историографические очерки. М., 1998. 320 с.

[124] Светачев М.И. Белогвардейцы, интервенты и их программа создания «новой» России (1918 – 1920 гг.) // Актуальные проблемы современной цивилизации: учеб. пособие по курсу «Основы современной цивилизации». Хабаровск, 1996. С. 87-101; Его же. Россия, союзники и вопрос о сепаратном государстве в Сибири и на Дальнем Востоке (1917–1922 гг.) // Гродековские чтения : тез. науч.-практ. конф. Хабаровск, 19-20 дек. 1996 г. Хабаровск, 1996. Ч. 1. С. 84-87; Его же. Союзническая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке и вопрос о судьбе выходов России к Тихому океану // Материалы Тихоокеанской науч. конф., посвященные 300-летию российского флота. Владивосток, 23-30 окт. 1996 г. Владивосток, 1996. Вып. 2. С. 64-69; Его же. Иностранные державы и революционные события 1917 г. в России: опыт экспорта контрреволюции // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории : материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 22-24 сент. 1997 г. Хабаровск, 1997. С. 7-12; Его же. Сибирь, Антанта и политика «помощи» белым // Дальний Восток России в период революции 1917 года и гражданской войны. Владивосток, 1998. С. 248-266.

[125] История Дальнего Востока России. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны / Под ред. Б.И. Мухачева. Владивосток, 2003. Т. 3., кн. 1. С.27-28.

[126] Там же. С.263

[127] Там же. С.278.

Г.А. Трукан, рассмотревший деятельность антибольшевистских правительств Юга и Востока России, а также деятельность Политического совещания, отметил, что ставка на западную помощь стала стратегическим просчетом для антибольшевистских правительств – союзники не были заинтересованы в единстве России, стремясь использовать русскую силу в своих целях, прежде всего, для разгрома Германии. Вмешательство иностранных держав в Гражданскую войну не смогло переломить хода боевых действий, однако давало большевикам козыри в идеологической борьбе, позволяя представить им свою борьбу как справедливую и патриотическую. Таким образом, по мнению Г.А. Трукана, лидеры союзных держав сами усиливали диктатуру большевиков[128].

Дальневосточный историк Ю.Н. Ципкин полагает, что белогвардейская альтернатива могла реализоваться только при поддержке извне. Однако отношения антибольшевистских сил и союзников характеризовались не только «вынужденным сотрудничеством, но и латентным, иногда открытым соперничеством»[129]. По мнению Ю.Н. Ципкина, союзники открыто грабили Россию, стремясь к ее расчленению[130]. В то же время попытка насаждения в России западных моделей социально-политического развития силами белых и интервентов считается исследователем обреченной на провал из-за неприятия населением действий союзников, а также в силу реставрационной политики лидеров Белого движения, лишь временно прикрывавшихся концепцией «непредрешения»[131].

Особенности восприятия событий в России дипломатами и политическим руководством США и других стран Запада, рассматриваются в монографии и статьях С.В. Листикова[132]. Автор обращает внимание на процесс выстраивания

---

[128] Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 215-216.

[129] Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России : Формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922). Хабаровск, 2012. С. 122.

[130] Там же. С. 241.

[131] Там же. С. 243.

[132] Листиков С.В. США и Революционная Россия в 1917 году: К вопросу об альтернативах американской политики вот Февраля к Октябрю. М., 2006. 452 с.; Его же. Вудро Вильсон и «Белое дело»: Россия на переломе Гражданской войны и иностранной интервенции [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». Электрон. дан. [Б. м.], 2009-2018. URL: http://www.history.jes.su/s207987840000837-9-1 (дата обращения: 15.04.2018).

внешнеполитического курса союзных стран в отношении России и влияние «русского вопроса» на процесс принятия решений представителями Антанты в ходе Версальской мирной конференции.

Как показывает исследователь, российские дипломаты с весны 1918 года активно стремились подтолкнуть руководство США и стран Антанты к интервенции в Россию, при этом российские представители вынуждены были учитывать противоречия среди союзников, особенности внутреннего политического положения великих держав, а также возможную реакцию российского населения на возможное вмешательство иностранцев[133].

По мнению С.В. Листикова, правящие круги союзных стран не были единодушны в своем отношении к России. Так, В. Вильсон не ставил под сомнение будущее России как единого и демократического государства, рассчитывая на то, что «объединение экономического, военного и политического потенциала американской и русской демократий при лидерстве Вашингтона позволило бы ему осуществлять самые амбициозные планы глобальной политики»[134]. В силу этого, президент США не стремился отдавать инициативу в решении «русского вопроса» лидерам стран Антанты.

Между тем, представители Великобритании, среди которых также не было единства относительно российской проблемы, видели Россию сильно усеченной и ослабленной за счет поощрения возникших в ее бывших пределах национальных государств. Французы, как отмечает автор, колебались между двумя этими точками зрения[135].

Как полагает С.В. Листиков, союзники с подозрением смотрели на Белое движение, представлявшееся им скорее реакционным и реставраторским. Это, а также несговорчивость белых в вопросе единства и неделимости России,

---

[133] Листиков С.В. «Русский след» в американской интервенции // Российская история. 2012. № 5. С. 139-151; Его же. Белая дипломатия о позиции США и Европейских держав по вопросу о территориальной целостности России (Версальская мирная конференция 1919 г.) // Американский ежегодник. 2009. №2007. С. 280-286.

[134] Листиков С.В. «14 пунктов» и формирование «русской политики» Вудро Вильсона // Российская история. 2015. №6. С. 135.

[135] Листиков С.В. Версаль и «русский вопрос»: идея «окружения» Советской России и ее эволюция // Первая мировая война, Версальская система и современность : [сборник] / отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина. СПб., 2014. С. 291.

обуславливали неопределенность политики союзного руководства в отношении России. В конечном счете, считает исследователь, благодаря колебаниям союзников большевистский режим сумел укрепиться и выстоять[136].

В.Ж. Цветков, в двухтомной монографии рассмотревший особенности формирования и эволюции политических структур Белого движения, полагает, что белые в рамках своей политики стремились сохранить и обеспечить неразрывность и преемственность деятельности органов власти и в области законодательства[137]. Антибольшевистские силы, по его мнению, стремились к воссозданию дооктябрьских, а в некоторых случаях дофевральских порядков в ряде сфер жизни общества. Логично, что и в области внешней политики большинство белых, по мнению автора, выступало за сотрудничество со странами Антанты как союзниками России по Первой мировой войне, несмотря на наличие прогерманской ориентации среди части кадетов[138].

Важную роль во взаимодействии антибольшевистских сил с союзниками сыграли представители русского дипломатического корпуса. В работах Е.М. Мироновой и М.М. Кононовой[139] рассматривается структура российского дипломатического представительства за рубежом и ключевые направления его деятельности в годы Гражданской войны. Не признав советскую власть, сотрудники внешнеполитического ведомства России, находившиеся за границей, оказали значительное содействие антибольшевистским силам и их армиям, поддержав лозунг Белого движения о воссоздании «единой и неделимой России»[140]. Российские загранучреждения активно стремились обеспечить признание сначала Директории, а затем правительства А.В. Колчака, однако, как указывает М.М. Кононова, усилия дипломатов оказались напрасными, поскольку

---

[136] Листиков С.В. Великие державы и «русский вопрос»: Решения Версальской мирной конференции 1919–1920 гг. и их последствия // Российская история. 2011. №5. С. 24-25.

[137] Цветков В.Ж. Белое дело в России 1919–1922. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М., 2016. Ч. 2. С. 544.

[138] Там же. С. 550.

[139] Кононова М. М. Российские дипломатические загранучреждения в эмиграции, конец 1917 – первая половина 1920-х гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 2003. 280 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[140] Кононова М. М. Российские дипломатические загранучреждения в эмиграции, конец 1917 – первая половина 1920-х гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 2003. С.3. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

союзники не были заинтересованы в участии России на Парижской конференции в качестве великой державы.

Отмечая, что небольшевистские дипломаты приложили значительные усилия по защите интересов и единства России, Е.М. Миронова, вместе с тем, считает, что сотрудники российских диппредставительств за рубежом не могли реально помешать ни союзникам, заинтересованным в расчленении бывшей империи, ни окраинным народам, стремившимся к независимости, нарушить территориальную целостность страны. Однако, как полагает автор, «они могли и создавали ситуацию, в которой заниматься этим было… неуютно»[141].

Отдельные вопросы, связанные с внешней политикой антибольшевистских сил востока России, затрагиваются в современных работах, посвященных жизни и деятельности А.В. Колчака и других лидеров и политических деятелей Белого движения, а также в исследованиях, касающихся вопросов функционирования антибольшевистских режимов, существовавших на востоке страны. Так, например, М.В. Шиловский в своем исследовании, как и ряд других авторов до него, выражал мнение о том, что союзники не были заинтересованы в сильной и единой России, что предопределило смену курса союзной политики – с признания, на создание «санитарного кордона»[142].

В книге, посвященной личности А.В. Колчака, И.Ф. Плотников отмечает, что Верховный правитель был постоянно озабочен мыслью о сохранении независимости своего правительства от союзного влияния. В связи с этим автор приводит широко известный эпизод, связанный с попыткой назначения М. Жанена главнокомандующим всеми силами на востоке России. Слова А.В. Колчака о том, что он скорее откажется от иностранной помощи, нежели согласится с действиями союзников, послужили аргументом в пользу

---

[141] Миронова Е.М. «Мы, признанные союзниками представители России…» Деятельность русской небольшевистской дипломатии в период Гражданской войны (1917 – конец 1920 г.) // Россия XXI. 2015. № 1. С. 134.

[142] Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. 428 с.

утверждения о том, что Омское правительство стремилось к самостоятельной политике[143].

В монографии В.Г. Хандорина, также посвященной А.В. Колчаку, утверждается, что и А.В. Колчак, и А.И. Деникин, несмотря на зависимость белых армий от военных поставок союзников, и необходимость считаться с позицией держав, все же не находились, как утверждалось в советское время, под прямым контролем стран Антанты. Лидеры антибольшевистских сил, по мнению историка, стремились не допускать нарушения национальных российских интересов представителями стран Антанты и США[144].

Автор отмечает, что в период Гражданской войны российская интеллигенция стала проявлять особый интерес к внешнеполитическим проблемам, поскольку успех борьбы с большевиками в немалой степени зависел от помощи извне. Говоря об отсутствии единства в политике союзников В.Г. Хандорин считает, что наибольший вклад в дело помощи белым оказали британцы, которые при этом «вели себя вполне корректно». Прочие «союзники», по мнению автора, не помогали антибольшевистским силам, а «вредили своими междоусобными склоками и эгоистическими амбициями»[145].

Современные отечественные исследователи отмечают, что противоречия среди союзников, и их корыстные устремления в отношении ослабленной войной России, не являлись секретом для военного и политического руководства антибольшевистского движения. И А.В. Колчак, и его окружение в кулуарах нередко заявляли о том, что союзникам не нужна сильная Россия. Так, Е.А. Казакова в диссертации, посвященной личности и деятельности П.В. Вологодского, отмечает, что председатель правительства в ходе переговоров с представителями держав на Дальнем Востоке смог убедиться в наличии противоречий среди союзников – политика Японии, в частности, напрямую зависела от действий США. Политик был уверен, что добиться военной помощи японцев без аналогичных действий со стороны Америки, и, не идя на уступки,

---

[143] Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак. Жизнь и деятельность. Ростов-на-Дону, 1998. 320 с.
[144] Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск, 2006. С. 116.
[145] Там же. С. 130.

было невозможно. Тем не менее, дальневосточная миссия П.В. Вологодского, целью которой являлось укрепление позиций Сибирского правительства как путем устранения конкурентов (ВПАС, Правительство Д.Л. Хорвата), так и в ходе установления прочных отношений с союзниками, была охарактеризована автором как успешная[146].

По мнению С.П. Звягина, посвятившего свою монографию судьбе В.Н. Пепеляева, представители кадетской партии, видя непоследовательность и эгоизм Антанты, призывали относиться к союзникам соответствующим образом. Сам В.Н. Пепеляев планировал играть на противоречиях среди союзников и особую ставку делал на помощь японцев[147]. Вместе с тем, политик говорил о необходимости провозглашения «русской ориентации» и сохранения «свободы рук» в отношениях с иностранцами[148]. Однако, как отмечает, С.П. Звягин, Верховный правитель и В.Н. Пепеляев оказались в плену «привлекательной, но нежизнеспособной» идеи «единой и неделимой», которая мешала им проявлять необходимую гибкость в области внешней политики и в отношениях с бывшими окраинами империи[149].

Весомый вклад в изучение внешней политики правительства А.В. Колчака внес В.А. Шмелев, посвятивший данной теме свое диссертационное исследование[150], вышедшее еще в середине 1990-х гг. В 2017 г. историком была выпущена монография, представляющая дополненные результаты комплексного изучения внешней политики Омского правительства. Автор выделяет три главных направления внешней политики А.В. Колчака – признание, снабжение и обеспечение единства страны[151]. По мнению В.А. Шмелева, всех причастных к внешней политике деятелей Белого движения можно причислить к одной из двух группировок, – «государственников» и тех, кто готов был делать материальные и

---

[146] Казакова Е.А. П. В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность (1863–1920 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Томск, 2008. 363 с.

[147] Звягин С.П. В.Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века. Томск, 2012. С. 165.

[148] Там же.

[149] Звягин С.П. В.Н. Пепеляев: судьба либерала… С. 195.

[150] Шмелев В. А. Внешняя политика правительства адмирала А. В. Колчака, 1918–1919 гг. : дис. … канд. ист. наук. М., 1995. 272 с.

[151] Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала А.В. Колчака. М., 2017. С. 215.

территориальные уступки союзникам и окраинным народам ради победы над большевиками. Указывая на существование споров между представителями двух этих группировок, автор отмечает, что всегда преобладала позиция «государственников», стремившихся к сохранению интересов и суверенитета России[152]. Исходя из этого, историк подчеркивает, что правительство А.В. Колчака стремилось проводить собственную политику независимо от союзников. Данное стремление к самостоятельности, в котором союзники видели призрак «великой и единой России», в конечном счете, предрешило судьбу белых. В.А. Шмелев указывает на то, что союзники, среди которых не было единства в русском вопросе, не проявляли особой симпатии к белым, видя в них продолжателей великодержавной политики старой России[153].

По мнению историка, успехи внешней политики Омска всецело зависели от успехов белых армий. Однако неудачи внешнеполитических шагов правительства А.В. Колчака были предопределены не только военными провалами, но и таким фактором как склонность белых политиков принимать желаемое за действительное. Сложности восприятия действительности теми, кто был ответственен за руководство внешней политикой – прежде всего С.Д. Сазоновым – были обусловлены как уверенностью в неизбежности восстановления России, так и недостатком информации[154].

Проблема взаимоотношений союзных держав и антибольшевистских правительств неоднократно затрагивалась и в зарубежной историографии. В период Холодной войны вышел целый ряд работ западных исследователей, посвященных анализу политики Антанты и США в отношении России и интервенции. Особое внимание зарубежные историки уделяли вопросу о причинах вооруженного вмешательства союзников, в частности США, в Гражданскую войну.

Рассматривая причины, побудившие В. Вильсона вмешаться в события в России, исследователи, затрагивавшие те или иные аспекты американской

---

[152] Шмелев А.В. Внешняя политика адмирала А.В. Колчака… С. 218.
[153] Там же. С. 220-221.
[154] Там же. С. 222.

внешней политики, указывали на целый ряд факторов. Как следует из обзора зарубежных исследований американской внешней политики, представленного Д. Дэвисом и Ю. Трэни[155], существует несколько точек зрения относительно того, какой из факторов, подтолкнувших В. Вильсона и его администрацию к интервенции, стал решающим.

Дж. Ф. Кеннан полагал, что побудительным мотивом к участию Америки в интервенции стала необходимость оказания помощи чехословакам. Кроме того, историк отмечал, что на решение В. Вильсона насчет начала интервенции существенное влияние оказывали союзники[156]. Дж. Уайт[157] и Б.М. Антербергер[158] заостряли внимание на американо-японском соперничестве в Тихоокеанском регионе, полагая, что решение об отправке американских войск на восток России было продиктовано стремлением Соединенных Штатов не допустить усиления Японии на Дальнем Востоке. По мнению У.Э. Уильямса[159] и Л.С. Гарднера[160], основной причиной интервенции стал антисоветизм американского руководства.

К. Лэш[161] и Н. Г. Левин[162] рассматривали вооруженную интервенцию в Россию как часть союзной стратегии в период мировой войны. Указывая на то, что руководство США было склонно рассматривать большевиков как союзников немцев, авторы полагали, что экспедиция в Сибирь предпринималась с целью борьбы против Германии.

Британская политика в отношении России рассматривалась в работах Р. Ульмана[163], А. Колца[164] и М. Кеттла[165]. Так, М. Кеттл полагал, что

---

[155] Дэвис Д. Э., Трани Ю. П. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / пер. с англ. Е. В. Нетесовой. М., 2002. С. 410-421.

[156] Kennan G. F. Russia Leaves the War. Princeton, 1956. 544 p.; Idem. The Decision to Intervene. Princeton, 1958. 542 p.

[157] White J.A. The Siberian Intervention. Princeton, 1950. 495 p.

[158] Unterberger B.M. America's Siberian Adventure, 1918–1920: A Study of National Policy. Durham, 1956. 271 p.

[159] Williams W. A. American Intervention in Russia, 1917–1920 // Studies on the Left. 1963. Vol. 3. № 4. P. 24-48; Idem. American Intervention in Russia, 1917–1920 // Studies on the Left. 1964. Vol. 4. №1. P. 39-57.

[160] Gardner L. C. Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923. New York, 1984. 395 p.

[161] Lasch C. The American Liberals and the Russian Revolution. New York, 1962. 316 p.

[162] Levin N.G. Woodrow Wilson and World Politics: America's Response War and Revolution. New York, 1968. 352 p.

[163] Ullman R. Britain and the Russian Civil War. Princeton, 1968. 414 p.

[164] Kolz A. British Foreign Policy and the Kolchak Government. Boston, 1965. 283 p..

[165] Kettle M. The Road to Intervention, March-November 1918. London, 1988. 401 p.

вмешательство британцев во многом было связано со стремлением союзников восстановить в России Восточный фронт для противодействия немцам. Как и многие другие исследователи, М. Кеттл опираясь на британские архивные материалы, отмечал непоследовательность и противоречивость действий союзников, пытавшихся найти способ решить «русский вопрос». Интерес представляет попытка М. Кеттла исследовать действия Д. Ллойд-Джорджа, направленные на изучение возможности сотрудничества с большевиками против немцев[166].

Политика Франции в отношении России в годы Гражданской войны исследовалась канадским историком М. Карли. Обращаясь к вопросу о причинах французского вмешательства во внутрироссийские события, исследователь отмечал, что, несмотря на нежелание военного ведомства выступать против советского, правительства французское правительство, стремившееся к сохранению своих политических и экономических интересов в России, в конечном счете, решилось на интервенцию[167].

В последние три десятилетия в зарубежной исторической науке произошло существенное расширение проблематики в области изучения Революции и Гражданской войны в России. Как отмечает Л.Г. Новикова, события, приведшие к распаду СССР, и открытие отечественных архивов для зарубежных исследователей, спровоцировали повышение интереса к малоисследованным проблемам, таким как региональные особенности Гражданской войны в России, внутренняя политика и идеология антибольшевистского движения. Деполитизация западной русистики, благодаря которой произошло прекращение противостояния между представителями либерального (традиционалистского) направления и ревизионистами, и расширение методологического инструментария, связанное с ростом интереса к проблемам языка и культуры

[166] Carley M.J. Review article: Allied Intervention and the Russian Civil War, 1917–1922 // The International History Review. Vol. 11. No. 4 (Nov., 1989). P. 690-691.

[167] Carley M. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal // The Journal of Modern History. 1976. Vol. 48. No. 3. P. 413-439; Idem. Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919. Kingston, Montreal, 1983. 278 p.

обеспечили появление новых подходов и интерпретаций в изучении Гражданской войны в России[168].

Особенности взаимодействия антибольшевистских правительств востока России и союзных держав затрагивались как в специальных работах, посвященных интервенции, так и в рамках комплексных исследований, посвященных Гражданской войне и Белому движению.

Канадский исследователь Н. Перейра, в своей книге рассмотревший политические и социальные процессы, происходившие в Сибири в годы Гражданской войны, одной из главных причин поражения белых видит в отсутствии единства и координации действий. При этом историк указывает и на противоречия среди союзников. Так, французы и англичане хотели видеть «своих русских» едиными, но и те и другие, стремились к тому, чтобы их офицеры играли в Сибири руководящую роль, отстаивая здесь интересы своих держав. Согласно мнению автора, прямое участие союзников в перевороте 18 ноября 1918 года не подтверждается, тем не менее, представители держав в Сибири, в том числе консул США Э. Харрис, были заинтересованы в установлении диктатуры[169].

Британский историк Дж. Смил, посвятивший ряд своих работ всестороннему исследованию деятельности правительства А.В. Колчака, а также затронувший некоторые важные аспекты истории Гражданской войны на востоке России, отмечал, что одним из парадоксов колчаковского режима стала его полная зависимость от внешней (союзной) поддержки. Автор полагает, что союзная помощь Белому движению обуславливалась таким фактором, как продолжавшаяся Мировая война. Стремясь не допустить вовлечения России в сферу влияния Берлина, союзники помогали антибольшевистским силам, выступавшим за продолжение войны. Разгром Германии на Западном фронте в ноябре 1918 г. повлек за собой угасание интереса союзников к поддержке Омска. Исследователь полагает, что лидеры союзных стран занятые созданием нового

[168] Новикова Л.Г. Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. №6. С. 143.

[169] Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне. М., 1996. С. 88.

миропорядка, не могли не учитывать роста внутреннего недовольства интервенцией. Для единственной силы, способной оказать поддержку белым – Японии, целью которой являлось доминирование в регионе, интервенция, как подчеркивает автор, стала способом не спасения, а борьбы против России[170]. Указывая на прояпонские настроения части военных и политических деятелей, Дж. Смил задается вопросами, готово ли было руководство антибольшевистского движения пойти на территориальные уступки в обмен на японскую помощь, и готовы ли были британцы и американцы позволить сделать это[171].

Несмотря на обилие работ, написанных в предшествующий период, западные исследователи продолжают обращаться к теме интервенции, рассматриваемой в контексте изучения истории Первой мировой войны и внешней политики руководства США и стран Антанты. В 1990-е гг. появлялись работы, продолжавшие традицию исследования как советско-американских отношений, так и союзной интервенции. Например, в книге Д. Макфаддена о взаимодействии советского правительства и США указывалось на заинтересованность Москвы в установлении тесных контактов с американцами в годы Гражданской войны. Вместе с тем, как считает автор, несмотря на заинтересованность американского бизнеса в налаживании отношений с Россией, руководство США не имело ни четкой политики, ни желания устанавливать конструктивный диалог с большевиками[172].

Д. Фоглсонг, обращаясь к неоднократно затронутой теме – интервенции США и внешней политике В. Вильсона, отмечает, что президент, российская политика которого была во многом непоследовательна, вследствие слабого знания российских реалий и специфики, принял решение об интервенции, в первую очередь, для борьбы с большевиками. Также автор останавливается на роли российского дипломата Б.А. Бахметьева, стремившегося оказать влияние на

[170] Smele J.D. Civil war in Siberia: the anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920. Cambridge, 1996. P. 672-673.
[171] Ibid. P. 494-495.
[172] McFadden D. Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920. New York; Oxford, 1993. 458 p.

руководство США с целью расширения помощи антибольшевистскому движению[173].

По мнению Д. Дэвиса и Ю. Трэни, действия В. Вильсона в отношении советского правительства имели ряд схожих черт с политикой администрации США в годы Холодной войны, что позволило авторам использовать термин «первая холодная война». Участие США в интервенции, по мнению авторов, стало следствием британского и французского давления. Целями вооруженного вмешательства стали охрана военных запасов союзников, «помощь и укрепление демократии, там, где она сохранялась»[174], а также поддержка чехословаков. Однако исследователи считают, что ни одной цели, кроме последней, интервенция не достигла[175].

К. Ричард в работе, посвящённой американской интервенции в Сибирь, рассматривая причины, толкнувшие В. Вильсона на вмешательство, отмечает, что президент рассматривал большевиков и японцев в качестве двух основных угроз для создаваемого им нового миропорядка[176]. Поэтому сибирская интервенция, изначально рассматриваемая как акция против Центральных держав, после окончания войны стала способом борьбы против большевистской угрозы и следствием американо-японского соперничества. По мнению автора, вовлечение США в Гражданскую войну неизбежно привело к аналогичным действиям Японии. Характеризуя американскую интервенцию как «катастрофу» и «ошибку» В. Вильсона, К. Ричард, указывает на то, что союзное вмешательство привело лишь к усилению позиций большевиков и затягиванию войны в России. Согласно мнению исследователя, антибольшевистские силы страдали от разобщенности и неспособности выработать единую политику. При этом, если Сибирское правительство охарактеризовано автором как «демократическое», то режим А.В. Колчака рассматривается в качестве реакционного и «царистского». Подводя

---

[173] Foglesong D.S. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920. Chapel Hill, London, 1995. 386 p.

[174] Дэвис Д.Э., Трани Ю. П. Первая холодная война… С.18.

[175] Там же.

[176] Richard C.J. When the United States invaded Russia: Woodrow Wilson’s Siberian Disaster. Lanham, MD, 2013. 208 p.

итоги своего исследования, К. Ричард указывает на то, что наиболее приемлемой тактикой для США в «русском вопросе» являлось бы невмешательство и выстраивание отношений со всеми фракциями, боровшимися за власть, в том числе и с большевиками[177].

Большой интерес представляет книга американского историка П. Данскомба[178], посвященная японский интервенции. В отличие от монографии Дж. Морли[179] (1954), касавшейся дипломатического аспекта подготовки интервенции, работа П. Данскомба представляет собой комплексное исследование японской внутренней и внешней политики, военных операций и состояния общественного мнения. По мнению автора, вмешательство стало настоящим испытанием для Японии, стремившейся позиционировать себя в новом миропорядке, характеризовавшимся кажущимся торжеством либеральной демократии и нового «вильсоновского» интернационализма[180].

Анализируя дискуссии в центрах принятия решений и рассматривая особенности взаимоотношений военного и политического руководства Страны восходящего солнца, автор приходит к выводу о том, что интервенция отрицательно повлияла на первоначальный энтузиазм в отношении демократии в конце Первой мировой войны. Слабость демократических правительств и гражданского общества, обусловленные фундаментальными недостатками японской политической системы, заложенными в эпоху Мэйдзи, позволяли военным активно проводить политику, направленную на расширение интервенции[181].

Говоря о восприятии интервенции в самой Японии, П. Данскомб, указывает на то, что в прессе активно высказывались различные точки зрения на вмешательство, в том числе и отрицательные. Вместе с тем, автор отмечает

---

[177] Richard C.J. When the United States invaded Russia: Woodrow Wilson's Siberian Disaster. Lanham, MD, 2013. P. 138-148.

[178] Dunscomb P.E. Japan's Siberian Intervention, 1918–1922: «A Great Disobedience against the People». Lexington Books, Lanham, MD, 2011. 263 p.

[179] Morley J.W. The Japanese thrust into Siberia, 1918. New York, 1954. 395 p.

[180] Dunscomb P.E. Japan's Siberian Intervention… P. 4.

[181] Ibid. P. 217.

амбивалентность японской общественности по отношению к данной проблеме[182]. По мнению историка, вмешательство Японии в Гражданскую войну в России оказало серьезное влияние на внутренние процессы, происходившие в военном и политическом руководстве, что привело в перспективе к росту японского милитаризма в период между двумя мировыми войнами[183].

Нельзя не отметить, что исследования зарубежных авторов, выстроенные на основе анализа документов, хранящихся в архивах стран-участниц интервенции, представляют для отечественного историка, занимающегося изучением Гражданской войны в России, немалый интерес, позволяя заполнить ряд белых пятен и получить более объемную картину. Важны также и выводы, сделанные иностранными историками. Отмеченные авторами причины вмешательства союзников и, в особенности США, множественны, и нет единого мнения о том, что, в конечном счете, стало главным фактором предопределившим интервенцию. Отсутствие четкой и единой общесоюзной политики, противоречия среди стран-участниц вторжения, недоверие руководства держав к белым и их программе – все это обуславливало непоследовательность действий союзников в отношении России, что, в свою очередь, не могло не отразиться на восприятии белыми Антанты и США.

Еще одной важной темой в отечественной и зарубежной историографии является история пребывания Чехословацкого корпуса в России, и его участие событиях Гражданской войны. В советский период историки, обращавшиеся к данной проблеме, указывали на ведущую роль чехов в эскалации войны на востоке России, считая, что выступление корпуса было организовано Антантой[184]. В связи с этим, А.Н. Валиахметов в своем исследовании историографии Чехословацкого корпуса в России также отмечает, что советские ученые, обращаясь к истории Чехословацкого корпуса, в большей степени занимались

[182] Dunscomb P.E. Japan's Siberian Intervention… P. 43.
[183] Ibid. P. 213-214.
[184] См., напр. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965. 366 с.

изучением борьбы с ним[185]. Таким образом, как верно подмечает казанский исследователь, история легиона почти всегда встраивалась в историю Гражданской войны в России. Во многом, именно поддержкой чешских и словацких частей объяснялись военные успехи антибольшевистских сил. В то время как в небольшевистской эмигрантской историографии, действия (или бездействие) легионеров и их командования рассматривались как один из факторов, приведших к поражению Белого дела.

Характеризуя западную историографию (британскую и американскую) А.Н. Валиахметов объясняет интерес к данной теме практическими соображениями зарубежных историков – прежде всего стремлением обосновать союзную интервенцию необходимостью помощи чехословакам. Как и их советские коллеги, зарубежные исследователи рассматривали историю корпуса в контексте событий Гражданской войны и интервенции, заостряя внимание на том, какое место занимали чехословацкие легионеры в перипетиях союзной политики[186].

Чешская историография подходит к истории пребывания чехословаков в России несколько шире. Деятельность воинских подразделений, их командования и чехословацкого политического руководства рассматривается в широком контексте национально-освободительной борьбы и образования независимой Чехословакии. Кроме того, восточноевропейские исследователи обращаются к малоизученным темам, связанным с невоенной деятельностью чехословаков в России, например, в рамках истории повседневности[187].

---

[185] Валиахметов А.Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): историография : дис. … канд. ист. наук. Казань, 2005. 303 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[186] Валиахметов А.Н. Выступление чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) // Филология и культура. 2012. № 3 (29). С. 207-210.

[187] Валиахметов А.Н. Чехословацкая легионерская историография 1920-х годов о чехословацком корпусе в России // Филология и культура. 2006. № 5. С. 20-30.; Его же. Чехословацкий легион в России (1918–1920): к историографии проблемы // Филология и культура. 2011. № 25.С. 104-108.; Его же. Т. Г Масарик и чехословацкий легион в России (1917–1920): отечественная и чехословацкая историография // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11-1. С. 59-65.; Его же. К вопросу о причинах образования чехословацкого легиона в России (1914–1918) в отечественной и чехословацкой историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2. С. 54-58.

Характеризуя состояние современной российской историографии Чехословацкого корпуса[188], А.Н. Валиахметов указывает на расширение контекста рассмотрения – некоторые авторы склонны рассматривать действия чехов в рамках событий Первой мировой войны. Заслуживающей внимания автор считает концепцию «встречи двух революций» – социалистической российской и национально-демократической чехословацкой[189]. Кроме того, А.Н. Валиахметов полагает необходимым рассматривать легион не как объект, на который воздействовали большевики или Антанта, а как субъект гражданской войны, руководствовавшийся собственными целями и идеалами. Ряд статей исследователя посвящен также отдельным аспектам истории корпуса[190] и особенностям формирования источниковой базы по данной проблеме[191].

О важности расширения проблемного поля при изучении Чехословацкого корпуса говорит и Д.В. Салдугеев. Как отмечает исследователь, дальнейшие перспективы изучения истории пребывания чехословаков в России необходимо связывать с изучением повседневности легионеров, политических настроений и особенностей взаимного восприятия чехословаков и русских[192]. Рассматривая особенности взаимоотношений чехословаков и антибольшевистских правительств востока России, исследователь приходит к выводу о том, что выступление легиона не было обусловлено интересами и действиями какой-либо одной

---

[188] Валиахметов А.Н. Были ли чехословацкие легионеры «белочехами» // Филология и культура. 2012. № 4 (30). С. 300-304.; Валиахметов А.Н., Яковлев А.Е. Радола Гайда в отечественной историографии // Псковский военно-исторический вестник. 2017. № 3 (3). С. 189-191.

[189] Валиахметов А.Н. Новейшая отечественная историография о чехословацком легионе в России (1914–1920 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12-2. С. 47.

[190] Валиахметов А.Н. Чехословацкие легионеры и чехословацкие интернационалисты в Гражданской войне в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 3-2 (29). С. 37-40.; Его же. Национальные отношения в условиях гражданской войны в России (на примере чехословацкого легиона) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5-2 (31). С. 32-34.; Его же. Забайкальское казачество и Чехословацкий легион в годы Гражданской войны в России // Забайкальское казачество: история и современность : материалы Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Чита, 30 марта 2018 г. Чита: Забайкальский гос. университет, 2018. С. 120-124.

[191] Валиахметов А.Н. Чехословацкий легион в Казанской губернии в 1918 году. Воспоминания // В мире научных открытий. 2012. № 7. С. 141-159.; Его же. «Организованная память»: сбор воспоминаний о боевых действиях против чехословацкого легиона в Казанской губернии // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4-1 (76). С. 39-43.

[192] Салдугеев Д.В. Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг. : дис. … канд. ист. наук. Челябинск, 2006. 230 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

стороны. Причиной вовлечения чехословаков в Гражданскую войну, по мнению Д.В. Салдугеева, стало «переплетение политических и военных замыслов и действий как сил, непосредственно втянутых в конфликт, – чехословаков, и советской власти, – так и внешних в лице стран Антанты»[193].

Отдельные аспекты действий чехословацкого корпуса в Поволжье рассмотрены в публикациях А.Г. Рыбкова, Е.И. Демидовой и Э.С. Маруцкого. Авторы, опираясь на местные архивные источники, отмечают, что командование корпуса не препятствовало большевистской пропаганде в своих рядах, осуществляемой чехословаками-интернационалистами. Сами чехословаки также осуществляли активную информационную и пропагандистскую деятельность призванную разъяснить всем их основную цель – добраться до точки эвакуации из России[194].

Стремясь перебраться в Европу, чехи, по мнению исследователей, готовы были соблюдать условия советской стороны. Вовлечение в Гражданскую войну было обусловлено тем, что корпус оказался заложником обстоятельств, каждая из сторон – Антанта и большевики – стремились превратить чехословаков в подконтрольную силу для решения своих собственных задач[195]. Т.Г. Массарик, как утверждают авторы, напротив, прилагал все усилия к тому, чтобы вывести легионеров из России с целью сохранения корпуса для борьбы за независимость Чехословакии[196].

Указанные исследователи отмечают, что местные советские органы власти, не имевшие достаточной военной силы, вынуждены были строить отношения с корпусом на компромиссной основе. Однако решительные приказы Л.Д. Троцкого

---

[193] Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2005. Т. 1. № 2 (18). С. 88-98. Электрон. версия печат. публ. Доступ из науч. электрон. б-ки «eLIBRARY.RU».

[194] Рыбков А.Г., Демидова Е.И. Пропаганда как средство борьбы в Годы Гражданской войны (на примере Чехословацкого корпуса) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2014. № 3 (52). С. 108-110.

[195] Рыбков А.Г., Демидова Е.И. Чехословацкий военный корпус в Поволжье (субъективные заметки историков) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2012. № 5 (44). С. 192-195.

[196] Рыбков А.Г. «Зарубежная акция» Т.Г. Массарика и Чехословацкий корпус в России в 1918 г. (на материалах Поволжья) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2016. № 1 (60). С. 53-57.

о разоружении чехов, делали местные Советы заложниками радикальной политики центра, толкая их на путь конфликта[197].

О стремлении Чехословацкого корпуса проводить самостоятельную политику пишет и М.А. Васильченко, отмечающий, что части корпуса стремились не захватить Поволжский регион, а наоборот – выбраться из него на восток, и лишь приказы французского командования в полной мере привели к вовлечению чехов в Гражданскую войну. Также автор указывает на то, что взаимодействие легиона и КОМУЧа носило не только военный, но и экономический и культурный характер[198].

Несмотря на наличие множества работ отечественных и западных авторов, различные аспекты истории Чехословацкого корпуса в России не теряют своей актуальности и в настоящее время. Напротив, в связи со столетием событий 1917–1918 гг. авторы обращаются как к уже знакомым, так и новым, неисследованным сюжетам, связанным с историей интервенции и роли в ней чехословацких войск[199]. Дискутируемым остается вопрос о причинах вовлечения чехословаков в Гражданскую войну в Сибири.

Так, по мнению В.И. Шишкина, вооруженная борьба корпуса против Советской власти в мае 1918 года противоречила планам французского правительства и Чехословацкого национального совета. В связи с этим представители Антанты на местах – французский, американский и британский консулы – оказывали активное содействие в вопросах урегулирования конфликтов между чехами и большевиками. Однако непримиримая позиция большевиков в вопросе о разоружении корпуса блокировала, как считает

---

[197] Рыбков А.Г., Демидова Е.И. Чехословацкий военный корпус в контексте военно-политических процессов России 1918 г. (на материалах Поволжья) // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 5 (49). С. 147-149.

[198] Васильченко М.А. Чехословацкий корпус в Поволжье в 1918 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13. № 3. С. 83-87.

[199] Бондаренко Е.Ю. Политические и исторические аспекты пребывания чехословацких военнопленных на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.) // Клио. 2018. № 1 (133). С. 78-85; Александров П.Г. «События происходят на территории русского города…»: подробности чехословацкого мятежа во Владивостоке // Клио. 2018. № 1 (133). С. 86-93.

новосибирский историк, все попытки союзников ликвидировать конфликт в начальной фазе[200].

Стремление исследователей встроить историю Чехословацкого корпуса в более широкий контекст, подойти к малоизученным темам, использование новых, в том числе региональных источников – все это предоставляет возможность рассмотреть особенности восприятия представителей корпуса российским обществом с учетом ряда новых выводов и фактов.

Подводя итог, необходимо отметить, что на современном этапе изучения военных, дипломатических и экономических контактов союзных держав и антибольшевистских сил исследователи не только заполняют существующие «белые пятна», но и приходят к переосмыслению ряда положений, выдвинутых в советский период. Так, вопреки мнению советских историков о полной зависимости белых от «международного империализма», современные отечественные исследователи говорят о самостоятельной внешней политике антибольшевистских сил и их стремлении к сохранению национальных интересов страны. Ценность представляет вывод о недоверии руководства антибольшевистского движения к союзным лидерам и свидетельства, подтверждающие стремление белых использовать противоречия среди союзников для достижения собственных целей.

В то же время прослеживается и преемственность – как и в предшествующий период, многие авторы отмечают непоследовательность союзников и их корыстные и захватнические устремления в отношении раздробленной войной России. Вполне обоснованным выглядит также утверждение о том, что военные успехи антибольшевистского движения серьезно зависели от союзнических поставок военного снаряжения и припасов.

Все эти положения важны для определения и характеристики условий, в рамках которых происходило формирование образа союзников в прессе.

---

[200] Шишкин В.И. Дипломатическая составляющая генезиса широкомасштабной Гражданской войны на востоке России (конец мая – начало июня 1918 г.) // IV Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, 30–31 октября 2017 г. Омск, 2017. С. 74-77.

Отмеченное исследователями стремление части лидеров антибольшевистского движения к сохранению суверенитета и целостности страны вкупе с нежеланием белых полностью подчинять свои действия союзному влиянию обусловило тот факт, что восприятие, а затем и конструирование образа союзников на страницах печати, происходило через призму идеи «возрождения великой, единой и неделимой России». Ценностные установки, составлявшие смысловой каркас данной идеи, существенно влияли на оценку действий представителей союзных держав на всех уровнях – от солдата-интервента до высшего военного и политического руководства.

Противоречия и конкуренция среди союзников, которые не являлись секретом для белых, также влияли на восприятие действий стран Антанты и США. Несмотря на то, что на страницах газет нередко обобщенно сообщалось о «Великих державах» и их политике, журналисты и антибольшевистские идеологи не рассматривали союзников как некую монолитную силу и оценивали перспективы взаимодействия с каждой страной. Кроме того, поиски ориентации в верхах – среди политиков и дипломатов – прямым образом отражались на полемике в прессе. В конечном счете, непоследовательность и противоречивость союзной политики в отношении России не могли не влиять на содержательное наполнение формировавшегося в печати образа, также делая его противоречивым. Ключевые задачи внешней политики Омского правительства – получение признания и помощи от союзников – предопределяли характер восприятия и репрезентации союзников. Процесс формирования позитивного образа стран Антанты и США во многом был частью внешней политики антибольшевистских сил, нацеленной на укрепление отношений с союзниками.

1.2 Специфика организации и функционирования информационного пространства востока России как фактор репрезентации образа союзников: основные исследовательские подходы

Особенности процесса формирования образа союзников зависели не только от внешнеполитических факторов, но и от характера функционирования той среды, в рамках которой данный процесс осуществлялся. Такой средой следует считать информационное пространство востока России в рассматриваемый период.

В настоящее время существует множество определений термина «информационное пространство». Как отмечает И.А. Добровольская, существующие подходы к изучению информационного пространства можно свести к двум основным – техническому и гуманитарному. В рамках первого, оно рассматривается как «система, осуществляющая передачу, обработку и хранение информации с использованием технических средств и других ресурсов»[201], в то время как в рамках второго – предстает в качестве «совокупности знаний и информации, формирующейся и постоянно изменяющейся в процессе эволюции общества»[202].

Исходя из этого, в рамках данного исследования под информационным пространством понимается система, включающая в себя постоянно трансформирующуюся совокупность знаний и информации, передача, обработка и хранение которых осуществляются с помощью специальных средств и инфраструктуры, и обеспечиваются особыми правовыми механизмами. Автор данной работы придерживается классификации понятий, предложенной Р. Бурхардом, согласно которой «данные – это факты, информация – это интерпретация фактов, знания – персонализированная информация»[203].

---

[201] Добровольская И.А. Понятие «Информационное пространство и различные подходы к его изучению и особенности // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. 2014. № 4. С. 142.

[202] Там же.

[203] Костромина С. Н., Гнедых Д. С. Информация и знание: подходы к пониманию процессов усвоения информации и формированию знаний в обучении // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 5. № 2. С. 7.

Таким образом, выявление особенностей наполнения и функционирования информационного пространства востока России в годы Гражданской войны позволяет проследить процесс формирования образа союзников в рамках конкретного контекста, а также выявить факторы прямо и косвенно влиявшие на конструирование данного образа на различных этапах.

Структура информационного пространства, существовавшего на востоке России в период Гражданской войны, включала в себя, согласно указанию Д.Н. Шевелева, следующие элементы – информационную инфраструктуру (каналы связи и организации, ее обеспечивающие), средства информационного взаимодействия (доступные в то время средства коммуникации) и информационные ресурсы (учреждения-поставщики информации)[204]. К ключевым акторам коммуникации, осуществлявшейся в рамках информационного пространства, исследователь относит правительственные структуры, различные политические группировки (партии) и организации, население, общественные организации, союзников и противников антибольшевистских правительств[205]. Отмеченные структурные элементы, к настоящему моменту, в той или ной степени, подвергались анализу в исследованиях как российских, так и зарубежных ученых.

В качестве одного из основных средств информационного взаимодействия для изучаемого периода следует рассматривать печатные издания непериодического (книги, брошюры, листовки) и периодического (газеты и журналы) характера. Особую роль в условиях войны и революции приобретала газетная периодика. Газета, охарактеризованная В.И. Лениным еще в начале XX века как «не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»[206], являлась наиболее доступным, эффективным и массовым средством передачи информации, выступая, по выражению В.М. Рынкова, стержнем, на основе которого формировалось

[204] Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. С. 32.
[205] Там же. С. 33.
[206] Ленин В.И. С чего начать? // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В.И. Ленин. М., 1967. Т. 5. С. 11.

информационное пространство[207]. Вследствие этого, особое внимание необходимо обратить на опыт изучения периодической печати, выпускавшейся на территории Сибири и Дальнего Востока в рассматриваемый период.

Первые попытки анализа состава и выяснения количества газетной периодики были осуществлены еще в годы Гражданской войны. В работах А.В. Адрианова[208] и Г.И. Поршнева[209], помимо списка известных авторам газет и журналов, содержались сведения о времени их издания и партийной принадлежности. Сбор и обобщение информации о советской и несоветской периодической печати продолжались и в 1920-е годы[210].

Говоря об историографии советского периода, необходимо отметить, что внимание ученых в большей степени уделялось анализу советской периодической печати, в связи с тем, что фокус исследований в целом сосредотачивался на истории пропагандистской и агитационной работы большевистской партии. В данном случае советские историки, обращаясь к анализу материалов периодики, рассматривали как теоретические, так и прикладные аспекты агитационно-пропагандистской деятельности большевиков, обращенной и на свои силы, и на противников[211].

О важности изучения небольшевистской печати Сибири писал историк литературы Л.С. Любимов[212]. В работе В.Л. Соскина рассматриваются деятельность, методы и приемы антибольшевистской печати, охарактеризованной как «клеветническая» и «контрреволюционная», помимо того затронута также

---

[207] Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.) : [сборник]. Новосибирск, 2009. С. 125.

[208] Адрианов А.В. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 г. Томск, 1919. 31 с.

[209] Поршнев Г.И. Книжная летопись Иркутска за годы Революции (1917–1920 гг.). Иркутск, 1920. 76 с.

[210] Турунов А. Н. Советская пресса в Сибири в 1917–1918 гг. (материалы к библиографическому обзору). Иркутск, 1922. 24 с.; Белов В. Белая печать. Её идеология, роль, значение и деятельность. Петроград, 1922. 128 с.

[211] Белков А.К. Партийная и советская печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920гг.). М., 1956. 28 с.; Юрко А.И. Становление партийной советской прессы (октябрь 1917–1918 гг.). Саратов, 1965. 64 с.; Якушевский А.С. Пропагандистская работа большевиков среди интервентов 1918–1920 гг. М., 1974. 186 с.; Катков Н.Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. Л., 1977. 168 с.

[212] Любимов Л.С. большевистская печать в Сибири в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (июль–октябрь 1917 г.) // Записки Иркутского областного краеведческого музея. Иркутск, 1965. С. 84-107; Его же. Борьба большевиков с контрреволюционной печатью в период установления и упрочения Советской власти в Сибири // Коммунисты Восточной Сибири в борьбе за победу Советской власти и построение коммунизма. Иркутск, 1965. С.86-94.

тема идеологической работы интервентов в Сибири, которая была оценена резко отрицательно, и представлена как одна из форм оккупации[213]. Такой подход в оценке деятельности антибольшевистских сил и интервентов в информационно-пропагандистской сфере в целом был присущ советскому периоду. В работах Н.М. Семеновой, А.П. Волгина, А.Н. Никитина периодическая печать рассматривается как важный источник для изучения общественно-политической жизни Сибири в период Гражданской войны[214].

В связи с ростом интереса к истории Белого движения в 1990-е гг. на современном этапе возрос и интерес к небольшевистской периодической печати. В монографии Е.Н. Косых[215] исследован классово-партийный состав периодики выходившей в Сибири в 1917–1918 гг., показана борьба идей на страницах изданий, анализируется эффективность воздействия антибольшевистской прессы на общество. Е.Н. Косых показывает, что партийные издания левого и кадетского направления, издававшиеся в Сибири, следовали в фарватере столичных изданий, отражая на своих страницах политические взгляды лидеров соответствующих партий[216]. Также автор, отмечает, что оппозиционная (эсеро-меньшевистская и кадетская) печать во многом создала предпосылки для успешного антибольшевистского переворота, в результате которого установилась власть «демократической контрреволюции»[217].

В исследованиях Л.А. Молчанова[218] изучаются особенности функционирования антибольшевистской прессы, в частности, вопросы, связанные

---

[213] Соскин В.Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны. Новосибирск, 1965. 285 с.

[214] Семенова Н.М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции» : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1977. 18 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций»; Волгин А.П. К характеристике периодической печати как источника по истории колчаковщины // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. Томск, 1986. С. 64-75; Его же. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина : автореф. дис. … канд. ист. наук. Томск, 1990. 20 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций»; Никитин А.Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири. Омск, 1991. 204 с.

[215] Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917–май 1918 гг.): Из истории идейно-политической борьбы. Томск, 1994. 248 с.

[216] Там же. С. 178.

[217] Там же. С. 180.

[218] Молчанов Л.А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.). М., 2001. 159 с.; Его же. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (окт. 1917–1920 гг.). М., 2002. 271 с.

с информационным обеспечением, распространением, содержанием и составом печати. Рассматривая опыт газетной печати по выполнению ею политико-идеологической, информационной и просветительской функций, автор указывал на то, что в условиях идеологизации всех сторон жизни общества российская газетная пресса была основой глобального манипулирования общественным мнением со стороны властных структур и ведущих политических сил страны. Газеты, по утверждению Л.А. Молчанова, не только выполняли информационную и просветительскую функцию, но и активно создавали политические мифы.

Интерес представляет диссертационное исследование[219], а также ряд научных статей Д.Л. Шереметьевой[220], в которых рассматриваются процессы функционирования, содержание и состав газетной периодики на этапе существования органов власти «демократической контрреволюции». Исследовательница из Новосибирска, отмечает, что летом 1918 г., как и ранее в 1917 г., высокими темпами росла численность газетных изданий, однако к концу изучаемого периода под давлением обстоятельств войны и усиления позиций военных, численность газет стала сокращаться[221]. Д.Л. Шереметьева выделяет несколько групп печатных изданий (партийные, правительственные и частные издания, газеты кооперативов, земств и профсоюзов), разделяя их при этом на три больших категории по политическому признаку – «левые», «правые» и «центристы»[222]. Основным содержанием медиа-процесса в Сибири в рассматриваемый период являлась активная идейно-политическая борьба и соперничество за доминирование в информационном пространстве, в то же время,

[219] Шереметьева Д. Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. 300 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[220] Шереметьева Д.Л. Власть и пресса в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 года) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2009. Т. 8. № 1. С. 129-134.; Её же. Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Новосибирск, 2010. С. 37-61.

[221] Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 2011. С. 22. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[222] Там же.

как полагает автор, данная борьба в условиях гражданской войны, лишь усиливала раскол внутри антибольшевистского лагеря.

Исследовательницей подвергнуты рассмотрению также отдельные аспекты функционирования наиболее влиятельных газет востока России, в том числе такой аспект, как взаимоотношения прессы и власти[223]. Перспективным направлением представляется обращение Д.Л. Шереметьевой к доселе слабо освещенной проблеме «человеческого фактора» в сибирской журналистике периода Гражданской войны[224]. Выяснение подробностей деятельности редакторов и сотрудников газет, несомненно, позволит выявить ряд факторов «личностного» характера, оказывавших влияние на формирование тех или иных образов и идеологем.

Этой же проблеме уделяет внимание томский историк Н.С. Ларьков. Затрагивая личность А.В. Адрианова – редактора «Сибирской жизни», являвшейся одной из влиятельнейших газет востока России – исследователь указывает на то, что тот боролся с большевиками не только «печатным словом», но и активно участвовал в политических событиях, в частности, стремился воздействовать на состав власти в Томске[225].

Комплексному изучению осведомительной деятельности антибольшевистских режимов востока России посвящен ряд статей и монографии[226] Д.Н. Шевелева. Исследователем, в том числе, были затронуты и

---

[223] Шереметьева Д.Л. Рубрика «Письма в редакцию» газеты «Сибирская жизнь» в период гражданской войны (конец мая 1918 – конец декабря 1919 г.) // История белой Сибири: [сборник]. Кемерово, 2011. С. 206-211; Ее же. Омская «Заря» и государственная власть в ноябре 1917 – июне 1919 года: проблемы политической адаптации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 1. С. 131-141; Ее же. Газета «Русская армия» в информационном пространстве востока России (19 ноября 1918 – 9 ноября 1919 г.) // Коммуникативная культура: история и современность : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 3 ноября 2017 г. Новосибирск, 2017. С. 130-132.

[224] Шереметьева Д.Л. Корпус редакторов газет Сибири на начальном этапе Гражданской войны (лето – осень 1918 года) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. С. 53-68; Ее же. Авторский коллектив газеты «Сибирская жизнь» в условиях революции и гражданской войны // Журналистика в коммуникативной культуре современности : материалы пятой междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 29-30 октября 2015 г. Новосибирск, 2015. С. 42-46; Ее же. Революция 1917 года в жизненных траекториях сибирских журналистов // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2015. С. 3-16; Ее же. Профессор без образования: социальные лифты российского социума первой половины XX в. в карьере Д.И. Розенберга // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6 (44). С. 29-37.

[225] Н.С. Ларьков Политическая деятельность А.В. Адрианова в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 367. С. 74-80.

[226] Луков Е. В., Шевелев Д. Н. Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918 – январь 1920 г.). Томск, 2007. 184 с; Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова в современной войне не

вопросы, связанные с функционированием правительственной печати. Выявив основные типы правительственных агитационных изданий, проанализировав их структуру, специфику и функции и определив числовые показатели, характеризующие деятельность органов печатной пропаганды, томский историк пришел к выводу о том, что печать являлась основным инструментом воздействия осведомительных органов Белого Востока.

Д.Н. Шевелев характеризует и ряд значимых функций периодики того времени, связанных с информированием аудитории, созданием, интерпретацией и фиксацией определенной «картины мира», формированием образов врагов и друзей, мобилизацией, воспитанием и развлечением населения. Как отмечает автор, пик издательской деятельности антибольшевистских сил пришелся на лето 1919 г., к тому моменту, когда Омское правительство столкнулось с серьезными проблемами, как на фронте, так и в тылу[227]. Опоздание с развертыванием массовой печатной пропаганды, а также тот факт, что объемы печатной продукции белых существенно уступали большевистским, обуславливали, по мнению исследователя, слабую эффективность осведомительной работы антибольшевистских сил[228].

Другие виды печатной продукции – книги, листовки и плакаты, являвшиеся неотъемлемой составляющей информационного пространства, также подвергались изучению в рамках специальных монографий, сборников и статей[229].

Помимо изучения роли периодической печати в функционировании информационного пространства, исследователи обращаются к деятельности информационных, агитационных и пропагандистских структур, созданных антибольшевистскими правительствами востока России. В статьях

меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России. Томск, 2017. 266 с.

[227] Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова… С.208.

[228] Там же С. 242.

[229] Посадсков А.Л. Сибирская книга и революция 1917–1918 гг. Новосибирск, 1977. 284 с.; Пайчадзе С.А., Лютов С.Н., Савенко Е.Н. Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1945 гг.). Новосибирск, 1998. 160 с.; Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. 1917–1930 гг. Новосибирск, 2002. Т. 3. 436 с.

Л.А. Молчанова[230] и А.Л. Посадскова[231] впервые на основе архивных данных были затронуты некоторые аспекты деятельности антибольшевистских информационных и пропагандистских служб, в частности, Русского общества печатного дела и Совещания по делам печати. По мнению Л.А. Молчанова, властные структуры Белого Востока стремились установить монополию на информацию с помощью своих агитационно-информационных учреждений. Вместе с тем, успешной работе данных ведомств мешали трения между гражданскими журналистами и военными[232].

В своем исследовании информационного пространства востока России, упомянутом выше, В.М. Рынков не соглашаясь с мнением Л.А. Молчанова о существовании полного контроля государственных структур над информацией, указывает, на то, что власти не имели преобладания ни по количеству подконтрольных изданий, ни в части монополии на информацию, особенно местную. Как отмечает историк, печать в значительной мере была подвержена правительственному воздействию, которое, однако, не было абсолютным, в результате чего общественные организации и заинтересованные группы сохраняли возможность воздействовать на общественное мнение и на органы власти[233].

Организационная и функциональная эволюция осведомительного аппарата антибольшевистских правительств наиболее полно на данный момент изучена

---

[230] Молчанов Л.А. Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. М., 1998. С. 150-164; Его же. Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) // Белая гвардия. № 2. М., 1998. С. 17-23; Его же. «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 137-139; Его же. «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: К истории антибольшевистской государственности периода гражданской войны. М., 2007. 215 с.

[231] Посадсков А.Л. К истории создания Русского общества печатного дела в Омске (1919 г.) // Четвертые Макушинские чтения. Новосибирск, 1997. С. 140-143.; Его же. Отдел печати Всероссийского правительства в Омске: информационно-пропагандистская, издательская и библиографическая деятельность (1918–1919 гг.) // Культура и интеллигенция России: социальная динамика, образы, мир научных сообществ (XVIII–XX вв.). Омск, 1998. Т.1. С. 73-76; Его же. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998. С. 196-198; Его же. К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) // История белой Сибири. Кемерово, 1999. С. 135-139; Его же. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири // История белой Сибири. Кемерово, 2001. С.162-167.

[232] Молчанов Л.А. Белая Сибирь: деятельность информационно-агитационных учреждений (1918–1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2011. № 29. С. 43-57.

[233] Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество… С. 120-121

Д.Н. Шевелевым в упомянутых выше работах. По оценке исследователя, осведомительный аппарат выступал тем институтом, в ходе деятельности которого политические идеи и установки трансформировались в систему мифов и образов, адресованных широким массам[234].

Проследив деятельность пропагандистских органов Сибирского правительства, Директории и правительства А.В. Колчака, автор пришел к выводу о том, что слабая эффективность пропагандистской и информационной деятельности антибольшевистских сил во многом была обусловлена организационными трудностями и техническим отставанием от большевиков[235].

Несмотря на постоянные поиски оптимальной структуры, выстраивавшейся, по выражению историка, «путем проб и ошибок»[236], антибольшевистские силы испытывали ряд трудностей, так и не позволивших создать эффективную систему распространения информации на местах. Свою негативную роль сыграли также кадровый голод, обусловивший недостаток ответственных и талантливых исполнителей, и дефицит необходимого оборудования. Слабая эффективность пропаганды, между тем, являлась лишь отражением слабости режима, оказавшегося неспособным решать насущные проблемы и обеспечить контроль на местах[237].

Вопрос о степени влияния государственных структур на процесс функционирования информационного пространства неразрывно связан с проблемой деятельности органов цензурного контроля, также затронутой некоторыми исследователями[238]. Вопреки мнению С.П. Звягина и Л.А. Молчанова, Д.Л. Шереметьева и В.М. Рынков указывают на нерегулярность и децентрализованный характер цензурного контроля со стороны военных и

---

[234] Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова... С. 168.
[235] Там же. С. 238.
[236] Там же. С. 95.
[237] Там же. С. 241-242.
[238] Молчанов Л.А. Цензура «белой» Сибири // История «белой» Сибири. Кемерово, 1999. С. 76–78; Звягин С.П. Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1998. С.68–78; Балмасов С.С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства в 1918–1919 гг. // Гражданская война на Востоке России: новые подходы, открытия, находки. М., 2003. С.53-62.

чиновников, зачастую использовавших данный рычаг ситуативно[239]. Отмечая дискуссионность вопроса о степени «жёсткости» цензурного контроля антибольшевистских органов власти, указанные авторы говорят о наличии определённых региональных особенностей. Забайкалье в связи с этим характеризуется, как регион, где цензурный режим являлся наиболее суровым[240].

Д.Н. Шевелев также отмечает, что антибольшевистские правительства не были способны осуществлять всеобъемлющий контроль над печатью. В то же время исследователь указывает на то, что нередко цензурным ограничениям и преследованиям со стороны военных властей подвергались даже лояльные режиму издания[241].

В условиях Гражданской войны особое значение для противоборствующих сторон приобретали специальные ведомства и подразделения, задачей которых являлась разведка и контрразведка, политический сыск и охрана государственных структур. Вместе с тем, спецслужбы антибольшевистских сил, осуществлявшие контрпропаганду и следившие за настроением населения, оказывали тем самым влияние и на функционирование информационного пространства востока России.

Работа спецслужб Белого востока на современном этапе неоднократно становилась предметом рассмотрения ряда исследователей, что было вызвано всплеском интереса к антибольшевистскому движению и открытием доступа к архивным источникам. В связи с этим следует упомянуть работы Н.В. Грекова[242], Е.А. Корневой[243], А.А. Иванова[244], Н.С. Кирмеля[245] и В.Г. Хандорина[246].

---

[239] Шереметьева Д.Л. Военная цензура печати в условиях диктатуры А.В. Колчака (18 ноября 1918 – января 1920 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : материалы Всерос. молодеж. науч. школы-конф. Новосибирск, 14-16 сентября 2017 г. Новосибирск, 2017. С. 157-166.

[240] Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество… С. 120.

[241] Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны (июнь 1918 – январь 1920 гг) : дис. … д-ра ист. наук. Томск, 2012. С. 284, 287. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[242] Греков Н.В. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 1997. № 5. С. 209-221; Его же. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака // История «белой» Сибири. Кемерово, 1997. С. 59-61.

[243] Корнева Е.А. Контрразведка А.В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск // Новый исторический вестник. 2000. № 1. С.63-77.

[244] Иванов А.А. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага. М., 2009. 224 с.

[245] Кирмель Н.С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. М., 2008. 512 с.; Его же. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 91-98.

[246] Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака. М., 2015. 320 с.

Согласно архивным данным, приведенным указанными авторами, сводки и доклады сотрудников контрразведки, представлявшие собой важный для властей источник информации об общественных настроениях, содержали в себе свидетельства о неэффективности информационной и пропагандистской деятельности, следствием чего становилась слабая осведомленность населения о текущих событиях. Кроме того, как отмечают Н.С. Кирмель и В.Г. Хандорин, белым, несмотря на официальные союзнические отношения, приходилось осуществлять контрразведывательную деятельность в отношении стран Антанты и США[247].

Данные, полученные в результате работы спецслужб Белого Востока, содержали в себе ценные сведения о деятельности представителей союзных держав и восприятии их местным населением. Доклады офицеров контрразведки также играли определенную роль в формировании представлений о союзниках и их целях в среде военного и политического руководства антибольшевистского движения, выступая основой для принятия политических решений.

Необходимо отметить, что разведывательная, информационная и пропагандистская деятельность стран-участниц интервенции в Россию еще в советское время подвергалась изучению. Особое внимание отечественные историки уделяли активности американских гуманитарных, религиозных и информационных организаций, наиболее заметными из которых являлись Американский Красный Крест (АКК), Христианский Союз Молодых Людей (ХСМЛ) и Американское Бюро Печати (АБП).

В советский период деятельность подобного рода организаций однозначно трактовалась как одна из форм идеологической интервенции союзных держав. В.С. Флеров, рассмотревший особенности работы зарубежных религиозных организаций на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, заостряя свое внимание на роли ХСМЛ, а также методистских, баптистских и других церковных общин, подчеркивал, что целями «церковников и сектантов» являлось «одурманивание народных масс на ослабление воли народа к борьбе за свое

[247] Кирмель Н.С., Хандорин В.Г. Карающий меч адмирала Колчака… С. 137.

освобождение». ХСМЛ и его владивостокское отделение – общество «Маяк» – рассматривались как «пособники» белых и интервентов, а также обвинялись в проамериканской пропаганде и сборе разведданных в пользу США[248].

В диссертации А.Г. Евтушевского[249] деятельность американских организаций и миссий в информационной и гуманитарной сфере рассматривается в качестве «идеологической интервенции», которая в свою очередь обозначена как одна из важнейших форм империалистической экспансии США. Несмотря на тенденциозность, обусловленную классовым подходом, работа А.Г. Евтушевского представляет интерес как комплексное исследование деятельности наиболее влиятельных американских религиозных и общественно-политических миссий на Дальнем Востоке. Характеризуя данную деятельность, автор отмечал, что представители зарубежных религиозных организаций при «идеологической обработке» населения России, обращали внимание, прежде всего, на молодежь. Переплетение экономической и идеологической форм экспансии, по мнению А.Г. Евтушевского, являлось традиционным для США методом вмешательства. Исходя из этого, автор указывал на тесную связь американских организаций с сибирскими и дальневосточными кооперативными союзами, являвшимися не только поставщиками американских товаров, но и пропагандистами усиления влияния США.

Особый интерес в плане изучения вмешательства союзников в процессы, происходившие в информационном пространстве востока России, представляет монография Е.А. Приваловой[250], посвященная деятельности Американского Бюро Печати (АБП) в России, его тесным контактам с российской антибольшевистской прессой. В ходе анализа работы Бюро, а также содержания антибольшевистских изданий и публикаций АБП, Привалова заключила, что АБП стремилось контролировать антибольшевистскую печать и с помощью нее воздействовать на

---

[248] Флеров В.С. Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 годах // Ученые записки Томского государственного университета. 1959. №37. С. 71-133.

[249] Евтушевский А.Г. Идеологическая интервенция США на Советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.) : дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 1980. 186 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[250] Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой: Американское Бюро Печати в Советской России (1917–1920 годы). М., 1990. 320 с.

российское общество[251]. Согласно мнению автора, часть сибирских газет входила в орбиту влияния американцев. Кроме того, представители США при осуществлении своей информационной и пропагандистской деятельности опирались как на собственные печатные издания, наиболее известным из которых являлся журнал «Дружеское слово», так и на новейшие технические средства – в первую очередь кинематограф[252]. Характеризуя результаты работы Бюро, Е.А. Привалова отмечала, что «американская пропаганда оставила заметный след в сознании буржуазной и мелкобуржуазной русской общественности»[253].

На современном этапе российские историки продолжают обращаться к деятельности зарубежных гуманитарных и религиозных организаций, действовавших на территории России, при изучении хода Гражданской войны на Дальнем Востоке, молодёжного религиозного движения[254] и истории российской эмиграции[255]. Использование региональных и неопубликованных архивных источников и материалов периодической печати, позволяет дополнить имеющиеся представления о работе таких организаций как ХСМЛ «местным» материалом. При этом и на текущем этапе отмечается, что антибольшевистский настрой ХСМЛ «не вызывает сомнения», а деятельность данной организации предполагала распространение не только религиозных взглядов, но и «цивилизационного влияния США (военно-политического, экономического, культурного)»[256].

Зарубежные исследователи полагают, что руководство ХСМЛ неоднозначно воспринимало Советское правительство, хотя явный антирелигиозный настрой большевиков не мог не беспокоить секретарей Союза[257]. Тем не менее, ХСМЛ,

---

[251] Привалова Е.А. В союзе с белогвардейской прессой… С. 231.
[252] Там же. С. 150, 181.
[253] Там же. С. 314.
[254] Соколова В.И. Зарождение молодежного движения в мире (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вестник Чувашского университета. 2014. №4. С. 85-90.
[255] Дубаев М.Л. Христианский союз молодых людей и русская эмиграция в Китае. Культурологический аспект взаимодействия русской общины с молодежными эмигрантскими организациями (первая половина XX в.) // История и современность. 2009. №1. С. 33-44.
[256] Потапова Н.В. Деятельность Христианского союза молодых людей в России в 1917–1922 гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. № 1. С. 96-99.
[257] Davis D.E., Trani E.P. The American YMCA and the Russian Revolution // Slavic Review. 1974. Sep. Vol. 33. №. 3. P. 482.

пусть и стремившийся к нейтралитету, все же не сумел избежать вовлечения в Гражданскую войну, поскольку его деятельность «являлась неотъемлемой частью политики союзников»[258], поддержавших в конечном итоге белых.

Необходимо отметить, что результаты анализа динамики численности прессы, указания на неравномерность цензурного контроля вкупе с выводами о слабой эффективности работы информационно-пропагандистских органов позволяют говорить о неоднородности информационного пространства в плане плотности информационных потоков, скорости их распространения и степени подконтрольности властям.

Кроме того, важной особенностью востока России являлось то, что генерация и распространение информации осуществлялось в городах, находившихся вдоль ключевой информационной и коммуникационной артерии, которой являлась Транссибирская магистраль[259]. Это также предопределяло неоднородность и сложность структуры информационного пространства. Различия и особенности существовали не только в рамках крупных регионов – Западной и Восточной Сибири и Дальнего Востока, но также и внутри каждого из них, поскольку по мере удаления от железной дороги и крупных городов плотность информационных потоков существенно снижалась.

Еще одним фактором являлись действия союзников, в частности американцев. Работа иностранных информационных бюро обеспечивала приток свежей информации из Европы, Азии и Америки, тем самым формировалась фактическая основа, на базе которой происходило восприятие союзной политики. В то же время, издательская работа АБП, вкупе с гуманитарной, миссионерской и просветительской деятельностью организаций Красного Креста и ХСМЛ, не могли не способствовать формированию определенного отношения населения России к союзным представителям на местах.

---

[258] Miller Matthew Lee. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940. Lanham, Md.: Lexington Books. 2013. P. 120.

[259] Шилова О.С. Основные носители информации в условиях Гражданской войны в Сибири (1918–1920 гг.) // Коммуникационные технологии: история и современность : [сборник]. Иркутск, 2013. С. 47.

Таким образом, на процесс формирования представлений о союзниках немалое внимание оказывали региональные особенности. Говоря о Приморье, необходимо в первую очередь отметить особо высокую плотность информационных потоков, обусловленную большим количеством изданий и относительной свободой слова. Так, в одном только Владивостоке по подсчетам В.М. Рынкова, издавалось не менее 100 газет и 40 журналов[260]. Важно отметить связанность региона с мировыми информационными центрами, обусловленную географическим положением и фактором присутствия союзников. Уже в январе 1918 г. благодаря появлению иностранных кораблей, обладавших мощными радиостанциями, информационное обеспечение дальневосточных газет существенно улучшилось. Так, в местной газете «Голос Приморья» появились колонки под заголовками «Радиограммы крейсера “Асахи”» и «Радиограммы крейсера “Суффолк”», в которых публиковалась информация о состоянии дел в Европе, взаимоотношениях союзников и их политике по отношению к России.

Вместе с тем, невысокая скорость передачи информации, в силу особенностей административного контроля, также не способствовала донесению до широких масс сведений, важных для осуществления пропаганды. Так, к примеру, по сообщению журнала «Сибирский печатник» цензоры, назначенные на харбинский телеграф для проверки и изъятия большевистских сообщений, стали причиной задержек, в результате чего, пассажиры поездов из Владивостока обгоняли свои же телеграммы на сутки[261].

Присутствовавшие в Приморье союзники влияли на местную печать не только путем формирования новостной повестки в рамках деятельности информагентств, но и применяли методы прямого административного воздействия, а также, по всей видимости, осуществляли субсидирование некоторых местных изданий с вполне определенными целями. Согласно докладу американского разведчика Р.Л. Эйкелбергера, японцы субсидировали владивостокские газеты «Голос Приморья» и «Дальний Восток», в которых

[260] Рынков В.М. Антибольшевистские политические режимы и общество … С. 110.
[261] Пешеходы обгоняют телеграммы // Сибирский печатник. Томск. 1919. Март №4. С. 12.

«постоянно появлялись статьи, восхваляющие японцев и обвиняющие американцев во всякого рада недостойных поступках, и особенно в пробольшевистских симпатиях»[262]. Между тем, в местной прессе сообщалось о том, что американцы и англичане развернули активную печатную пропаганду на Дальнем Востоке, цель которой «самая широкая реклама американизации Сибири»[263].

Выделяя особенности Забайкальского региона, следует указать на отмеченную суровость цензурного контроля. Зависимость забайкальских газет от местных военных властей, находившихся в свою очередь под влиянием японцев, во многом объясняет избирательное отношение к различным представителям союзной коалиции (американцам и японцам).

Особенностью Западносибирского региона следует считать оторванность от зоны действия наиболее многочисленных контингентов союзников – японского и американского, а, следовательно, и незнакомство местного населения с последствиями их деятельности и в целом слабую осведомлённость о подробностях действий союзников на восточной окраине страны, особенно на начальном этапе боевых действий.

Подходя к информационному пространству востока России периода Гражданской войны с точки зрения гуманитарного подхода, то есть как к некоей совокупности знаний, информации, идей и концепций, необходимо обратиться к изучению содержательного аспекта идеологии тех политических сил, которые проявляли активность на данной территории в рассматриваемый период.

Начало планомерного изучения состава антибольшевистских сил в Сибири, включавшее в себя обращение к отдельным аспектам, позволявшим характеризовать идейные установки восточной контрреволюции, во многом связано с именем И.М. Разгона[264], ученики которого внесли существенный вклад

---

[262] Иванян Е.А. У истоков советско-американских отношений. М., 2007. С. 243-244.

[263] Сибирская жизнь (по газетам). Иностранцы во Владивостоке // Сибирская речь. Омск. 1919. 28 (15) янв.

[264] Разгон И.М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. Томск, 1969. Вып.4. С. 3-28.

в накопление научных данных об истории Революции и Гражданской войны на востоке страны.

Изучение деятельности «непролетарских» партий, выступивших против большевиков, включало в себя, в том числе обращение к содержанию их программных установок[265]. Характеризуя политическую деятельность партии эсеров, К.В. Гусев указывал на их приверженность мелкобуржуазному социализму в противовес «научному» социализму большевиков[266]. Поражение эсеров связывалось с политикой «соглашательства» с буржуазией, а попытки поиска «третьего пути» в условиях противоборства двух классов расценивались как «неосуществимые». Как заключал автор, в «демагогических лозунгах» «чистой демократии», «народовластия», которые использовали эсеры после Октября не всегда и не сразу мог разобраться человек, не искушенный в политике[267]. В.В Гармиза обращал внимание на несоответствие между программными положениями эсеровской партии и практическими действиями возглавляемых эсерами правительств, указывая на данное противоречие как на причину поражения «демократической контрреволюции»[268].

Партия конституционных демократов в исследовании Н.Г. Думовой[269] была охарактеризована как «главная партия российской буржуазии». Говоря о специфике идеологических воззрений сибирских кадетов, исследовательница отмечала, что отличительной чертой сибирского либерализма явилось переплетение его с «областничеством», обозначенным как «специфическое сибирское буржуазно-автономистское течение»[270].

По мнению Н.Г. Думовой, в условиях гражданской войны кадеты, взяли открытый курс на «контрреволюционную военно-буржуазную диктатуру», отказавшись от демократических тенденций и изменив программные установки «в сторону делиберализации при сохранении привычной либерально-

---

[265] Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий в России 1917–1922 : [сборник]. М., 1977. Ч.1. 207 с.
[266] Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. 383 с.
[267] Там же. С. 377.
[268] Гармиза В.В. Крушение эсеровских правительств. М., 1970. 296 с.
[269] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. 416 с.
[270] Там же. С. 194.

демагогической фразеологии»[271]. Конечной целью кадетов, сблизившихся, по словам автора, с «помещичье-реставраторскими кругами» и опиравшихся на военно-монархические группировки считалось восстановление монархии.

В работах Г.З. Иоффе[272] курс правительства А.В. Колчака определялся как «бонапартистский»[273] при этом, автор также указывал на сдвиг кадетской партии вправо, ставший неминуемым в условиях открытого классового противостояния, каким являлась Гражданская война для советских историков. «Правокадетская линия», по мнению автора, и позволяла проводить бонапартистский курс Омского правительства, с его «внеклассовостью» и «беспартийностью». При этом Г.З. Иоффе полагал, что дельнейший сдвиг вправо для сибирской контрреволюции являлся неминуемым результатом ее развития[274].

Таким образом, содержание идеологии антибольшевистского движения, по мнению советских исследователей, было обусловлено, преимущественно, классовым происхождением его участников и, в целом, характеризовалась как «реакционное» и «буржуазное».

В совершенно ином свете представала идеология антибольшевистских сил в сочинениях эмигрантских авторов – участников и свидетелей революционных событий. В работах известного русского философа И.А. Ильина «Белая идея» рассматривалась, прежде всего, как идея патриотическая[275]. Сущность патриотизма, по мнению автора, состояла в вере в свою родину, в ее грядущий расцвет. Подводя итоги борьбы Белого движения, И.А. Ильин сформировал идею «автономного патриотического сознания», составившую «религиозно-государственный смысл» Белой идеологии. Являясь обращенной к будущей России она, по словам исследовательницы творчества И.А. Ильина В.П. Изергиной, «содержала в себе ее духовно-государственную идею, постулирующую такие ценности, как патриотизм, честь человека в качестве его

---

[271] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром… С 359.

[272] Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. 320 с.; Его же. Колчаковская авантюра и её крах. М., 1983. 294 с.

[273] Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции… С. 191-192.

[274] Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра… С. 214.

[275] Ильин И.А. Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 222.

главного достоинства, ответственность гражданина за свое государство, самоотречение и верность»[276].

Лидер партии кадетов, историк П.Н. Милюков отмечал, что при пассивности большей части российского общества основу антибольшевистских сил составили, с одной стороны, наиболее политически-сознательные элементы, для которых большевики выступали силой разрушившей государство, с другой – люди, заинтересованные как члены своего класса в поражении советской власти, угрожавшей их благополучию[277]. Несмотря на то, что оба элемента, по словам П.Н. Милюкова, «были перемешаны в движении с самого начала», «реалистические соображения классового интереса выдвигались постепенно вперед перед идеалистическими соображениями государственной и народной пользы»[278].

Лидер Белого движения на Юге России, автор знаменитых «Очерков русской смуты» А.И. Деникин, указывал на ряд мотивов, побуждавших к сопротивлению большевикам представителей различных слоев российского общества и носивших как социальный, так и экономический и психологический характер. Наиболее ярко, согласно указанию генерала, выступало «национальное чувство», которое охватило, в первую очередь, «верхние слои» общества и выступило объединяющим фактором для большинства противников советской власти[279].

Внутренние идеологические установки участников Белого движения влияли, по словам А.И. Деникина, и на восприятие стран Антанты. «Оно (национальное чувство – К.К.) намечало также пути внешней ориентации, вернув прочность почти истлевшим на пожаре революции нитям, связывавшим нас с Согласием, и прибавив к чисто моральным уже обоснованиям его

---

[276] Изергина В.П. Белая идеология и Белое движение как концепты патриотизма в творчестве Ивана Ильина: автореф. … дис. канд. полит. наук. Саратов, 2013. С.24. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[277] Милюков П.Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т.2. С. 3.

[278] Там же.

[279] Деникин А.И. Очерки русской смуты.: в 5 т. / А.И. Деникин. Берлин, 1924. Т.3. С. 6, 10. 15.

(«недопустимость измены союзникам») и элемент целесообразности», – писал автор «Очерков»[280].

Видный эмигрантский историк С.П. Мельгунов, сравнивая Гражданскую войну с событиями периода Смуты и Французской революцией XVIII века, подчеркивал, что «в нашу гражданскую войну пафос патриотизма был на стороне противобольшевистских сил». «Но это был патриотизм квалифицированный, патриотизм отрешенного идеализма, далекого от эгоистических инстинктов, которые борьбу против нашествия Наполеона в 1812 г. превратили в Отечественную войну», – отмечал, вместе с тем, автор. – «Поднять стихии этот патриотизм не мог». По мнению С.П. Мельгунова, лишь иностранное нашествие было способно создать тот самый «примитивный», «с оттенком зоологического» патриотизм, однако интервенция Антанты «вначале вражды не встречала, наоборот, скорее полное и доброжелательное сочувствие»[281].

При характеристике идеологических установок антибольшевистского движения представители белой эмиграции неоднократно указывали на его политическую и идейную неоднородность. Н.Н. Головин, рассуждая о причинах поражения белых, указывал на отсутствие положительной идеи, понимаемой как общий политический или социальный идеал[282].

Изложенные в трудах эмигрантских историков факты и оценки, относящиеся к содержанию идеологических установок Белого движения, существенно дополняли и уточняли выводы советских авторов. На сегодняшнем этапе нельзя не признать ценность и важность вклада обоих историографических направлений для изучения антибольшевистских сил и их идеологии.

Политические трансформации 1980-90-х гг. оказали серьезное воздействие на развитие отечественной исторической науки. В связи с этим, пересмотру подверглись многие сюжеты и проблемы в истории Революции и Гражданской войны в России, в том числе, связанные с изучением идеологии и

---

[280] Деникин А.И. Очерки русской смуты… Т.3. С. 10.

[281] Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М, 2004. Кн.2. С. 67.

[282] Головин Н.Н. Российская контр-революция в 1917–1918 гг. : в 12 кн. / Н.Н. Головин. Париж, 1937. Кн.1. С. 8.

пропагандистской деятельности антибольшевистского движения. В 1990-е и 2000-е годы появился ряд новых работ, посвященных данным проблемам. В данном контексте следует выделить исследования В.Д. Зиминой[283]. Исследовательница, в частности, констатировала существенную неоднородность и противоречивость идеологических ориентиров Белого движения. Вместе с тем, В.Д. Зимина обращала внимание и на наличие различных внешнеполитических ориентаций (союзнической и прогерманской) в стане антибольшевистских сил[284]. Все это, в конечном счете, обуславливало разобщенность белых.

Появление ряда диссертационных исследований, в рамках которых затрагивается тематика, связанная с идеологией белых, свидетельствует об актуальности данной проблематики и наличии множества «белых пятен» и дискуссионных вопросов. В.Н. Романишина, изучившая особенности формирования идеологии антибольшевистского движения в связи с его социальным составом, пришла к выводу о том, что неоднородность социального состава белых, обуславливала наличие разных взглядов и представлений об альтернативах будущего развития России. В то же время, отсутствие, конкретной и понятной массам объединяющей идеи и принцип «непредрешения», сужали социальную базу движения, способствуя его поражению[285].

И.В. Швец, рассмотревшая процесс борьбы за форму государственного строя России (республиканского или монархического), развернувшийся между ведущими политическими силами востока России в годы Гражданской войны, отметила, что кадеты, возглавлявшие Белое движение, не были едины по вопросу будущего устройства страны. Ориентация части кадетов на монархию, по мнению

---

[283] Зимина В.Д. Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» // Белая армия. Белое дело. 1996. № 1. С. 9-16; Зимина В.Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны : дис. … д-ра ист. наук. Волгоград, 1998. 470 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций»; Ее же. Белое дело взбунтовавшейся России: Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006. 467 с.

[284] См. Гражданов Ю.Д., Зимина В.Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. Волгоград, 1996. 280 с.

[285] Романишина В.Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы Гражданской войны в России, 1917–1920 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 23 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

автора, вынуждала лидеров Белого движения маскировать свои устремление принципом «непредрешения»[286].

Интерес в плане изучения идеологических представлений офицеров, служивший в армиях А.В. Колчака, представляет монография Е.В. Волкова, который указал на многообразие политических взглядов белых офицеров: от монархических до социалистических идей. От политических взглядов военнослужащих зависело также и отношение к иностранным союзникам. По мнению историка, «большинство патриотически настроенных колчаковских командиров относились к ним с подозрением и достаточно прохладно, сознавая, что западные державы, помогая белым, преследуют свои интересы»[287]. Наибольшую неприязнь, по мнению исследователя, вызывали японцы, американцы и чехи, что было обусловлено как действиями самих иностранцев, так и взглядами и предрассудками офицерства[288]. Опасения в отношении японцев обуславливались фактором недавнего поражения российской армии, понесенного в войне с Японией, а негативное отношение к американцам, среди которых было немало евреев – выходцев из России, объяснялось антисемитизмом части офицеров[289].

Процесс формирования идеологических воззрений военных, находившихся в составе Белого движения на востоке страны, проанализирован в исследовании Н.П. Бучко. Как отмечает автор, несмотря на попытки руководителей Белого движения сформулировать свои политические принципы, представители военной элиты не стремились выступать с позиций какой-либо партии. Военные, стремившиеся к беспартийности и отстаивавшие лозунг «армия вне политики», по мнению Н.П. Бучко, не смогли создать единой идеологии для

[286] Швец И.В. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке России: борьба республиканской и монархической тенденций: 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2007. 28 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[287] Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования. Челябинск. 2001. С.123.

[288] Там же. С. 131.

[289] Там же. С. 104.

антибольшевистского движения, о чем свидетельствует факт активного продвижения ими лозунга «непредрешения»[290].

Политическая деятельность и идейная эволюция партии кадетов, сыгравших важную роль в антибольшевистском движении как в Сибири, так и в других регионах, также за последние десятилетия становились предметом неоднократного изучения в рамках обобщающих и специальных работ.

В работе В.В. Шелохаева, исследовавшего российский либерализм накануне революционных событий, отмечается, что либеральная идеология не была воспринята значительной частью российского общества, ввиду того, что у партии кадетов отсутствовала своя опора в виде среднего класса[291]. О влиянии некоторых социалистических идей на программные установки кадетов говорят в своих работах О.А. Харусь[292] и В.А. Кувшинов[293].

Значительное внимание политической активности кадетов и их роли в становлении и развитии антибольшевистской государственности уделяет в своих работах В.Г. Хандорин[294]. Особый интерес для настоящего исследования представляет недавняя монография историка, посвященная роли кадетов, являвшихся главной опорой Белого движения в формировании идеологии Омского правительства.

Как полагает В.Г. Хандорин, интернациональной и утопической идеологии большевиков была противопоставлена национальная альтернатива, которой стала идеология Белого движения, представлявшая собой попытку синтеза консерватизма и либерализма, выразившуюся в применении идей общечеловеческого прогресса к национально-историческому опыту, менталитету и традициям России. Данный синтез стал возможен, по мнению автора, вследствие крушения российской государственности в 1917 году, и после

---

[290] Бучко Н.П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.) : автореф. дис … канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 29 с. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

[291] Шелохаев В.Д. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914. М., 1991. 232 с.

[292] Харусь О.А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика. Томск, 1996. 227 с.

[293] Кувшинов В.А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943). М., 1997. 151 с.

[294] Хандорин В.Г. Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири периода Революции и Гражданской войны. Томск, 2010 368 с.; Его же. Национальная идея и адмирал Колчак. М., 2017. 624 с.

неудачного опыта по прививанию российскому обществу идеалов либеральной демократии в период с Февраля по Октябрь[295].

Стержень Белой идеи, названной автором «либеральным консерватизмом», состоял в стремлении соединить наиболее жизненные из достижений революции (уничтожение пережитков сословного строя, решение земельного и рабочего вопросов) с национальной спецификой, требовавшей учета авторитарной ментальности народа, религиозных корней и баланса интересов всех классов российского общества[296].

По мнению В.Г. Хандорина, кадеты пожертвовали идеей демократии в пользу возрождения государственности. Этому немало способствовали ошибки и политическая несостоятельность «демократической контрреволюции». Убеждаясь в бесперспективности коалиции с левыми, либералы осуществили сдвиг вправо, выразившийся в коррекции ряда программных установок.

В частности, в вопросах национально-государственного устройства кадеты придерживались великодержавных принципов, но допускали возможность автономии национальных окраин, а также создание независимой Польши. На фоне событий Гражданской войны и угрозы распада страны, часть либералов была готова отказаться и от принципа автономии в содержании данной программы. Сохранение союзнических отношений с западными демократиями, по мнению кадетов, отвечало геополитическим интересам России и обеспечивало перспективы либерализации страны. Однако непризнание правительства А.В. Колчака и недостаточная помощь обусловили, как отмечается исследователем, переход от традиционной ориентации на державы Антанты к идее «свободы рук» в выборе союзников[297].

На фоне изучения организации информационных и пропагандистских органов антибольшевистских правительств подвергалось изучению и содержание пропагандистской риторики.

---

[295] Хандорин В.Г. Национальная идея и адмирал Колчак… С. 7-8.
[296] Там же. С.470.
[297] Там же. С. 474-475.

В работах новосибирского историка В.В. Журавлева исследуются идеологические и политические практики сибирских антибольшевистских правительств, затрагиваются, в частности, проблемы репрезентации власти[298]. Обращение автора к малоизученным аспектам и уникальным и неопубликованным ранее источникам в контексте изучения событий 1917–22 гг. как конфликта, разворачивавшегося, в том числе, в культурной плоскости, представляет большой интерес. Особое внимание автор уделяет процессу формирования вождистского культа А.В. Колчака, рассматривая его в качестве «несущего элемента идеологической системы восточной контрреволюции»[299].

Некоторые аспекты процесс формирования образа власти рассматриваются в статьях Е.В. Лукова[300], который сравнивая программные установки Директории и Временного правительства, существовавшего в Петрограде в 1917 г., полагает, что Омское правительство являлось несколько более «правым»[301]. В работах И.В. Нам[302] и Н.И. Наумовой[303], изучается влияние национального фактора на процесс конструирования некоторых ключевых идеологем Белого движения.

---

[298] Журавлев В.В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. // Антропологический форум. 2008. № 8. С. 353-388.; Его же. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Новосибирск, 2009. С. 3-20. Его же. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. : [сборник]. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102-111; Его же. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. Новосибирск, 2013. С. 108-127; Журавлев В.В., Симонов Д.Г. К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период Гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке. : [сборник]. Новосибирск, 2014. Вып. 5. С. 132-142; Журавлев В.В. «Политическая агиография» в Гражданской войне в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке. : [сборник]. Новосибирск, 2015. Вып. 6. С. 17-31.

[299] Журавлев В.В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8-26 февраля 1919 г.: идеологический дизайн // Развитие территорий. 2017. № 4 (10). С. 24-35.

[300] Луков Е.В. Формирование образа власти антибольшевистскими правительствами Сибири (по материалам периодической печати) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 2007. С. 140-143; Его же. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» // 150 лет периодической печати в Сибири. Томск, 2007. С. 183-188.

[301] Луков Е.В. Образ Уфимской Директории… С. 188.

[302] Нам И.В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 47–57.; Её же. Международные аспекты национальной политики Российского правительства (ноябрь 1918–1919) // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 310. С. 81-88.; Её же. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922). Томск, 2009. 496 с.

[303] Наумова Н.И. Феномен «нации» в идеологии белогвардейцев // История белой Сибири : материалы 6-й междунар. науч. конф. Кемерово, 7-8 февраля 2005 года. Кемерово, 2005 С. 173-177; Ее же. О содержании лозунга «единая и неделимая Россия» в годы гражданской войны // По страницам истории и судьбы: к 70-летию профессора Ю. В. Куперта : [сборник]. Томск, 2001. С. 163-167.

Омский исследователь А.В. Сушко в ряде статей также затронул некоторые аспекты, связанные с содержательной стороной пропаганды правительства А.В. Колчака[304]. По мнению историка, ключевым элементом пропагандистского дискурса омского режима являлась идея «этатистского национализма», которая основывалась на аффекте страха. Неэффективность колчаковской пропаганды А.В. Сушко объясняет чуждостью и абстрактностью языка, который был непонятен основной массе населения страны[305].

Д.Н. Шевелев в упомянутых работах, также затрагивает содержание пропаганды антибольшевистских сил. Автор отмечает, что антибольшевистские режимы востока России не смоги сформировать своей четкой идеологии, системы ценностей и символов, способной объединить все антибольшевистские силы и широкие слои населения. Это было обусловлено, как спецификой организации самого пропагандистского аппарата, так и особенностями содержания пропаганды белых и ее соотношением с реальностью[306].

Подытоживая все изложенное в данной главе, необходимо сделать ряд замечаний.

Несмотря на наличие противоречий, опасения и недоверие, руководство антибольшевистских сил, за неимением иных жизнеспособных альтернатив, вынуждено было искать поддержку союзных держав. Следует согласиться с утверждением М.М. Стельмака о том, что стремление получить помощь от союзников было характерной чертой внешнеполитического курса всех сменявшихся в Омске правительств[307]. Таким образом, успехи и неудачи во внешней политике Омского правительства оказывали существенное влияние на процесс выстраивания образа союзников. Противоречивость международных

---

[304] Сушко А.В. Использование «женской темы» периодической печатью Белой Сибири для мобилизации населения на борьбу с большевизмом // VII Емельяновские чтения: мат. всерос. науч. конф. Курган 28-29 апр. 2014 г. Курган, 2014. С. 41-43.; Его же. К вопросу о праздновании дня георгиевских кавалеров и восстановления георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2-6 (62). С. 295-299.

[305] Сушко А.В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 155.

[306] Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова... С. 242-243.

[307] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной… С. 97. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

отношений, в конечном счете, не могла не влиять на формирование противоречий в образе Великих держав.

Не в меньшей степени процесс конструирования зависел от характера функционирования информационного пространства востока России в рассматриваемый период. Имеющиеся благодаря исследованиям ряда ученых сведения об «технических» аспектах работы информационного пространства позволяют сказать, что информация о союзниках была преимущественно, доступна лишь жителям городов, читавшим прессу, не проникая в толщу народных масс, за исключением тех случаев, когда население не имело с ними дела напрямую.

Еще более важным моментом являлось то, что на процесс формирования образа оказывали серьезное влияние идеологические установки лидеров антибольшевистского движения. Конструирование образа союзников происходило в контексте формирования ряда ключевых положений, на основе которых строилась идеология антибольшевистского движения на востоке России. Поэтому рассмотрение содержания данного образа и особенностей его трансформации должно осуществляться в ходе реконструкции содержания тех дискурсов, в рамки которых он был встроен.

Как отмечает Г. Гилл, идеология как некое «фундаментальное философское обоснование режима, его формальный интеллектуальный базис и ядро его легитимации», в силу своей сложности не может быть использована для постоянной коммуникации между правящими и управляемыми. В качестве инструмента посредничества между властью и обществом применяется то, что Г. Гилл обозначает термином метанарратив – «символическая конструкция общества и объяснение его прошлого (почему оно стало тем, чем является) и будущего (куда оно стремится)»[308].

В отличие от большевиков, идеология которых была представлена в рамках единого и всеобъемлющего метанарратива, неоднородные по своему

[308] Малинова О.Ю. В ожидании объединяющего нарратива: символическое измерение постсоветской трансформации России…С. 345-346.

политическому составу силы, выступившие против советской власти на востоке России, не выстроили цельной и четкой идеологической системы. Вследствие этого, необходимо говорить об идеологии восточной контрреволюции как совокупности ряда дискурсов.

Многообразие их проявлялось как в институциональном плане, так и в политико-идеологическом. По мнению Д.Н. Шевелева, в зависимости от того вида коммуникатора, можно выделить такие виды дискурсов как медийный, административный и институциональный политический[309]. Вместе с тем, в зависимости от идеологического направления, в информационном пространстве Белой Сибири существовали и взаимодействовали дискурсы основных политических группировок – большевиков, левых (эсеров и социал-демократов), либералов и консерваторов разного толка[310].

В результате, рождение и репрезентация основных идеологических установок, отражавших взгляды и идеалы той или иной политической силы на востоке России, происходили в условиях постоянной борьбы за доминирование в дискурсе (и борьбы дискурсов).

Тем не менее, нельзя отрицать того, что в рамках своей информационной и пропагандистской деятельности антибольшевистские правительства и силы их поддерживавшие, стремились сконструировать определенный нарратив, обеспечивающий их легитимацию и представляющий обществу некую систему позитивных ценностей. Тем немногим, что содержательно объединяло и дискурс власти (в лице последовательно сменявших друг друга ВСП, Директории и Правительства А.В. Колчака), и дискурсы «государственно-мыслящих элементов» (кадетов), «революционной демократии» и правых была идея восстановления величия и единства России, выраженная в рамках символической конструкции, которую можно обозначить как нарратив или рассказ «о возрождении России».

Необходимо отметить, что идеологически маркированные истории, являвшиеся частью пропагандистских дискурсов, играли важную роль в

[309] Шевелев Д. Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны… С. 389.

[310] Там же.

коллективной самоидентификации сторонников антибольшевистского движения на востоке России[311]. К таковым следует отнести, например, исследованные Д.Н. Шевелевым и К.А. Коневым нарративы о «Великой войне» и «Единой и неделимой Руси». Опыт анализа содержания и структуры данных нарративов позволил выявить две ключевых характеристики, присущие им. Во-первых, данные рассказы могли излагаться в нескольких отличавшихся в деталях изложениях и интерпретациях и многими повествователями. Во-вторых, данные рассказы были рассеяны во множестве текстов различного жанра и формата (газетный и журнальный текст, листовка, брошюра, плакат)[312]. Таким образом, тексты, в которых отражались вышеотмеченные нарративы, являясь связанными одной проблематикой, в совокупности образовывали единый сверхтекст.

Согласно определению А.Г. Лошакова, сверхтекст – «ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью (в сферах автора, кода, контекста или адресата) автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально предстают в качестве целостного, интегративного, диссипативного словесно-концептуального образования»[313].

По мнению В.Н. Топорова – первым затронувшего проблему сверхтекста – единство рассматриваемого им «Петербургского текста» определялось «не столько единым объектом описания, сколько монолитностью (единство и цельность) максимальной смысловой установки (идеи)…»[314]. Именно на основе этой характеристики были выделены группы текстов образовывавшие нарративы о «Великой войне» и «Единой и неделимой Руси».

Опираясь на данный подход, можно всю совокупность текстов, созданных восточной контрреволюцией, и объединенных идеей о том, что целью борьбы антибольшевистских сил является восстановление единства и величия России,

---

[311] Конев К.А., Шевелев Д.Н. Формы репрезентации национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати востока России (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. №38 (4). С. 1111.

[312] Конев К.А., Шевелев Д.Н. Формы репрезентации национальной идентичности… С. 1111.

[313] Лошаков А.Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования // Известия Российского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. 2008. №66. С. 102.

[314] Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды. СПб., 2003. С.26-27.

рассматривать как сверхтекст, отражающий единый рамочный нарратив – рассказ «о борьбе за возрождение России».

Обозначенные В.Н. Топоровым особенности сверхтекста – кросс-жанровость, кросс-темпоральность и кросс-персональность (в отношении авторства)[315] позволяют охарактеризовать процесс создания нарратива о возрождении России. Несомненно, что данные особенности необходимо и учитывать при его реконструкции. Так, многообразие форм представления, обусловленное разнообразием жанров и форм подачи информации, предопределяло, в свою очередь, многогранность выстраиваемых в рамках нарратива образов, и, в конечном счете, неоднозначность их восприятия и авторами, и адресатами.

Различие во времени создания текстов позволяет не только проследить процессы актуализации тех или иных идей, особенности эволюции взглядов создателей нарратива на определенные явления и события. Интересны также представленные в отдельных текстах, являющихся элементами единого сверхтекста, оценки настоящего, реконструкции прошлого и модели будущего. Извлекая их из текстов, созданных на различных этапах рассматриваемого периода, мы можем оценивать точность тех или иных прогнозов, выявлять особенности актуализации прошлого в зависимости от условий, менявшегося настоящего.

Наконец, кросс-персональность, то есть наличие множества авторов, позволяет взглянуть на сверхтекст, выражавший рассказ о возрождении России, как на синтез множества оценок и взглядов на представленные события и явления. В данном случае и высказывания лидеров, идеологов антибольшевистских сил, их иностранных союзников, и публикации безымянных авторов на газетных полосах являются неким выражением коллективного «Я» (далеко не полным), антибольшевистского движения на востоке России.

[315] Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы… С.26.

ГЛАВА 2 Образ союзников в политическом нарративе о «возрождении России»

2.1 «Русская политика» Антанты и США и ее репрезентация в периодической печати антибольшевистского движения востока России

Для того чтобы представить структуру нарратива «о возрождении России», обозначить ключевых акторов и охарактеризовать особенности взаимодействия между ними, обратимся к классической актантной модели, предложенной А. Греймасом[316]. Данная модель успешно была применена ранее при анализе нарративов о «Великой войне» и «Единой и неделимой Руси», что позволяет использовать данный опыт. (См. Рис. 1).

Рис. 1. Союзники в структуре нарратива «о возрождении России».

В качестве Субъекта – главного действующего лица нарратива – следует рассматривать антибольшевистские силы, представленные, в первую очередь, политическими режимами, существовавшими на востоке России в годы Гражданской войны. К ним можно отнести целый ряд областных правительств,

[316] Греймас А.Ж. Структурная семантика: Поиск метода. М., 2004. С.261.

существовавших на пространстве от Урала до полосы отчуждения КВЖД до начала государственного совещания в Уфе. Затем, таким субъектом-героем становится сначала Временное Всероссийское правительство (Директория), а после переворота 18 ноября – Российское правительство адмирала А.В. Колчака.

Кроме того, на роль главного героя рассказа «о возрождении России» претендовали наиболее влиятельные политически группировки, входившие в довольно пестрый конгломерат сил, выступивших против советской власти на востоке России. Политические партии левого и правого спектра активно стремились представить себя в качестве «истинных» «борцов за спасение Родины». Именно это стремление к «истинности» является отражением борьбы за возможность сконструировать новую объединяющую идентичность для российского общества, погруженного в революционные потрясения.

Все усилия Субъекта направлены на достижение Объекта, в качестве которого рассматривается победа антибольшевистских сил и установление мира на территории России. Победа Белого движения при поддержке со стороны союзных стран, с одной стороны, расценивалась как торжество идей справедливости, демократии и правопорядка, с другой – как точка отсчета для процесса восстановления статуса России в качестве великой державы.

Неотъемлемыми элементами рассматриваемой схемы являются такие акторы как Помощник и Противник. Помехой и противником субъекта в достижении им желанного объекта – победы, являлись, по мнению создателей нарратива, Центральные державы, а также большевики.

Роль помощника, в свою очередь, выполняли недавние союзники России по Первой мировой войне – страны Антанты и США, а также представители Чехословацкого корпуса. Именно они, по мнению политических лидеров и журналистов антибольшевистского движения, должны были выступить той силой, которая окажет существенную материальную, финансовую, военную и политическую поддержку «возрождающейся России».

Выстраивая образ союзников как Помощника, белые стремились объяснить мотивы участия иностранных держав в российской междоусобице,

охарактеризовать основные направления их деятельности, а также смоделировать результаты данного вмешательства.

Еще одним актантом рассматриваемого нарратива является Адресант или Отправитель. В его роли также выступают союзные державы. Однако в данной ипостаси они предстают уже в качестве носителей и олицетворения идеалов правопорядка, демократии, свободы и национального государства. Данные идеалы можно рассматривать как некое «Благо», которое должно быть передано Адресату или Получателю, в качестве которого выступает Россия. Такой символической передачей «блага» должна была стать победа антибольшевистских сил и союзников над большевиками и Центральными державами. Прекращение Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, установление единой власти, воплощающей в себе данные идеалы, обеспечило бы, по мнению белых, возрождение величия Российского государства.

В рамках данного раздела будут рассмотрены особенности формирования образа иностранных союзников антибольшевистского движения в качестве актанта Помощник. Кроме того, будут проанализированы ключевые сюжеты, узловые точки и другие акторы нарратива «о возрождении России». Все это позволит проследить эволюцию образа союзников в контексте формирований представлений о прошлом и будущем и, в связи с тем, как конструировались образы враждебных «Других» (противников) – большевиков и немцев.

Как и любая другая история, нарратив «о возрождении России» имел экспозицию, завязку, этапы развития действия, кульминацию и развязку. Данные структурные элементы можно соотнести с этапами развертывания Гражданской войны на востоке России, а также действиями союзников. (См. Рис. 2).

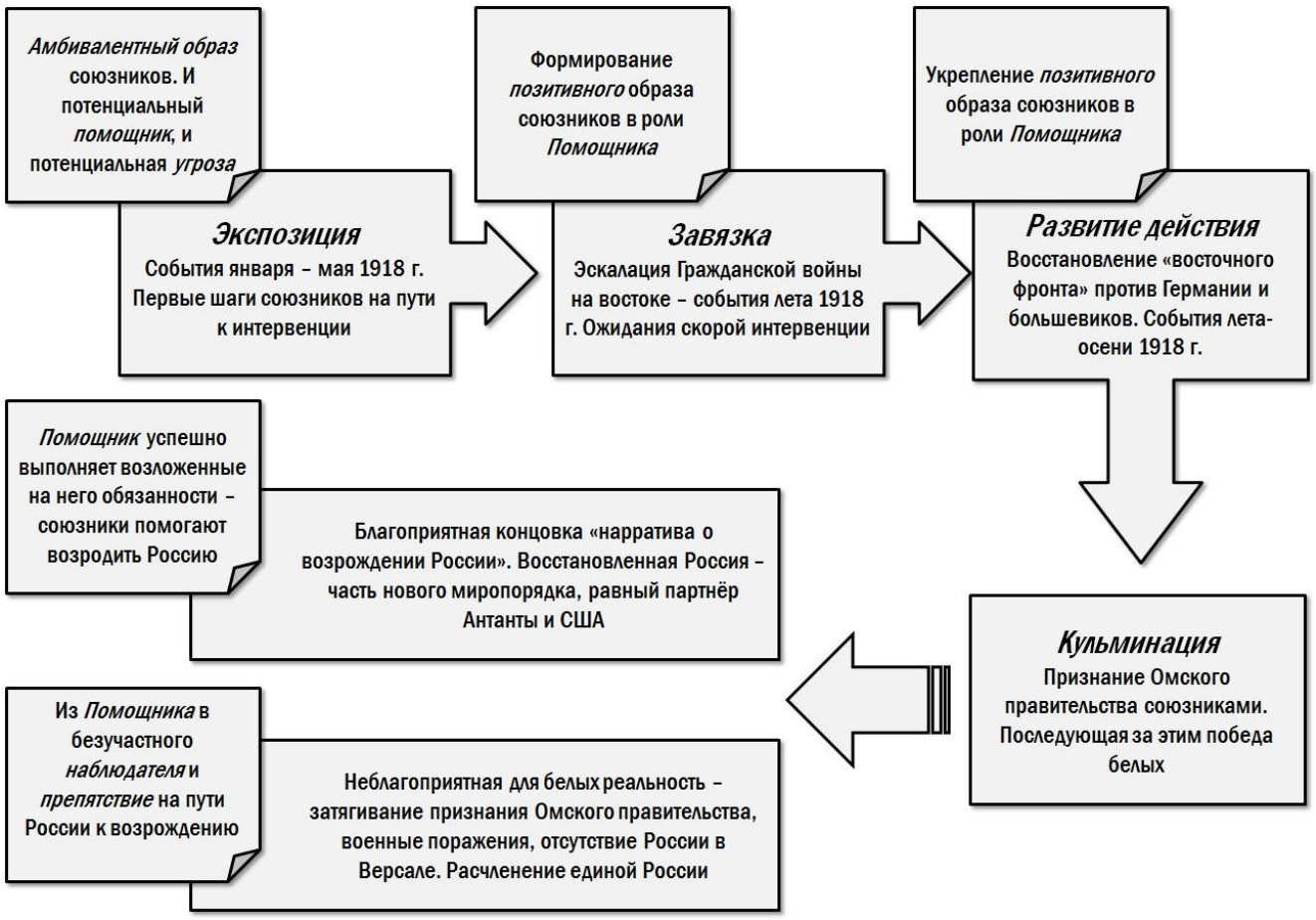

Рис. 2. Союзники в сюжете нарратива «о возрождении России».

В качестве ***экспозиции*** – элемента сюжета, в котором осуществляется «расстановка» ключевых действующих лиц, складываются причины, «запускающие» сам сюжет – следует рассматривать события, происходившие с конца 1917 г. по май-июнь 1918 г. Мнения по поводу дальнейших взаимоотношений России с Центральными державами и Антантой, выказывавшиеся на страницах сибирских и дальневосточных газет в данный период, важны для понимания того, какие представления о союзниках и их целях складывались накануне развертывания широкомасштабных боевых действий в Сибири. Интерес также представляют и более поздние оценки данных событий. Так, репрезентация Брестского мира как предательства и своеобразного «грехопадения» России, произошедшего по вине большевиков, позволяла белым в выгодном для себя свете трактовать развернувшуюся борьбу.

В ходе Великой войны официальная правительственная пропаганда стремилась сформировать у российской общественности положительный образ стран Антанты. Как отмечает О.С. Поршнева, образ «благородных» союзников, «защитников общего справедливого дела», сложившийся на начальном этапе войны, к концу 1916 г. трансформировался в образ «корыстных» союзников, стремившихся за счет России достигнуть своих целей. Причинами тому послужили усталость от войны, падение популярности царского правительства, накопление внутренних проблем[317]. События Февральской революции на фоне успехов союзных войск и вступления в войну Америки привели к распространению идеи революционного оборончества и выражению чувств солидарности с союзниками. Однако к осени 1917 г. в сознании широких слоев населения, прежде всего рабочих и солдат, союзники стали рассматриваться как нечто враждебное и представлявшее собой «сначала неотъемлемый атрибут ненавистной царской дипломатии и политики, а затем – классовой политики российской и мировой буржуазии» [318]. В сознании масс укоренилось мнение, что союзники стремится использовать Россию и ее народ только лишь для собственных интересов.

Необходимо отметить, что недовольство союзниками в российском обществе все же не было повсеместным. Представления о необходимости сохранять верность Антанте имели место, прежде всего, среди политических оппонентов большевиков, стоявших на оборонческой платформе – кадетов и правых эсеров. Начало переговоров большевиков и немцев о мире сибирские кадеты расценивали как предательство по отношению к странам Антанты. «Этим объявлена война нашим сородичам сербам, французам, англичанам, итальянцам, американцам, японцам, китайцам, португальцам и прочим», – писала красноярская газета «Свободная Сибирь»[319]. Отмечалось при этом, что союзники,

[317] Поршнева О. С. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Проблемы истории России. Екатеринбург, 2011. Вып. 9. С. 323.

[318] Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 // Уральский исторический вестник. 2014. № 1 (42). С. 50.

[319] Новая война // Свободная Сибирь. Красноярск. 1917. 24 ноября.

«стремясь наказать нарушившего слово товарища», начнут войну против России[320]. Данные опасения, впрочем, были не столь далеки от реальности.

Вопрос о заключении сепаратного мира с Центральными державами и последующем прекращении участия России в мировой войне, активно обсуждавшийся на страницах печати, был тесно связан с проблемой возможного вмешательства стран Антанты во внутрироссийские события. Сведения об обсуждении в правительственных кругах союзных стран возможности интервенции доходили до сибирской и дальневосточной прессы. Касаясь данного вопроса, авторы газетных статей на основе доступной информации стремились определить возможных участников интервенции и предугадать их конечные цели и степень вмешательства в русские дела.

Как отмечалось в небольшевистской печати левого и либерального направления, основными причинами возможной интервенции с востока являлся кризис власти, вызванный неспособностью Совнаркома контролировать ситуацию на местах, а также стремление советских лидеров заключить мир с Германией.

В январе 1918 г. в порту Владивостока появились британский, американский и японский военные корабли, что стало первым явным шагом союзников на пути к интервенции в Россию. В знак протеста по поводу появления союзных военных кораблей в городе прошел ряд стихийных митингов[321]. Японский генеральный консул в ноте председателю Приморской областной земской управы заявлял, что прибытие военных судов связано исключительно «с целью защиты своих подданных», а императорское правительство «нисколько не намерено вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России»[322]. В ответ управа выразила протест, заявив, что местная власть способна выполнить свою прямую обязанность по защите всех лиц, проживающих на территории России. Также указывалось на то, что помещаемые в газетах России и Сибири «массовые ложные слухи» и телеграфные сообщения об оккупации иностранцами

[320] Переговоры о мире // Свободная Сибирь. Красноярск. 1917. 19 ноября.

[321] Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.) : документы и материалы. Владивосток, 1997. С. 71.

[322] Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922) : сб. док. / ред. П.К. Волгин. Владивосток, 1955. С. 66.

Владивостока «крайне волнуют» российских граждан, и это мешает сближению российского и японского народов[323].

Примером таких слухов являлось, например, сообщение иркутской газеты «Свободный край», которая ссылаясь на японскую газету «Осаки Маиники», сообщала о якобы согласованной с американцами оккупации японцами города, вызванной необходимостью подкрепления инженерных частей, заведующих гаванью и железнодорожной станцией. Выступление являлось «актом самообороны против анархии», грозящей японским жителям Владивостока[324]. Подобные слухи были инспирированы самими японцами с целью выяснения реакции западных держав на возможную одностороннюю интервенцию Японии, – отмечает М.И. Светачев[325]. Официально же японское правительство заявляло о полной абсурдности этих сообщений, подчеркивая, что возможность высадки десанта исключена[326].

Для того чтобы обосновывать приход кораблей и даже мнимую высадку десанта наличием опасности для японских граждан, проживающих на Дальнем Востоке, японцы старались соответствующим образом изобразить обстановку в регионе. Так, «Владиво-Ниппо» – орган японской колонии во Владивостоке – писала о «воровстве, разбое, всеобщей забастовке, прекращении торговли, недостатке съестных припасов»[327], давая понять, тем самым, что необходим ввод японских войск для устранения проблем. О неспокойной ситуации в городе писала и русская пресса. Владивостокская газета «Голос Приморья» в январе 1918 г. отмечала, что необходимо спешно решать проблемы безопасности в городе, так как промедление «грозит вмешательством иностранцев, что хуже всего»[328].

Появление союзнических кораблей вызвало весьма неоднозначную реакцию в печати. Газета «Далекая окраина» негативно восприняла приход крейсеров. По

---

[323] Борьба за власть советов в Приморье… С. 67
[324] Оккупация японцами Владивостока // Свободный край. Иркутск. 1918. 11 янв.
[325] Светачев М.И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке… С. 296.
[326] Японское правительство о десанте во Владивостоке // Свободный край. Иркутск. 1918. 16 янв.
[327] Точка над і // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 28 янв.
[328] Безопасность в городе // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 26 янв.

словам издания, «если страна больна, а народ еще не пережил роковой болезни роста, это не значит еще, что он становится пустым местом». «Наш тяжелый спор, – подчеркивал автор, – все же наш спор…», «и никто чужой не имеет права вмешиваться, поэтому совершенно недопустимо появление военного корабля самовольно вставшего у входа в народную душу»[329].

Левые партии – эсеры и социал-демократы, исходя из логики классового подхода, расценивали действия союзников как возможное покушение «империалистов» на природные богатства и территорию Сибири. «Во Владивосток вступил флот союзников. Китай вмешивается в наши внутренние дела на Дальнем Востоке. Таким образом, в погоне за рынками, иностранная буржуазия начинает теснить нас и захватывать наши земли, как с Запада, так и с Востока», – с такими словами обращались томские эсеры к населению, призывая его к защите Учредительного Собрания[330].

Об угрозе с востока говорилось и в обращении Временного сибирского областного совета к населению Сибири. Сепаратные переговоры о мире и борьба большевиков с Учредительным собранием, по мнению членов Совета подталкивали союзников к вводу войск на восток России. В избежание этого, Совет призывал к передаче власти в руки Областной Думы[331].

Появлялись и новые слухи о возможном вторжении союзников, «идущие из самых достоверных источников». Сообщалось, например, о том, что союзники собираются «предъявить требование о выводе из Владивостока русского гарнизона». Следующий шаг – открытие порто-франко. По другой версии, «Америка и Япония озабочены распространением своего влияния на сибирскую магистраль в целях посылки японских и китайских войск против Германии. В виде компенсации Япония претендует на Уссурийский край»[332]. Отмечалось, что в возможной интервенции весьма значительную роль может сыграть Япония. Красноярская «Свободная Сибирь», в связи с этим сообщала, что правительство

---

[329] Стыд за чужих // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 17 янв.
[330] Солдаты, Рабочие, Крестьяне и все Граждане! // Путь народа. Томск. 1918. №11. 14 января.
[331] К гражданам Сибири! // Известия Временного Сибирского областного Совета. 1918. 18 янв.
[332] По Сибири. Во Владивостоке // Алтай. 1918. Бийск. 1918. №19. 25 янв. (7 февр.).

Японии в случае нарушения мира и порядка на Дальнем Востоке во избежание ущерба своих интересов, не задумываясь, примет необходимые меры[333].

Однако не только отсутствие правопорядка, создававшее угрозу для иностранных граждан, рассматривалось в качестве повода к вмешательству союзников в русские дела. Куда более весомым аргументом в пользу интервенции являлись сведения об усилении влияния Германии на востоке России, чему немало способствовали сообщения о мирных переговорах Советского правительства и Центральных держав.

Дальневосточные газеты, ссылаясь на иностранные источники, сообщали о том, что большевики не контролируют лагеря военнопленных и германские пленные, одетые в форму, «ходят без малейшего присмотра»[334]. Более того, согласно данным союзников, большевики вооружали германских и австрийских военнопленных и использовали их в боях против своих противников. По сообщению омской газеты, например, «японская печать выставляет одним из предлогов вмешательства Японии в русские дела тот факт, что якобы в Сибири находится свыше 2000000 пленных, которые якобы вооружены большевиками для неизвестных целей»[335]. На фоне подобных сообщений, циркулировавших по региону, выражалось мнение, что «тревога японцев насчет германских шпионов может иметь нехорошие последствия для нас» (России – К.К.). Отмечалось также при этом, что анархия и разруха, возникавшие благодаря большевикам и ведшие к проникновению шпионов в Сибирь, приближали тем самым и японскую опасность[336].

Заключение Брестского мирного договора 3 марта 1918 г. рассматривалось противниками советской власти, как неоспоримое свидетельство того, что большевики являлись, «изменниками»[337], открывавшими дорогу для немецкого вторжения. «Новое татарское иго призвали большевики на голову нашей

---

[333] По Сибири. Из Японии // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 30 янв.
[334] Телеграммы из заграничной прессы // Амурское эхо. Благовещенск. 1918. 1 янв.
[335] Американская миссия // Омский вестник. Омск. 1918. 21 (8) марта
[336] Россия и Япония // Амурское эхо Благовещенск. 1918. 17 февр.
[337] См., напр.: Воззвание Комитета член. Учредительного Собрания // Оренбургское земское дело. Оренбург. 1918. 19 июля.

несчастной родины»[338] – так, апеллируя к исторической памяти, характеризовали самарские эсеры результаты советско-германских переговоров. Проблема «германской угрозы» давала повод некоторым газетам делать неутешительные прогнозы.

Сепаратный мир с немцами, по мнению представителей сибирской «революционной демократии», мог превратить Сибирь и Дальний Восток в арену противостояния империалистических держав. «Победное шествие германского империализма совершенно естественно должно встретить противодействие империалистов других стран…», – отмечалось в газете барнаульских социал-демократов «Алтайский луч». Указывая на то, что Россия не способна вести войну на Востоке, автор статьи приходил к неутешительному выводу – «…ближайший ультиматум Англо-Французско-Японско-Китайской коалиции вынудит нас отдать этой коалиции и Сибирь»[339].

Таким образом, по мнению левых, и немцы, и союзники в равной степени являлись угрозой как для независимости Сибири и России, так и для «свободы» и «дела революции». В своем воззвании, посвященном годовщине революции, томские эсеры следующим образом характеризовали ситуацию в стране: «И великое празднество освобожденного труда мы праздновали бы сегодня, если бы не последующие события, черной тучей повисшие над нами, залившие кровью страну и отдавшие ее на милость Австро-Немецкого трона и Англо-Американской биржи, события, вызванные вероломной политикой большевиков, завершившийся кощунственным разгоном Учредительного Собрания, расстрелом мирных демонстраций, убийствами, самосудами, обысками и наконец, военной капитуляцией позорного сепаратного мира». Переживаемые события расценивались как мученическая смерть целой страны, причиной которой стало предательство – «Гибнет на Немецкой и Англо-Американской голгофе великое дело революция…»[340].

---

[338] Земледелец Георгий. Брестский мир несет смерть России, рабство и нищету трудящимся. Самара, 1918. С. 15.

[339] Мир ли? // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 19 (6) марта

[340] Воззвание! // Путь народа. Томск. 1918. 12 марта (27 февр.).

Иным образом смотрели на союзников либералы. По мнению красноярских кадетов, сохранение дружественных отношений с союзниками предоставило бы автономной Сибири, как неотъемлемой части России, ряд выгод. Это и сохранение добрососедских отношений с целым рядом государств Европы, Америки и Азии, и вытекающая отсюда неприкосновенность восточных границ, и привлечение западного капитала к «созданию Сибирской обрабатывающей промышленности, проведению железнодорожных и водных путей и оживлению сибирской торговли»[341].

Впрочем, не считая, в отличие от левых, пагубным приход иностранного капитала на восток России, либералы все же соглашались с тем, что прямое вмешательство союзников во внутренние российские дела может привести к негативным последствиям. Как отмечалось во владивостокской газете «Голос Приморья», «в процесс воссоздания из обломков правопорядка менее всего должны мешаться иностранцы, ибо это вмешательство может лишь затянуть процесс оздоровления»[342].

Показательно, что слухи об усилении влияния Германии в Сибири расценивались некоторыми авторами не как причина союзного вмешательства, а именно как формальный повод. Так, сотрудник владивостокской газеты «Далекая окраина» К. Полынов, сопровождая обзор японской прессы своим комментарием, вопрошал – неужели Германия через три года войны остается «настолько страшной», чтобы игнорируя массу союзных войск на Западе, ринуться на Дальний Восток, ввиду полного расстройства российских путей сообщения. «Большинство пленных, – отмечал К. Полынов, – после заключения мира вернется домой <…>, какого врага должна будет искать Япония (вызываемая союзниками на решительные действия в Сибири), отрицавшая всегда вмешательство во внутренние дела соседей?!»[343].

---

[341] Международное положение Сибири // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 20 янв.
[342] Мы и союзники // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 23 марта.
[343] Японцы // Далекая окраина. Владивосток. 1918. 19 марта.

«Обезопасить всякого рода интервенцию могла только солидарность русской общественности»[344], – писал С.П. Мельгунов. К ней призывал Г.Н. Потанин в своем известном обращении к Сибири 13 (26) марта: «Сибирь в опасности. С Востока в ее пределы вступают иностранные войска. Они могут оказаться нашими союзниками, но могут также отнестись к нашим общественным интересам совершенно своекорыстно; это будет зависеть от того, как сибирское общество проявит себя в этот роковой момент». Почетный гражданин Сибири призывал всех объединиться ради Сибири и пренебречь ради этого разъединяющими политическими лозунгами[345].

В дальнейшем, тема необходимости единства российского общества перед лицом иностранного вмешательства станет лейтмотивом как правительственной риторики, так и партийной. Например, в письме с Дальнего Востока, опубликованном в издании областников «Вольная Сибирь» и перепечатанном в журнале «Сибирская земская деревня», сообщалось о нарушении экономической жизни Приморья по вине большевиков. Создавшееся положение провоцировало США и Японию на совместную оккупацию края, несмотря на имеющиеся между странами противоречия. Автор текста, таким образом, подводил своих читателей к мысли о том, что для предотвращения интервенции необходимо создание новой краевой власти, способной разрешить все насущные вопросы[346].

Первые контингенты союзных войск появились во Владивостоке 5-6 апреля 1918 г. как полицейская мера в ответ на убийство в городе японских подданных. Высадка британских и японских морских пехотинцев со стоявших на рейде кораблей в очередной раз взбудоражила общественное мнение и наполнила город и край слухами, несмотря на то, что командующий японской эскадрой поспешил заявить о том, что войска введены для защиты жизни и имущества подданных империи, и не направлены против интересов России[347].

---

[344] Мельгунов С.П. Трагедия адмирала Колчака. М., 2004. Кн.1. С. 123.

[345] К населению Сибири // Вестник Временного Правительства Автономной Сибири. Владивосток. 1918. 6 июля.

[346] Хроника Сибири. Осложнения на Дальнем Востоке // Сибирская земская деревня. Тобольск. 8 (21) марта 1918. С. 15.

[347] Высадка иностранного десанта // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 6 апр.

Либеральный «Голос Приморья» тут же откликнулся на десант, напечатав статью с пессимистичным названием «Начало конца», где подчеркивалось, что в высадке японцев виноваты «розовые социалисты, засевшие в Гор. Думе и их друзья из совдепа и красной гвардии», которые допустили спровоцировавшие японцев убийства и грабежи в городе[348]. В дальнейшем газета, говоря о десанте, все больше критиковала местный совет и социалистов. Новиков-Сибирский – постоянный автор «Голоса Приморья», обращаясь к национальной гордости читателя в очередной статье, заявлял, что высадка десанта фактически означает утрату русскими власти над крепостью Владивосток. Лишь отказ советов от притязаний на власть и сосредоточение ее в руках земства, а также четкое определение «с кем мы (Россия – К.К.) идем с германцами или союзниками» позволило бы, по мнению автора, восстановить утраченный суверенитет[349].

Газета «Далекая окраина» также восприняла десант весьма пессимистично, назвав 5-е апреля «днем национального горя» и «живым напоминанием о существовании грубых аннексионистских планов», и также призывала совет передать «бремя управления» «истинным органам власти» – земствам и думам[350].

Как сообщалось в советских телеграммах, положительно восприняли десант представители буржуазии и «все темные силы», однако, по словам собственного корреспондента газеты «Приамурская жизнь», реакция населения была противоречивой. Радовались и солдаты, и рабочие, и «буржуи», «выбитые сумбуром русской жизни из колеи, не разбирающиеся в том, что творится вокруг». Но подавляющее большинство, – отмечал корреспондент, – остались совершенно равнодушными. Спокойствие этих «граждан-свистунов» больше всего и беспокоило репортера, поскольку, по его мнению, «на фоне этого «свистунского» настроения иностранный штык способен разрисовать самые причудливые и неожиданные узоры»[351].

---

[348] Начало конца // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 6 апр.
[349] Десант // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 9 апр.
[350] Десант и наши задачи // Далекая окраина Владивосток. 1918. 7 апр.
[351] Алчевский. Во Владивостоке // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 9 апр. (27 марта).

Высадка англо-японского десанта, однако, не стала началом масштабного выступления союзников на Дальнем Востоке. Но внимание прессы, к союзникам и их политике в отношении России только возрастало. Особый интерес проявляли дальневосточные издания, которые публиковали телеграммы и заметки, сообщавшие часто отрывочные сведения о переговорах и возникающих в ходе них противоречиях между союзниками по тому или иному вопросу, касающемуся интервенции. Наряду с сообщениями о «принципиальном согласии» США с позицией Англии, Франции, Италии в вопросе о японском выступлении в Сибири[352], появлялась информация о том, что разногласия по поводу выступления существовали и в «самой Японии»[353].

Обращаясь к теме американо-японских взаимоотношений и откликаясь на десант во Владивостоке, хабаровская «Приамурская жизнь» отмечала, что «во взаимной политической сваре» россияне не желают и не могут видеть «грозного меча, зависшего над всей Россией», и возлагала все надежды «на энергичную защиту нашей беззащитной родины заокеанской республикой». Газета не строила иллюзий, отмечая, что США, даже если и окажут помощь, то не из-за «любви и сочувствия к нам, а из-за борьбы их собственных интересов с интересами Японии»[354].

Таким образом, в рамках предыстории или экспозиции рассказа о «возрождении России» союзники предстают в образе Другого, статус которого двойственен. По мнению левых (социал-демократов и эсеров) «империалистические» Антанта и США уже не являлись союзниками и помощниками России, что выражалось даже в применении термина «бывшие союзники»[355], а также заключении слова «союзники» в кавычки. Анализ перипетий международных отношений с точки зрения классового подхода всерьез заставлял сибирских эсеров и эсдеков опасаться вторжения с востока, что, несомненно, способствовало формированию в соответствующих изданиях мнения

[352] Разные вести. Японское вмешательство // Призыв. Харбин. 1918. 8 апр.
[353] Телеграммы // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 3 апр.
[354] Хабаровск, 6 апреля // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 6 апр. (24 марта).
[355] Германизм и ленинизм // Свободный голос. Новониколаевск. 1918. 13 (26) марта.

о союзниках как об угрозе. Либералы, хотя и не были согласны со своими оппонентами слева, рассматривали союзников в большей степени как потенциального помощника, хотя и высказывали опасения относительно возможной интервенции.

Вместе с тем, формировалась и ключевая ценностная установка антибольшевистских сил – необходимость сплочения общества и создания твердой власти, способной начать возрождение страны. И левые, и либералы настойчиво стремились укоренить в сознании читателей мысль о том, что единение всего общества вокруг Учредительного Собрания – этого «…естественного центра всенародной обороны русской революции…»[356] позволит создать новое правительство (более эффективное, нежели Совнарком) и обеспечить, тем самым, мир, избежав интервенции.

Итак, на данном этапе союзники приобрели статус Другого, в одинаковой степени способного стать как потенциальным помощником, так и угрозой. Дальнейшее восприятие и репрезентация союзников зависели от целого ряда причин, в том числе и от идеологической трансформации антибольшевистского движения.

В середине 1918 г. в результате выступления чехословацкого корпуса и антибольшевистского подполья советская власть на востоке страны была свергнута. Гражданская война, по словам Н.Е. Какурина, вступила в новый фазис своего развития, характеризующийся возникновением «правильных фронтов», и столкновениями «больших организованных» армий[357].

Период правления большевиков характеризовался противниками большевизма не иначе как «иго». Говоря о его результатах, редакция газеты «Алтай» отмечала: «Наследие большевизма огромное, но это наследие можно охарактеризовать одним общим определением – полное разрушение всего государственного организма»[358].

---

[356] Декларация фракции социалистов-революционеров // Путь народа. Томск. 1918. 9 марта (24 февр.).
[357] Какурин Н.Е. Как сражалась революция. 1917–1918 гг. М., 1990. Т.1. С. 20.
[358] Бийск, 23 июня 1918 г. // Алтай. Бийск. 1918. 23 (10) июня.

Происходившие на востоке России события были восприняты публицистами и партийными идеологами как важный, переломный этап. «Гамлетовский вопрос: “быть или не быть” – стоит перед нами в совершенно оголенной форме. Если большевизм возродится, то страна окончательно погибнет, погибнем и мы с нею, как отдельные люди, как нация и даже, быть может, как племя», – отмечалось в кадетской «Свободной Сибири»[359].

Подобные оценки происходящего позволяют рассматривать эскалацию Гражданской войны в Сибири в качестве своего рода отправной точки или ***завязки*** нарратива «о возрождении России».

Создание на территории востока России антибольшевистских органов власти, вместе с тем, вело к появлению еще одного дискурса – правительственного, в рамках которого также происходило формирование образа союзников. В Западной Сибири власть перешла к представителям правительства, созданного в январе 1918 г. на совещании делегатов Сибирской областной думы[360].

Скорейшее приобретение поддержки со стороны общественности и зарубежных союзников не могло не отвечать интересам новой власти. Одной из своих задач Западно-Сибирский Комиссариат провозглашал «предотвращение вторжения в Сибирь с востока путем возобновления дружественных отношений с союзными странами»[361]. Данное заявление свидетельствует об опасениях Комиссариата не только по поводу большевиков и стоявших, якобы за их спиной немцев, но и по поводу возможных угроз со стороны бывших союзников России. Выступая против большевиков, Комиссариат, подчеркивал тем самым свою лояльность Антанте и стремился выступить в глазах населения Сибири в качестве защищающего интересы страны и народа правительства.

---

[359] Защита государства // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 28 (15) июня.

[360] О Сибирской областной думе и формировании Временного Сибирского правительства подробнее см.: Шишкин В.И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) // История белой Сибири: [сборник]. Кемерово, 2011. С. 54-61.; Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск, 2003. С. 183-188. Шишкин В.И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 6–8 июня 2011 г. Новосибирск, 2011. С. 103-119.

[361] Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т.1. С. 86-87.

Эсеровский по своему составу Комиссариат придерживался, по сути, резолюций 8-го Совета партии эсеров, состоявшегося 20–27 мая в Москве. Как отмечалось в резолюции по международной политике, «большевистская власть накликает на Россию опасность полной утраты ее самостоятельности и раздела ее на сферы влияния ее соседей…». Для предотвращения этого, по мнению эсеров, необходимо было ликвидировать «партийную диктатуру большевиков» и передать власть правительству, которое в войне с Германией «сможет принять военную помощь союзников в условиях и формах, не нарушающих ни территориальной неприкосновенности, ни государственного суверенитета России»[362].

В условиях разворачивавшейся борьбы происходила трансформация представлений о союзниках. Важную роль в таком повороте играла идея о том, что антибольшевистский фронт на самом деле не что иное, как новый восточный фронт Первой мировой войны. В конце июня Западно-Сибирский Комиссариат, в воззвании к крестьянам, призывал их сражаться «против германцев и мадьяр», говоря, прежде всего, о необходимости защищать собственный дом. В противном случае, Сибири, по словам членов комиссариата, грозила судьба Западной части страны, находившейся под контролем «германских хищников» и большевиков[363].

Выступление чехословаков, приведшее к эскалации Гражданской войны, телеграфные сообщения и слухи, касавшиеся внешнеполитических действий Антанты и США, актуализировали тему возможной союзной интервенции. Причем, партийная печать, в том числе и левая, теперь рассматривала союзные державы как друзей, способных оказать помощь антибольшевистским силам в борьбе за восстановление государственности. Характерно, что чехи рассматривались как своеобразный авангард Антанты, начавший восстановление фронта против немцев. Поводом к тому послужила телеграмма майора Гине – французского представителя при чехословацком корпусе, в которой тот

[362] Восьмой съезд партии Соц.-Революционеров // Голос народа. (Томск). 1918. 4 июня; Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Париж, 1937. Ч. 3. Кн. 7. С. 121-122.

[363] Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая - 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов / В. И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 148-149.

приветствовал и благодарил чехословацкие части за восстановление русского фронта, «направленного против врагов России», «врагов союзников», «врагов права и справедливости, т.е. против немцев» [364].

Телеграмма Гине попала в местную печать и была воспринята как «великая новость». Приветствия французского майора были интерпретированы кадетской газетой «Сибирская речь» как свидетельство того, что чехословацкие войска действовали «не на свой страх и риск», а являлись «посланцами великой и могучей, дружественной России союзнической воли». Редакция газеты обращалась к читателям со следующим призывом: «мы должны слиться в военном порыве, в помыслах о необходимости обороны от германского завоевания с нашими союзниками. Мы должны утвердить порядок в нашей собственной жизни и делах в Сибири» [365].

Журналисты не просто призывали к объединению с союзниками, но и пытались обосновать причины, по которым их появление в Сибири необходимо. Помимо обозначенных военно-стратегических причин, связанных с восстановлением так называемого «Восточного фронта», назывался и такой фактор, как стремление союзников не допустить уничтожения России ради собственной выгоды. «Союзники могли бы помириться с Германией и вполне вознаградить себя за счет России за все понесенные ими жертвы. Но, как отмечалось в газете «Свободная Сибирь»: «…они прекрасно понимают, что при таком мире создалась бы военная гегемония Германии, которая диктовала бы всему миру свою волю». Вследствие этого, «возобновление дружественных отношений союзниками и оказание им помощи в борьбе с немцами», определялось как неотложная задача России и Сибири[366]. Данная тема впоследствии неоднократно затрагивалась идеологами большевистских сил в рамках обоснования необходимости вмешательства иностранных держав в Гражданскую войну. Мнение о нужности и важности России для самих

[364] Гинс Г.К. Указ соч. Т.1. С. 97.
[365] Великая новость // Сибирская речь. Омск. 1918. 29 июня.
[366] Святой долг // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 23 июня.

союзников существенно повлияло на восприятие и репрезентацию их политики, о чем подробнее будет сказано ниже.

В ходе обсуждения возможной интервенции союзников затрагивался и вопрос о её целесообразности и масштабах. Томская «Сибирская жизнь» считала, что сложно будет вытеснить немцев и большевиков без помощи извне, и подчеркивала необходимость сохранения верности России союзникам, борющимся за демократию и свободу[367]. В «Сибирской речи» отмечалось, что в условиях разрухи в стране «единственным выходом из создавшегося положения является обращение Сибири за помощью к нашим союзникам, на известных условиях они должны снабдить нас, как деньгами, так и товарами». Кроме экономической, газета считала необходимой и военную помощь – «корпус японских войск был бы вполне достаточен, чтобы окончательно освободить от большевиков всю Сибирь до Урала и даже гибнущий от голода Туркестан»[368].

Существовала и иная точка зрения. Так, в прессе появлялись мнения, согласно которым «отказ от тактики призвания союзнических военных отрядов и возобновление контакта с антигерманской коалицией на основах, намечаемых Америкой, (т.е. оказание России экономической помощи) – был бы наиболее выгодным для России как государственного целого»[369].

Представители власти достаточно сдержанно высказывались по поводу интервенции. Представитель Временного Сибирского Правительства Б.М. Марков, выступая в начале июля на Областном крестьянском съезде, отмечал, что присутствие в Сибири союзных войск, «могущих в любой момент оказать давление», нежелательно. Вместе с тем признавалась необходимость материальной и дипломатической поддержки[370].

В конце июля 1918 г. сибирские газеты опубликовали телеграфные известия о высадке союзных войск в Мурманске с целью противодействия немцам и «холопам императора Вильгельма» – большевикам. Кадетская и левая печать

---

[367] Перспективы // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 20 июня.
[368] Неотложное дело // Сибирская речь. Омск.1918. 28 июня.
[369] Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 3 июля.
[370] Областной крестьянский съезд. Заседание 2-го июля // Сибирская речь. Омск. 1918. 5 июля.

положительно реагировала на десант союзников. Данная акция не считалась агрессией, поскольку интервенция, как об этом неоднократно говорилось ранее, превращала русскую гражданскую войну в «одну из форм борьбы общеевропейских демократий с германским империализмом». Перенесение мировой войны на русскую территорию, по словам красноярской «Воли Сибири», «еще больше обязывало к тому, чтобы принять участие в этой войне на стороне союзных держав». «Гражданская война, – отмечалось в газете, – решает вопрос не о победе одного русского политического течения над другим, а определяет судьбу России как самостоятельного государства». В связи с этим, критике подвергались те, кто выступал с лозунгом «долой гражданскую войну»[371].

С аналогичных позиций выступал орган красноярских меньшевиков «Дело рабочего», указывавший на две альтернативы – «или окончательное порабощение Германией при благосклонном участии Ленина и Ко, или борьба вместе с союзниками за свое освобождение». «Союзники окажут нам помощь против немцев и без нашего согласия, – указывалось в газете, – но тогда эта помощь не обойдется без вмешательства в наши внутренние дела, в целях создания благожелательного этому вмешательству правительства». Во избежание этого красноярские меньшевики призывали как можно скорее наладить внутреннюю жизнь, чтобы с Россией считались как с определенной силой[372].

О том же писала и барнаульская «Жизнь Алтая», редакция которой полагала необходимым «употреблять все усилия, чтоб на русском фронте было побольше русских войск» во избежание того, «чтоб на предстоящих мирных переговорах Россией распоряжались, как мертвым телом»[373].

Как можно видеть, рассуждая о возможности интервенции, пресса заостряла внимание на внутренних проблемах страны – общим, как для кадетов, так и для социалистов было утверждение о том, что для выстраивания партнерских отношений с союзниками необходимо создание на очищаемой от большевиков территории сильной и поддерживаемой массами власти. Однако представления о

---

[371] Красноярск, 23 июля // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 23 июля.
[372] Дневник печати // Воля Сибири. 1918. Красноярск. 30 июля.
[373] Барнаул, 8 авг. // Жизнь Алтая. Барнаул. 1918. 8 авг.

том, какой должна стать эта власть различались. В данном контексте вопросы государственного строительства и международных отношений нередко увязывались в одну проблему. Временное Сибирское правительство с «не урезанной, демократической платформой» могло, по словам газеты «Алтайский луч», дать больше всего и для защиты страны и для строительства внутри – а потому должно явиться для союзников наиболее желательным[374].

Еще до высадки союзников на Дальнем Востоке сибирская пресса выступала за проведение интервенции, рассматривая ее как совместную операцию против «германо-большевиков» в рамках мировой войны. К лету – осени 1918 года в небольшевистской печати окончательно утвердилась идея о том, что «большевистские главари не что иное, как шайка международных бандитов социализма, действовавших во вред России за германские деньги»[375], а Советское правительство являлось «союзным Германии»[376].

Таким образом, на страницах партийной печати (либеральной и даже левой) представления о союзниках как о потенциально опасном Другом сменились на образ вероятного и желанного помощника, спасителя русской государственности от германской и большевистской опасности.

Несмотря на обозначившееся отрицательное отношение сибирских кадетов и левых к Брестскому миру, Сибирское Правительство вплоть до начала августа 1918 г. не спешило официально высказываться относительно Германии, союзников и заключенного большевиками мира. Это, по словам премьер-министра П. В. Вологодского было обусловлено стремлением правительства дождаться конкретных последствий мирного договора. Такая позиция Сибирского правительства вызывала недоумение со стороны чехов и остальных союзников[377].

В правительственной декларации от 6 августа, приуроченной к объявлению призыва на военную службу, указывалось на то, что населяющие Россию народы, не признают мира, подписанного большевиками в Бресте и ставшего причиной

[374] Дневник печати // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 30 июля.
[375] Барнаул, 3 окт. // Народная свобода. Барнаул. 1918. 3 окт.
[376] Накануне // Отечественные ведомости. Екатеринбург. 1918. 13 окт.
[377] Вологодский П.В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925гг.). Рязань, 2006. С. 70.

распада страны. В связи с этим, на Сибирь возлагалась задача по восстановлению единства государства[378]. Туманность формулировок декларации вызвала недовольство генерала А.Н. Гришина-Алмазова, который потребовал ясного и решительного заявления[379].

В обращении союзникам от 10 августа 1918 года Временное Сибирское Правительство вновь заявляло о непризнании Брестского мира и признавало все договоры и обязательства перед державами Антанты. Подчеркивая тот факт, что Сибирь является частью нераздельной России, правительство, говорило о готовности Сибирской армии к борьбе за российские и союзные интересы[380].

Данное обращение следует рассматривать как попытку правительства восстановить в новых условиях нарушенную большевиками политическую коммуникацию и вернуть утраченный после выхода России из войны статус «своих» среди стран Антанты. Правительство указывало на то, что оно стремится говорить от лица всей страны и не допускает ни малейшей возможности ее распада. Кроме того, для антибольшевистских сил крайне важно было продемонстрировать союзникам свою монолитность, что свидетельствовало бы о жизнеспособности органов власти Белой Сибири и необходимости их поддержки со стороны Антанты. Так, в телеграмме товарища министра иностранных дел М.П. Головачева председателю Сибирской Областной Думы 23 июля сообщалось о возможном присутствии на открытии Думы представителей союзных Держав. «В виду их неопределенного отношения к Думе *чрезвычайно* (слово зачеркнуто в тексте – К.К.) важно для последней создать впечатление полной солидарности» – рекомендовал М.П. Головачев[381].

Высадка союзных десантов в Приморье, о которой сразу же сообщила пресса[382], и последовавшее вслед за этим вовлечение иностранцев в гражданскую

---

[378] Временное Сибирское правительство (26 мая–3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 254.

[379] Гинс Г. К. Указ. соч. Т. 1. С. 126.

[380] Временное Сибирское правительство (26 мая–3 ноября 1918 г.). Сборник документов и материалов / В.И. Шишкин. Новосибирск, 2007. С. 254.; См., напр., также: Обращение к союзным державам // Акмолинские областные ведомости. Омск. 1918. 17 авг.

[381] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 26. Л. 32. // ГАРФ

[382] См., напр. Далекая окраина. Владивосток. 1918. 3 авг.

войну обозначило следующий этап в развитии сюжета нарратива о возрождении России. Формирование образа союзников теперь зависело не только от информации из-за рубежа, заявлений и действий дипломатических представителей держав Антанты в Сибири, но и от последствий деятельности вооруженных отрядов иностранных войск. В официальных декларациях американского, британского, японского правительств к русскому народу говорилось об «уважении к территориальной целостности», «невмешательстве во внутренние дела России», оказании помощи русскому народу, для восстановления им самим «контроля над собственными делами и собственной судьбой», о стремлении союзников «оказать покровительство» чехословакам и русским против «нападающих на них вооруженных австрийских и германских пленных»[383].

Прибытие войск интервентов в Приморье вызвало всплеск интереса к союзникам и массу публикаций. В связи с захватом Читы антибольшевистскими силами и восстановлением сообщения с Дальним Востоком высказывались предположения о скором появлении союзных войск в Восточной и Западной Сибири с целью открытия восточного фронта против Германии. Характеризуя состояние общественного мнения, газета «Воля Сибири» отмечала, что «мы много и охотно говорим о войне с Германией», но общество «вовсе не представляет себе, что участие в войне требует крупных жертв». Газета призывала сибирского обывателя стойко переносить тяготы борьбы за возрождение Родины[384] и скорее примкнуть к союзникам, спешащим разгромить Германию. Ибо, если немцы «будут разгромлены без нас», «без нас же тогда станут устраивать нашу судьбу»[385].

Печать в большинстве случаев благожелательно отнеслась к союзникам, всячески приветствовала любую экономическую и дипломатическую поддержку. Военное вмешательство также вызывало положительную реакцию. «Будем надеяться, что доблестные японские и американские войска прибудут на наш

[383] Борьба за власть советов в Приморье… С. 167-170.
[384] Красноярск, 30 августа // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 30 августа.
[385] Красноярские рабочие и Брестский мир // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 13 сент.

фронт вовремя, и при их содействии мы скоро уничтожим в России всякие следы большевизма», – отмечалось в «Сибирской речи»[386].

Вместе с тем, обращалось внимание на негативные аспекты интервенции. В кадетской газете «Свободный край», выходившей в Иркутске, констатировалось, что «наша судьба, устроение российской государственности перешли в чужие, хотя и дружественные руки», и что «…было бы смешно и наивно мечтать, что водворение порядка возможно без вмешательства во внутренние дела страны». Не выражая вроде бы сомнений в дружественности союзников, редакция газеты отмечала, что их выступление имеет «свои цели, свои интересы» и предупреждала – «за услугу, оказанную союзниками, придется расплачиваться». Таким образом, подчеркивалось, что Россия вынуждена подчиняться воле союзников в силу своей слабости. Тем самым редакция обращала внимание читателей, прежде всего на внутренние проблемы страны и призывала русских доказать «способность управлять своей судьбой»[387].

Можно сказать, что кадетская либеральная печать в большинстве своем одинаково восприняла начало интервенции. Газеты единодушно приветствовали «помощь союзников» и надеялись на «искреннюю и бескорыстную» поддержку в «освобождении от иноземного ига»[388]. Кадеты признавали, что без союзников победу над большевиками будет сложно осуществить, говоря при этом, «что возрождение страны осуществляется только при дружеских, но все же чужих силах»[389]. Из-за чего «помощь» союзников оценивалась патриотично-настроенной кадетской печатью как «официальное признание нашего национального стыда и горя»[390].

Выводы, которые делали различные кадетские издания, были также однотипны – поскольку интервенция в данный момент «суровая необходимость», нужно пользоваться помощью союзников, но в то же время интервенция – позор, поэтому необходимо делать все, чтобы изменить ситуацию в лучшую сторону –

[386] К текущему моменту // Сибирская речь. Омск. 1918. 14 сент.
[387] Иркутск, 11 сентября // Свободный край. Иркутск. 1918. 11 сент. (29 авг.).
[388] Красноярск, 19 сентября // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 19 сент.
[389] Наш долг // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 26 (13) сент.
[390] Новониколаевск, 15 ноября // Русская речь. Новониколаевск. 1918. 16 ноября.

укрепить государственность, установить правопорядок, создать армию, разбить большевиков и вывести Россию обратно в разряд великих держав.

Межпартийные противоречия, соперничество между различными группировками восточной контрреволюции влияли, в том числе, и на восприятие союзников. Алтайские социал-демократы в противовес союзнической или германской ориентации выдвигали лозунг российской ориентации, указывая на то, что свободное, демократическое государство не дадут построить ни враги, ни друзья. Тем не менее, считая важным опираться на собственные силы, левые призывали к сохранению союза с Антантой и США, полагая невозможным сотрудничество с «хищнической» Германией[391]. Томские меньшевики, полагавшие, что германский империализм, намного опаснее британского или французского, аналогично считали союз с Антантой «естественным и необходимым»[392]. Уральские социалисты также предполагали, что вмешательство иностранцев не представляет опасности, и указывали на желательность интервенции во имя общего дела – борьбы за демократию[393].

На страницах социалистической газеты «Сибирь» кадеты обвинялись в «недостатке патриотизма» в связи с тем, что пресса партии народной свободы возлагала слишком много надежд на союзников в плане борьбы с большевизмом. «Вмешательство союзников, – писала «Сибирь» – может принести потерю нашей территории», поскольку «мы сами приучаем союзников смотреть на нас, как на низшую расу, настойчиво прививая им взгляд на русский народ, как неспособный самоуправляться»[394]. «Звать Вильсона прийти навести у нас порядок», – отмечалось в газете, – «неразумно, опасно, необходимо постараться нам самим внутри нашей демократии найти силы против наших противников как слева (большевиков – К.К.), так и справа (кадетов и монархистов – К.К.). И если уж

[391] Неволин С. Русская ориентация // Новый луч. Барнаул. 1918. 21 сент.
[392] О международном положении России и Сибири // Заря. Томск. 1918. 16 (3) сент.
[393] Маевский Евг. Помощь союзников и демократия // Власть народа. Челябинск. 1918. 20 окт.
[394] Заметки. Россия и союзники // Сибирь. Иркутск. 1918. 10 окт.

Америка придет, то не на помощь тем, кто желает восстановить в России деспотию»[395].

В начавшей издаваться в середине августа газете «Сибирский вестник» – официальном органе Временного Сибирского Правительства – вопросу взаимоотношений России и Антанты уделялось особое внимание. На страницах издания появилась специальная рубрика «Печать и союзники», в которой публиковались отклики различных сибирских газет по поводу интервенции и взаимоотношений с союзниками. «В данной рубрике за время выхода «Сибирского вестника» сделан обзор публикаций 20 периодических изданий»[396]. Большинство газет, по словам «Вестника», «сходятся на том, что помощь союзников нужна, нужен и приход «варягов» на нашу землю, но настаивают на том, чтобы мы сумели достойно встретить дорогих гостей – чтобы у нас была прекращена гражданская война, была создана единая, сильная Всероссийская власть, с которой одной бы и имели дела наши союзники»[397].

Данная мысль, сформулированная еще задолго до начала интервенции, неустанно повторялась во множестве публикаций сибирских газет. Редакция «Сибирского вестника», приводя выдержки из изданий различной политической направленности, стремилась, таким образом, укоренить в сознании сибирской общественности положение о необходимости создания единой власти и консолидации всех политических группировок вокруг одного центра, который, несомненно, должен был формироваться на базе и при прямом участии Временного Сибирского правительства.

Рассматривая сепаратный мир с Центральными державами в качестве большевистского «предательства», антибольшевистские силы в то же время испытывали некое чувство вины за заключение договора в Бресте. Ответственность за успехи немцев на западном фронте весной 1918 г. возлагалась

---

[395] Призыв или приход варягов? // Сибирь. Иркутск. 1918. 26 (13) окт.

[396] Стельмак М.М. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отображении антибольшевистский прессы (по материалам рубрики «Печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129). С.22

[397] Всероссийская власть, союзники и печать // Сибирский вестник. Омск. 1918. 25 сент.

некоторыми авторами на самих русских, «заключивших позорный мир»[398]. После начала активных боевых действий против советской власти призывы к объединению с союзниками стали своеобразной компенсацией, попыткой искупления вины за Брест, через возобновление совместной борьбы. «…Мы должны крикнуть союзникам – “мы здесь, на своем посту, повергнутые на землю предательством немецких агентов, отравивших и замутивших истомленную душу темного народа. Мы встаем опять на ноги и идем снова на борьбу, для освобождения нашей несчастной и исстрадавшейся родины”»[399], – писала «Сибирская жизнь». Превращение образа союзников в данном контексте в Другого-помощника являлось способом предотвращения агрессии, а также сигналом обществу, свидетельствовавшим о том, что новая власть, выбирающая дружбу с Антантой и США, стоит на страже независимости государства и его единства.

Несмотря на ожидания части сибирской общественности, крупные союзные силы так и не появились на фронте. По воспоминаниям П.П. Петрова с самого начала выступления на Волге, его участники говорили о союзниках. Однако, по словам генерала, вопрос о появлении союзников являлся скорее «мифом», а приходу союзников верить вскоре перестали[400]. Япония, отправившая наиболее многочисленный контингент войск, предпочитала действовать в Приморье и Забайкалье, поддерживая отряды казачьих атаманов Семенова и Калмыкова. Радость, которая выражалась на страницах газет в связи с приходом войск интервентов, довольно скоро сменилась первыми нотками недовольства.

Факты, поступающие из районов, где располагались японские войска, указывали на то, что их реальные действия далеко не так дружественны. Генерал В.Г. Болдырев в октябре 1918 г. отмечал в своем дневнике, что в «отношении японцев уже создалось определенное предубеждение, их поведение было просто безобразным, почти каждый день получались сведения о неприятностях самого

---

[398] Война на англо-французском фронте // Народное дело. Красноярск. 1918. 7 апр. (25 марта).
[399] Опомнитесь! // Сибирская жизнь. 1918. 7 июня.
[400] Петров П.П. Роковые годы. 1914–1920. Калифорния, 1965. С. 119.

грубого свойства»[401]. (Подробнее о формировании образа отдельных стран-участниц инвенции см. гл. 3.).

Уже на начальном этапе интервенции в распоряжение прессы поступали сведения о недружелюбии представителей иностранных войск, что не могло не вносить корректив в образ союзников[402]. Однако, несмотря на негативные моменты, белым (особенно правительственной печати) было важно и необходимо подчеркнуть единство с Антантой. В связи с этим любой позитивный опыт взаимодействия с союзниками приобретал важное символическое значение.

Консолидация всех антибольшевистских сил и создание единого правительства, претендующего на всероссийский статус, являлись, по мнению авторов ряда газетных статей и заметок, важнейшим этапом на пути к восстановлению государственности. Признание этого правительства союзниками может рассматриваться в качестве ***кульминации*** в нарративе «о возрождении России».

Временное Всероссийское правительство (Директория), созданное на Уфимском совещании осенью 1918, стало результатом шаткого компромисса, который не удовлетворял ни кадетов, ни Временное Сибирское правительство[403]. Общая неудовлетворенность уфимским компромиссом левых и правых делала позиции нового правительств весьма неустойчивыми. В условиях падения авторитета власти в глазах населения ввиду частой смены режимов, Директории необходимо было добиться общественного признания. Именно вера населения в законность власти, по мнению Е.В. Лукова, могла по-настоящему обеспечить Директории устойчивость[404].

Важнейшей задачей, которую ставило перед собой правительство, являлось воссоздание «Великой и Единой России». Таким образом, официальная риторика продолжала строиться на основе идеи единства, которая рассматривалась в двух

---

[401] Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты. Воспоминания. Новониколаевск, 1925. С. 78-79.

[402] См., напр. За неделю. Военный приз // Знамя труда. Красноярск. 1918. 21 окт., Японцы на Д. Востоке // Дело рабочего. Красноярск. 17 ноября.

[403] Шиловский М.В. К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) // Общественно-политическая жизнь Сибири XX в. : [сборник]. Новосибирск, 2000. Вып. 4. С. 53.

[404] Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства»... С. 183.

основных контекстах. Один подразумевал единство власти, означавшее «упразднение всех областных правительств» и сосредоточение власти в руках Директории, которая должна являться единственной законной властью. Другой – единство нации, примирение всех политических группировок, партий и классов во имя воссоздании государства.

Не менее важной была проблема выстраивания отношений со странами Антанты. Как и ее предшественники, Директория была крайне заинтересована в конструктивных отношениях с союзниками. Помимо военно-политической помощи и содействия в решении экономических и транспортных проблем, правительству, оказавшемуся в довольно затруднительном положении в чужом городе с большой долей недоброжелателей на правом фланге контрреволюции, требовалась «моральная» поддержка со стороны союзных держав, которая позволила бы чувствовать себя увереннее[405].

Таким образом, и правительственная печать и большинство партийных изданий в ожидании скорейшего признания Директории продолжали позиционировать союзников как друзей и помощников России. Вместе с тем, события, происходившие в Европе, заставляли журналистов и идеологов Белого движения вносить коррективы в свою риторику.

Создание на востоке страны антибольшевистской власти, претендовавшей на всероссийский статус, практически совпало по времени с завершением Мировой войны. Победа Антанты, становившаяся все более очевидной, вынуждала руководство Директории активизировать попытки добиться официального признания со стороны союзников. В конце октября 1918 года российским дипломатам в союзных странах была разослана телеграмма, в которой Н.Д. Авксентьев и М.П. Головачев указывали на необходимость обеспечения скорейшего признания правительства ввиду скорого начала мирных переговоров, в ходе которых будут затронуты и русские интересы[406].

---

[405] Стельмак М.М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника временного всероссийского правительства» // Вестник Томского государственного университета. История. №2. (34). 2015. С. 39.

[406] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 259. Л. 28. // ГАРФ.

Разгром Германии мог привести к прекращению союзной помощи под лозунгом восстановления восточного фронта против Центральных держав, что было явно невыгодно политическому руководству антибольшевистских сил. «Я помню, как взволновался Авксентьев, когда в конце октября пришло известие, что Германия капитулирует.

– Вот тебе и на! Только и мог проговорить он», – писал Г.К. Гинс. По его же мнению, «продержись Германия несколько больше, союзная помощь России вылилась бы в иные формы»[407]. Не мог не вызывать беспокойства и уход чехов с Уральского фронта. В новых условиях предстояло найти иные причины для пребывания союзных войск в России.

Окончание войны не могло не беспокоить руководство Директории также в связи со скорым созывом мирной конференции. Продолжающаяся в стране Гражданская война ставила под угрозу участие России в послевоенном урегулировании. Как справедливо отмечалось в правительственной газете, «конгресс наций не будет ждать, пока Россия решит свои внутренние политические и социальные споры и пока в результате всех осложнений и перипетий гражданской войны в ней выявится окончательная форма и состав власти и порядка»[408]. Главными задачами, требовавшими скорейшего выполнения являлись, по мнению правительства, создание единой власти на всей территории России и установление прочного международного положения страны[409].

В связи с этим особую роль приобретал лозунг «Единой, великой и неделимой России», который и ранее появлялся на страницах официальной и партийной печати, став в итоге основным лозунгом правительственной пропаганды. Участие России в мирной конференции напрямую, по мнению белых, зависело от того, как скоро будет восстановлено единство страны. При этом «неисчислимые жертвы, которые понесла наша родина в эту войну», а также тот факт, что, несмотря на выход из войны части страны «другие то части нашей родины самоотверженно продолжали борьбу, открыто и вооруженной рукой

[407] Гинс. Г.К. Указ соч. Т.1. С. 296.
[408] Омск, 13 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск. 1918. 13 ноября.
[409] Там же.

протестуя против Бреста...»[410] выступали, в глазах белых, гарантией признания и своего рода пропуском на будущую мирную конференцию.

Временное Всероссийское правительство, не добившись широкой поддержки внутри страны, оказалось обреченным на падение. Ожидавшееся признание Директории, о высокой вероятности которого сообщали российские дипломаты[411] и которое, по словам Н.Д. Авксентьева, было вполне возможным[412], не успело осуществиться. А.А. Аргунов и вовсе полагал, что скорое признание Директории послужило для заговорщиков толчком к выступлению[413], которое и произошло 18 ноября 1918 г. В результате военного переворота власть в Омске вновь сменилась, и адмирал А.В. Колчак был объявлен Верховным Правителем России. Таким образом, весь комплекс проблем в области международного положения России теперь необходимо было решать новому правительству, которое в плане международной политики продолжало в целом придерживаться идеологического курса Директории.

Формирование положительного образа союзников в контексте рассуждений о величии и единстве России позволяло белым обосновывать необходимость оказания помощи России со стороны союзников, в тех условиях, когда, по словам Г.К. Гинса, «основной фактор союзнической интервенции – война с Германией – сразу отпал, и сразу изменились задачи союзников»[414].

Официальное признание – теперь уже Правительства А.В. Колчака, которое должно было стать кульминацией рассматриваемого нарратива, в силу ряда причин откладывалось и в итоге не состоялось. Логично, что и окончательная развязка – долгожданная победа антибольшевистских сил оказалась лишь умозрительной. В силу этого, большой интерес для анализа представляют

---

[410] Омск, 14 ноября // Вестник временного всероссийского правительства. Омск. 1918. 14 ноября.

[411] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной… С. 64. Электрон. версия печат. публ. Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций». См., также: Ф. Р-200. Оп.1. Д. 259. Л.23.

[412] Авксентьев Н.Д. Государственный переворот Колчака // Гражданская война в Сибири и Северной области. М., Л., 1927. С. 9.

[413] Аргунов А. А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 36.

[414] Гинс Г.К. Указ соч. Т.2. С. 62.

прогнозы и модели будущего, которые содержатся в ряде заметок и статей, публиковавшихся в официальной и неправительственной печати.

В моделях будущего настоящее предстает, будучи перестроенным и заново организованным в соответствии с установками, целями и желаниями тех, кто осуществляет прогнозы[415]. Таким образом, моделирование являлось важным инструментом формирования образа «Другого» и контекста, в который он был помещен. Предполагаемые модели будущего, включавшие в себя образы союзников и врагов, представляют интерес, в первую очередь, тем, что в них отражались надежды и опасения, ожидания и идеалы их создателей. Изучение политических прогнозов, представлявших собой оценки текущих тенденций и их экстраполяцию, вкупе с ревизией прошлого опыта[416], позволяет выяснить, какие события и явления среди прочих рассматривались идеологами антибольшевистских сил в качестве судьбоносных для России, ее союзников и врагов. В прогнозах, представлявших благоприятные сценарии развития событий, нередко воплощались отстаиваемые идеалы и представления авторов о наиболее приемлемых и эффективных способах решения проблем, стоявших перед страной.

Пристально наблюдая за международной конъюнктурой по доходящим до Сибири телеграфным известиям из Европы и США, журналисты востока России выделяли ряд тенденций в мировой политике. В рамках их анализа происходило также и формулирование причин, по которым союзники должны были оказывать дальнейшую помощь России. Ключевое значение в данном контексте имели две взаимосвязанных идеи, уже озвученные на страницах газет и ранее, но приобретавшие все большую актуальность. Во-первых, мнение о важности сохранения единой и великой России для самих союзников. Вторая идея касалась трансформации образа большевиков, превратившихся, по мнению белых, в угрозу мирового масштаба.

19 ноября 1918 г. Управляющей министерством иностранных дел в правительстве А.В. Колчака, Ю.В. Ключников в беседе с журналистами отметил,

---

[415] Солопова О.А. Значимый «Другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) // Политическая лингвистика. 2016. Т.1(55). С. 126.

[416] Там же. С. 127.

что «условия перемирия дают России возможность считать, что ни одно из обещаний ее союзниками не забыто, что она ими не покинута и снова может стать великой и сильной». «Международная обстановка, по словам управляющего, сложилась таким образом, что сильная Россия нужна всем. Она – необходимое условие международного равновесия и вместе с тем условие образования лиги наций, или лиги государств, которая по благородному почину президента Вильсона, должна быть создана как итог войны и предотвращение будущих войн»[417].

В Декларации, выпущенной в связи с окончанием мировой войны, правительство А.В. Колчака благодарило союзников за то, что те «принудили Германию отказаться от Брестского мира, обязали ее очистить русские земли и прекратить расхищение русского народного достояния». Данный шаг рассматривался как залог того, что «ожидающая воссоединения, Россия получит возможность возвысить свой голос при мирных переговорах и внести свою долю участия в устроении жизни народов на новых, незыблемых основах тесного содружества»[418].

Рассуждения о том, что мощная, возрожденная Россия будет нужна союзникам, должны были убедить читательскую аудиторию – иностранцы не бросят Белое движение, борьба антибольшевистских сил за «возрождение величия» страны, несомненно, справедлива и будет поддержана цивилизованным мировым сообществом.

Возвращение восстановленной России в когорту великих держав рассматривалось как вполне закономерный итог войны. «Неисчислимые жертвы», которые несла Россия в ходе войны, обеспечивая победу союзной коалиции, давали ей, по мнению белых, право, на получение союзной помощи. Данная помощь, как отмечалось в газете «Правительственный вестник», «является одним

[417] Международное положение России и государственная власть // Правительственный вестник. Омск. 1918. 21 ноября.

[418] Декларация Российского правительства // Правительственный вестник. Омск. 1918. 10 дек.

из результатов общей победы, порядочная доля которой принадлежит, по общему признанию союзников, нам – русским»[419].

Весьма примечательно, что актуализация в официальной риторике темы потерь России и ее вклада в победу Антанты являлась, по сути, реанимацией заложенного во время мировой войны стереотипа о союзниках, воевавших «до последней капли крови русского солдата». Сформировавшееся к 1917 г. убеждение в том, что успехи Антанты куплены ценой огромных жертв России, изначально выставлявшее союзников с негативной стороны, в новых условиях использовалось для того, чтобы доказать необходимость помощи антибольшевистскому движению и побудить союзников к оказанию этой помощи.

Еще одним важным основанием для поддержки Антантой и США России, по мнению белых, являлись общность целей и ценностей. Окончившаяся война сразу была воспринята как грандиозная веха, отделившая одну эпоху от другой, прежний мир от будущего, в котором могут быть воплощены лучшие надежды и прогрессивные стремления человечества.

Особое внимание в связи с этим уделялось принципам демократии. Еще Директория в своем обращении к Американскому правительству, апеллировала к демократическим ценностям, изображая большевистский режим как диктатуру, которая лишь прикрывалась принципами демократии. Обращаясь к США за помощью в борьбе против большевиков, правительство тем самым выставляло себя в качестве защитника настоящей демократии, борца против «тирании», «варварства» и «диктатуры»[420].

Победа стран Антанты в мировой войне олицетворяла собой победу демократии и права над авторитаризмом, «хищничеством и насилием в международной политике». Г.К. Гинс, выступая с речью, на собрании «Союза Возрождения», посвященном окончанию мировой войны, заявлял: «Победа

---

[419] Международное положение России и государственная власть // Правительственный вестник. Омск. 1918. 21 ноября.

[420] Обращение Временного Всероссийского Правительства к Американскому правительству // Вестник Временного всероссийского правительства. Омск. 1918. 8 ноября.

союзников – это победа тех идей, которым поклоняется возрождающаяся Россия»[421].

Признав распространение идей свободы и народоправства одной из ведущих политических тенденций, Омское правительство поспешило заявить, о том, что оно также стремится к «охране свободного демократического строя»[422]. В начале января 1919 г. Посол в Париже В.А. Маклаков телеграфировал в Омск – «Война здесь кончилась победой демократий и демократические идеи здесь сильны». От того, насколько уверенны будут представители держав-победительниц в демократичности будущей России, зависели, по словам посла, перспективы признания омского правительства, возможность полноправного участия русской делегации в мирной конференции и даже условия мира. Вследствие этого, В.А. Маклаков считал необходимым наличие торжественных заявлений, «которые показали бы истинное лицо той России, которая будет завтра»[423]. Внешнеполитическая конъюнктура порождала, по словам Н.В. Устрялова, одно из многочисленных противоречий, которыми терзалось Омское правительство – «Внутри все вопияло о диктатуре. Вовне нужно было выглядеть благопристойной демократией»[424].

Таким образом, целью официальной риторики было формирование образа Омского правительства как единственной силы, способной, в конечном счете, привести Россию к народоправству, в отличие от большевиков, «совершенно исказивших истинный демократизм»[425]. В дискурсе левых ответственность за изоляцию русской «демократии» (рабочего движения) от «демократий» дружественных стран также возлагалась на подражавших германскому милитаризму большевиков[426].

На протяжении 1919 г. в официальной и проправительственной печати время от времени появлялись утверждения, смысл которых сводился к тому, что в

---

[421] Россия во время и после войны // Правительственный вестник. Омск. 1918. 29 ноября.
[422] Правительственное сообщение // Правительственный вестник. Омск. 1918. 21 ноября.
[423] Ф. Р-200. Оп.1. Д.115. Л.2. // ГАРФ
[424] Устрялов Н.В. 1919-й год. Из прошлого // Русское прошлое: альманах. СПб., 1993. № 4. С. 231.
[425] Новониколаевск, 26 августа // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 26 авг.
[426] Заметки. По следам германского милитаризма // Сибирь. Иркутск. 1918. 12 окт. (29 сент.).

России, несомненно, будет установлена демократия. «Для здоровой и счастливой жизни народа есть только один путь. Россия должна стать современным, демократическим государством, управляться по законам, выработанным правильно избранными народными представителями, жить современной, культурной жизнью, как живут передовые страны», – указывалось в одной из статей газеты «Голос сибирской армии»[427].

«Все рассуждения о демократии носили весьма пространный характер», – во многом справедливо отмечает В.Д. Зимина[428]. Заявления о важности демократических принципов редко выходили за рамки деклараций, не получая какой-либо конкретизации. Детальных описаний грядущего политического устройства России, как правило, не следовало, поскольку вопрос об устройстве власти, по словам лидеров антибольшевистских сил, должно было решать Учредительное/Национальное Собрание. Тем не менее, тезис о демократичности антибольшевистских режимов был необходимым условием для налаживания коммуникации с союзниками.

Еще одной фактором, который, по мнению антибольшевистских сил, должен был побуждать союзников к оказанию военной, политической и экономической помощи России, был экономический интерес. Можно сказать, что в основе данного мнения лежал негативный стереотип, актуализировавшийся еще концу к 1917 г. – представления о расчетливости западных держав. В новых условиях этот стереотип служил почвой для рассуждений о том, что иностранцам, с точки зрения экономики, выгоднее иметь отношения с сильной Россией. Так, алтайские социал-демократы на страницах газеты «Новый алтайский луч» еще в октябре 1918 года, выражали мнение о том, что союзникам придется столкнуться с Германией, чтобы обеспечить свои экономические интересы и не лишиться русского рынка, и в смысле приложения капиталов, и в плане получения разнообразного сырья. В газете отмечалось, что «…раз союзники не признали брестского мира, а они его не признали не из каких-то идеалистических

[427] Екатеринбург, 19 июня // Голос Сибирской армии. Екатеринбург. 1919. 20 июня.
[428] Зимина В.Д. Белое дело взбунтовавшейся России. М., 2006. С.95.

побуждений, а исходили из своих интересов чисто материального свойства, было бы глупой ошибкой для России для русской демократии отталкивать от себя эту крупную силу, действующую против Бреста»[429].

Помимо этого, в кадетской прессе указывалось на то, что Франция и Британия – крупнейшие кредиторы России – заинтересованы в ее воссоздании, поскольку в будущем только единая и сильная Россия будет способна выполнять свои финансовые обязательства перед державами Антанты[430].

Экономика в то же время была тесно связана с геополитикой. Важной причиной для участия союзников в возрождении России являлась, по мысли белых, необходимость создания нового устойчивого миропорядка. Выдвигавшиеся лидерами союзных держав, в частности В. Вильсоном, идеи всеобщего мира и предотвращения войн, выражавшиеся в концепции Лиги Наций, были восприняты печатью антибольшевистских сил в качестве одной из основ послевоенного мира. При этом проект президента США воспринимался двояко. С одной стороны, считая необходимым возвращение России в сообщество «великих держав», белые приветствовали Лигу наций, в составе которой будет присутствовать и возрожденная Россия. На страницах газет пристально следивших за ходом заседаний в Версале, выражались надежды, «что союзники найдут пути к привлечению России к участию в договоре Лиги Наций, чтобы придать ему надлежащий авторитет»[431]. С другой стороны, будущая лига народов нередко характеризовалась в прессе как «утопия – плод ученых фантазеров»[432], а ее вдохновитель (В. Вильсон) как мечтатель и «иноземный Манилов»[433].

В рамках нового расклада сил, установившегося после разгрома Центральных держав, единственным препятствием на пути России к единству и возвращению статуса великой державы, виделся большевизм. Революционные события в Европе давали повод печати говорить о том, что большевики – «угроза всему цивилизованному миру», следовательно, интервенцию в Россию нужно

---

[429] Кодор И. Союзники и русская демократия // Новый алтайский луч. 1918. 10 окт.
[430] Иркутск, 12 ноября // Свободный край. Иркутск. 1918. 12 ноября.
[431] Лаппо Д.Е. Версальское перемирие // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. 25 июня.
[432] Д-р. Благож. К новому году // Свободный край. Иркутск 1919. 14 янв.
[433] Мечты и действительность // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 30 янв.

продолжать до окончательной победы над ними. Накануне нового 1919 г. некоторые издания высказывали мнение, что Антанте выгоднее как можно скорее разгромить большевиков для того, чтобы заняться европейскими делами. «Отечественные ведомости» в связи с этим писали: «Помощь союзников, снабжающих наши фронты всеми средствами войны, до знаменитых танков включительно, не замедлит сказаться самым решительным образом. Нам и нашим союзникам невыгодно затягивать зимнюю кампанию. Мировая обстановка, диктует решительные и быстрые действия, а мирный конгресс, на котором будет представлена и Россия, вынуждает ликвидировать российскую неурядицу в течение ближайших месяцев или даже недель»[434].

Весьма примечательно, что аналогичная риторика велась и российскими дипломатами за рубежом. Еще в ноябре 1918 года российский посол в Риме М.Н. Гирс сообщал в МИД о том, что им ведется пропаганда в местной печати, целью которой было убеждение напуганного ростом большевизма европейского общественного мнения в том, что необходима помощь в «воссоздании единой и сильной России». Кроме того, дипломат подчеркивал важность распространения идеи о том, что сильная Россия может стать противовесом Германии, которая будет представлять опасность в будущем[435].

Трактовка окончившейся мировой войны, как противоборства демократии и авторитаризма, переносилась и на Гражданскую войну в России. Трансформация большевиков из «союзников и агентов» немцев в угрозу цивилизации и демократии превращала тем самым внутрироссийскую борьбу в эпицентр мирового противостояния между силами «добра» (союзники и белые) и «зла» (большевики, Германия). Наступление окончательного мира в Европе связывалось теперь уже с завершением Гражданской войны в России. «Наши союзники, уничтожившие немецкую опасность, должны теперь взяться опять за оружие и уничтожить большевистскую опасность. Война европейских народов с большевизмом, несомненно, будет последним крестным путем человечества и

[434] Обзор печати // Русская речь. Омск. 1918. 27 дек.
[435] Ф. Р-200. Оп. 1. Д.259. Л.154. // ГАРФ

положит конец его страданиям на долгие годы», – отмечалось в газете «Голос Сибирской армии»[436].

Затягивание Гражданской войны в России и отсутствие признания правительства А.В. Колчака со стороны союзников вело к тому, что созданный нарратив как бы завис на этапе кульминации. Сконструированная в благоприятных моделях будущего развязка, включавшая в себя альтернативный антибольшевистский вариант «светлого будущего», в котором Россия выступала как современное, сильное государство, лидер славянской общности, неотъемлемая часть европейской цивилизации и один из гарантов ее безопасности, так и не наступала.

В реальности все складывалось менее благоприятным образом для антибольшевистских сил.

На фоне множества сообщений и заявлений о помощи, но отсутствия реальной, прежде всего, политической и военной поддержки со стороны союзников постепенно возникало недоумение и недовольство по поводу их политики. Настроение многих газет выражали слова «Голоса Приморья» о том, что сообщения о помощи вызывали, несомненно, чувство благодарности, но «самый лучший и самый верный способ и финансовой и прочей иной помощи» – «решительный удар вооруженной силой по большевистскому зверю»[437].

Вместо этого удар был нанесен по репутации союзников, причем ими же самими. 23 января 1919 г. в Омск поступила телеграмма от представителя России в Париже С.Д. Сазонова, сообщавшая о резолюции пяти союзных держав. Согласно ей, представители от каждой политической силы или группировки, обладавшей властью в той или иной части России, не исключая и большевиков, приглашались на специальную конференцию, которая должна была состояться 15 февраля на Принцевых островах при участии союзных держав. Целью конференции объявлялось выяснение политических пожеланий этих частей и

[436] Союзники и большевизм // Голос Сибирской армии. Екатеринбург. 1919. 6 апр.
[437] А.К. Финансовая помощь // Голос Приморья. Владивосток.1919. 19 янв.

достижение общего между ними соглашения. Также предполагалось «объявление общего перемирия, прекращающего всякие неприязненные действия»[438].

Реакция на предложение большинства изданий востока России, за исключением ряда социалистических газет, была резко отрицательной. «Как отнесемся мы, русские люди, к такому предложению? Если в нас не заглохло понятие о национальной гордости, мы туда не пойдем. Наше место на конференции в Версале, место, заслуженное своими героическими усилиями в войне»[439], – писал редактор журнала «Иртыш» А. Баженов. В публикации отмечалось, что соглашательство с большевиками, названными «богоотступниками», «насильниками», «ворами и убийцами», попросту невозможно[440]. Омская правительственная печать выступила с критикой предложения союзников, заявив – «было бы ошибочным думать, что русская общественность пойдет на примирение с большевиками»[441].

Расценив инициативу союзников как оскорбление России «государственно-мыслящая» печать считала, что союзники должны допустить на конференцию делегацию колчаковского правительства, мотивируя это тем, что Россия, потерявшая в войне 9 миллионов человек, заслужила право быть представленной в Версале[442]. Ощущая свое неравноправие с союзниками в текущих условиях, белые использовали для отстаивания своих прав на представительство то немногое, что у них оставалось – вклад России в победу Антанты.

В дальнейшем мотив понесенных Россией потерь все чаще применялся в контексте критики союзной политики. Тот факт, что именно американский президент В. Вильсон предложил идею созыва конференции, спровоцировал волну критических замечаний в адрес Америки. В передовой статье газеты «Свободный край» отмечалось, что «все те, кто боролись за единую, неделимую, Россию, полагали, что просьба о помощи, обращенная к союзникам не является попрошайничеством, а простым напоминанием, оказать услугу за оказанную

---

[438] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 58. Л. 1. // ГАРФ
[439] Баженов А. Таково положение… // Иртыш. Омск. 1919. №4. С.3.
[440] Там же. С.4.
[441] Политические заметки // Правительственный вестник. Омск. 1919. 29 янв.
[442] Красноярск, 1 февраля. Россия и союзники // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. 1 февраля.

ранее помощь». По словам газеты «в то время, когда Россия истекала кровью, в Америку широкой рекой лилось золото. Россия в общей борьбе потеряла миллионы лучших своих сынов, не говоря о колоссальных материальных жертвах. И в конце 1917 г. лучшие сыны России, борясь с большевиками, боролись вместе с тем и за общее дело союзников». Редакция газеты считала, что союзники «бросают нас на произвол судьбы, вернее отдают на заклание советской власти». Явное недовольство сквозило и в заключительных словах публикации – «быть может, защитникам русской государственности и придется быть побежденными, но история отметит, кто оказался союзником советской власти (вольным или невольным) когда эта власть была накануне падения»[443].

Кадеты, единодушно осудившие на своих партийных конференциях предложение союзников, поспешили заявить, что «у нас все же хватит национальной гордости настолько, чтобы отказаться беседовать с предателями России на каких-то неведомых Принцевых Островах»[444], и что в таком случае «Россия сама справится с большевиками»[445].

Эпизод с приглашением на Принцевы острова стал первой и далеко не последней проверкой на прочность стойкости симпатий антибольшевистских сил к союзникам. Примечательно, что тема вклада России в победу над Центральными державами, незадолго до этого упоминаемая в контексте подчеркивания единства с Антантой, вновь, как и в 1916–17 гг. звучала как упрек союзникам.

Задаваясь вопросом о причинах, побудивших Державы предложить созыв конференции, авторы статей недоумевали, почему инициатива такого предложения исходила от представителей страны, «первой документально установившей, что большевизм в России – дело рук немцев, что главари большевизма – подкупленные агенты Германии»[446]. Имелись в виду так называемые «Документы Сиссона», распространявшиеся в России Американским

[443] Иркутск, 2 февраля // Свободный край. Иркутск. 1919. 2 февр.
[444] Точки над і // Забайкальская новь. Чита. 1919. 6 февр.
[445] Россия справится // Сибирская речь. Омск. 1919. 2 февр.
[446] Принцевы острова и наша задача // Свободный край. Иркутск. 1919. 12 февр.

Бюро Печати, и якобы доказывавшие связь большевиков и немецкого правительства. Причиной такой политики союзников считалась неосведомленность политической верхушки стран Антанты о реальном положении дел в России.

В связи с этим левая и либеральная печать указывала на необходимость информирования иностранцев о событиях в России. Причем каждая политическая группировка стремилась играть в данном деле ведущую роль. «Помочь нашим европейским и американским друзьям в «познании России» путем всестороннего и систематического осведомления – такова одна из важнейших очередных задач, поставленных историей перед русской демократией» – отмечалось во владивостокской «Далекой окраине»[447]. Ссылаясь на слова У. Черчилля, который признавался в сложности решения «русского вопроса», правительственная «Русская армия» указывала на слабую осведомленность о ситуации в России «даже у наших старых друзей» и призывала усилить осведомление союзников о «созидательной работе нашего национального возрождения» [448].

Актуализировалась данная мысль и позже – в период ожидания официального признания правительства А.В. Колчака. «Случайно, по несчастному для нас стечению обстоятельств, или не случайно, по искусно направляемому врагами России течению политической мысли, о деятельности Российского Правительства в Омске, за границей долго не имелось вовсе сведений или сведения эти были скудны и превратны», – писал по этому поводу журнал Министерства финансов. Подобная ситуация, по словам издания, позволяла «большевистским посланцам» за границей задерживать «единственно-правильное решение русского вопроса – признание Российского Правительства»[449]. Несмотря на осознание необходимости целенаправленной «обработки» общественного мнения за рубежом, белые испытывали серьезные трудности в деле превращения Владивостока в центр информационной деятельности нацеленной на союзников. Материалы служебной переписки между

[447] На тот берег // Далекая окраина. Владивосток. 1919. 19 февр.
[448] Омск, 4-го апр. // Русская армия. Омск. 1919. 4 апр.
[449] Задачи и итоги // Вестник финансов, промышленности и торговли. Омск. 1919. Май. №14. С. 1.

Владивостокским отделением РТА и Омском рисуют безрадостную картину – недостаток финансирования, кадровые и организационные проблемы[450].

На фоне рассуждений о необходимости осведомления в прессе вновь поднималась проблема единства антибольшевистских сил. Причиной непонимания иностранцами обстановки в России считалось отсутствие национальной выдержки, внутренняя путаница среди белых. Единственным способом решения проблемы, по мнению государственно-мыслящей печати, должно было стать национальное единение и поддержка власти. По словам газеты «Свободная Пермь», именно совместная поддержка Верховного Правителя всеми государственными и патриотическими группами привела бы союзников к взгляду на правительство А.В. Колчака «как на власть государственную, национальную, демократическую, беспартийную»[451].

Между тем, в рамках левого дискурса также происходила актуализация идеи единства, понимаемой несколько иначе. Обеспечение союзной поддержки, связывалось редакцией социалистической «Народной Сибири» с необходимостью восстановления национального, демократического фронта, созданного на уфимском государственном совещании, но легкомысленно разрушенного затем»[452].

Несоответствие политики союзных держав первоначальным представлениям руководства и идеологов антибольшевистских сил обуславливало рост недовольства, выражавшегося на станицах газет. Это, в конечном счете, вело к размыванию позитивного образа союзников как помощника, добавляя в него отрицательные характеристики. Примечательно, что происходило это в рамках презентации тех же стереотипов и идеологем, которые до этого использовались для создания позитивного образа Антанты и США.

Бездействие большей части союзных войск, присутствовавших на востоке России, за исключением Японии, порождало сомнения в искренности желания стран Антанты помочь. Впрочем, даже относительно японской политики омское

---

[450] Ф. Р-952. Оп.1 Д.1. Л. 1-86. // ГАРФ
[451] Очередная задача // Свободная Пермь. Пермь. 1919. 5 февр.
[452] Российская междоусобица и союзники // Народная Сибирь. Новониколаевск. 1919. 31 янв.

руководство не спешило строить иллюзий. Как отмечал П.В. Вологодский в телеграмме, направленной в феврале 1919 г. Д.Л. Хорвату и послам в Париж и Токио, «Япония не заинтересована в скорейшем восстановлении единой и сильной России». Председатель Совмина, указывал на то, что, как и в Китае, японцы будут поддерживать гражданскую войну «до полного изнурения России, чтобы создать удобную почву для эксплуатации обессиленной страны»[453]. Аналогичные рассуждения велись и на страницах некоторых газет[454].

Среди крестьянского населения также циркулировали представления о расчетливости союзников. В феврале 1919 г. крестьянин А.М. Лисавенко в письме на имя П.В. Вологодского, задавался вопросом «когда же мы дождемся (не лицемерной) союзнической помощи в отношении уничтожения большевиков?». «Видимо, они действуют “постольку поскольку”. Может, и ничего не предприняли бы, но боятся, что большевизм может быть и у них», – писал автор письма. Считая, что только из-за этого союзники «возможно, скоро дадут нам действительную помощь», А.М. Лисавенко заключал – «но мы их ждем как Христова Воскресенья»[455]. Особые надежды крестьянин возлагал при этом на союзнический контроль над железными дорогами.

В печати бездействие союзников объяснялось непониманием союзниками сути большевизма. Газета «Голос Приморья» в одной из своих статей обосновывая необходимость борьбы с большевиками, выражала довольно распространенное мнение, называя большевизм «наиболее ярким воплощением идеи интернационализма», стремящимся «убить живую душу народа», причем в «мировом масштабе». Поэтому «интервенция мыслилась не как вмешательство в русские дела, а как содружество в общей борьбе с общим врагом всякой народной, всякой самобытной культуры». «И раз наши союзники сошли с этой точки зрения, – продолжала газета, – раз они рассматривают большевизм, как

---

[453] Ф. Р-200. Оп.1. Д. 301. Л. 4-5. // ГАРФ

[454] Багратович. Россия и Япония // Утро Сибири. 1919. 17 янв.

[455] Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.). : сб. док. / В.И. Шишкин. Новосибирск, 2015. С. 171.

чисто русское, местное дело, раз они не видят в нем своего врага, им лучше всего уйти из России»[456].

Необходимо отметить, что разочарование в союзниках переносилось и на создаваемую ими систему международных отношений. И наоборот, факты, подтверждавшие нестабильность нового миропорядка, укрепляли уверенность белых в том, что союзники ведут неверную политику в отношении России. Ярким примером могут послужить рассуждения относительно целостности Российского государства. Представления лидеров и идеологов антибольшевистского движения по вопросу о возможных вариантах государственно-территориального устройства будущей «великой России» различались. Однако большинством из них нераздельность России понималась как «обязательное восстановление и соблюдение территориальной целостности российского государства и довоенных границ 1914 г.»[457].

Сохранение территориальной целостности России считалось обязательным условием для достижения ею прежнего величия. В связи с этим особое беспокойство политических кругов Белой Сибири вызывал вопрос о статусе бывших окраин Российской империи, приобретших независимость. Стремление создать вокруг России «санитарный кордон» из малых государств расценивалось как угроза стабильности Европы и мира в будущем. «Все одинаково видят неясности в планах всесильного мирового концерта, – писала в июле 1919 г. газета «Русь», – «и все одинаково ответят на эти неясности словами резолюции кадетов: “Политика, преследующая цели расчленения России, откуда бы она ни исходила, будет всегда рассматриваться русским обществом как враждебная русскому народу и его жизненным интересам”. Ибо такая политика несет не мир, а меч. Ибо вне единой и неделимой России прочный мир – пустая утопия», – заключал автор статьи[458].

«Расчлененная Россия, Россия разрозненная и разрезанная на множество мелких кусочков – это вечная угроза миру и миру – это новые Балканы,

---

[456] А.К. Патриотизм и интервенция // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 5 марта.
[457] Зимина В.Д. Указ соч. С. 90.
[458] Омск, 10 июля // Русь. Омск. 1919. 10 июля.

способные в любой момент взорвать все здание международного благополучия, – гласила редакционная статья газеты «Свободный край». Решение судьбы России без участия населяющих ее народов считалось не только «проявлением бестактности», «грубым нарушениям всех норм международного права и попиранием демократических принципов», но и «самым жестоким уничтожением тех результатов, которые достигнуты войной, прелюдией к новой кровавой симфонии, значительно более трагической, чем только что оконченная»[459].

Балканизация Европы, вызванная расчленением России, провоцировала опасность новой войны и обуславливала возрождение старой блоковой политики. В данных условиях важной задачей славянства провозглашалось скорейшее объединение[460]. «…В то время как австрийские немцы стремятся к соединению с Германией; в то время как все английские колонии желают теснее соединиться с Англией, – все славянские народы не должны забывать, что только в тесной и братской дружбе с Великой Россией, они сохранят свою свободу и независимость», – писала по этому поводу томская «Наша газета»[461]

Рассуждения об опасности разделения России сопровождались тезисом о том, что окончательное установление мира в Европе невозможно, пока в России продолжается гражданская война. Данное положение, ставшее по словам печати впоследствии «аксиомой»[462], адресовалось как российской общественности, так и союзникам. Важной частью этой риторики являлись утверждения о том, что большевики – это «пугачёвцы XX века»[463], «большевизм сегодняшнего дня, гораздо опаснее кайзеризма прошлого»[464], а советская Россия – «резерв не идущей на умиротворение Германии»[465]. Такими образом, история о «Великой войне»[466], являвшаяся важной частью риторики антибольшевистского движения и встроенная в рамочный нарратив «о возрождении России», трансформировалась с

[459] Иркутск, 28 июня // Свободный край. Иркутск. 1919. 28 июня.
[460] Балканизация Европы // Наш путь. Омск. 1919. 20 (7) окт.
[461] Начало нового // Наша газета. Томск. 1919. 13 ноября
[462] Барнаул, 8 июля // Речь Алтая. Барнаул. 1919. 8 июля.
[463] Пугачёвцы XX века // Надежда России. Новониколаевск. 1919. 6 ноября
[464] Иркутск, 3 июля // Свободный край. Иркутск. 1919. 3 июля.
[465] Владивосток, 26 февраля // Эхо. Владивосток. 1919. 26 февр.
[466] Подробнее см.: Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова... С. 66-72.

учетом условий текущего момента и конкретных политических задач, стоявших перед Омским правительством.

Теперь, говоря о существовании единого «германо-большевистского фронта», печать призывала союзников через участие в восстановлении России бороться за стабильность Европы, а также за «мировую культуру и высокие идеалы права и справедливости, которыми жило и живет человечество»[467]. Однако «сильные мира сего», предпочитали усердно культивировать и навязывать маленьким народностям России «самоопределение», больше нужное не «самоопределяющимся», а «самоопределяющим», что, по словам кадетской печати, вызывало «жгучее чувство горечи и тяжкой незаслуженной обиды, каждого русского гражданина»[468]. Необходимо отметить, что на фоне сохранявшейся в официальной печати антигерманской риторики в военно-политических кругах Белой Сибири присутствовали и германофильские взгляды, об усилении которых в начале летом–осенью 1919 года писали Н.В. Устрялов[469] и обвинявший русских в неблагодарности генерал М. Жанен[470].

Между тем, в рамках левого дискурса также транслировалась идея о неустойчивости нового миропорядка, в котором нет России. Представители революционной демократии полагали, что единство и независимость страны могут быть обеспечены не версальской Лигой наций, которая характеризовалась как империалистическая, а альтернативной ей международной лигой «свободных демократий»[471]. Таким образом, под влиянием внутренних неудач антибольшевистского движения и разочарований в союзной политике радужные прогнозы рубежа 1918/19 поблекли и к концу 1919 г. уступили место тревожным ожиданиям новых кризисов и войн, виновниками которых способны стать большевики и жаждущие реванша немцы[472].

---

[467] Новониколаевск, 1 августа // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 1 авг.
[468] Иркутск, 15 августа // Свободный край. Иркутск. 1919. 15 авг.
[469] Устрялов Н.В. Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое: альманах. СПб., 1991. № 2. С. 310-311.
[470] Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Сибирские огни.1927. №. 4. С. 128.
[471] Барнаул, 6 ноября // Алтайский день. Барнаул. 1919. 6 ноября.
[472] См., напр. Мечты Германии о реванше // Великая Россия. Томск. 1919. 2 окт.

Понимание того, что ожидание признания и широкой помощи от союзников становится все более бессмысленным, заставляло небольшевистскую печать говорить о том, что не стоит ждать милостей от союзников и в большей степени опираться на свои силы. Во второй половине 1919 г. белые продолжали рассчитывать на иностранную экономическую и военно-техническую помощь, однако повсеместным стало разочарование в союзниках, выражавшееся на страницах газет. Циркуляция в печати различного рода сведений о стремлении держав не вмешиваться в дела России и многочисленные факты некорректного поведения интервентов привели к тому, что вновь, как и в 1916–1917 гг. образ «благородных союзников» потускнел и трансформировался в образ расчетливых дельцов, использующих русский народ в своих интересах.

Достаточно ярко деформация позитивного образа союзников выражалась в художественно-публицистических газетных текстах – фельетонах. Специфика жанра позволяла выражать недовольство с помощью «эзопова языка», аллегорий и иронии.

Один из фельетонов, касался, к примеру, проблемы отсутствия России на Версальской конференции. Герой повествования – китайский делегат – в письме своей жене сообщал: «каких тут только делегатов нет, вчера два негра с кольцами в носу приходили, да их за неумение сидеть за столом вывели. Только русских нет». Подобная несправедливость несколько смягчалась последующими оптимистичными словами автора – «Чего им только на эту конференцию попасть хочется. Все равно никакого толка от этого не будет. У этих русских, слава Конфуцию, все идет как по маслу: есть у них и правительство и армия, бьют они почем зря, большевиков»[473]. Таким образом, автор публикации, критикуя нарождавшийся Версальский миропорядок, а вместе с ним и его создателей, убеждал читателей в том, что Россия сумеет возродиться, опираясь на свои собственные силы.

Насмешки над иллюзорностью помощи союзников проявлялись и в виде карикатур. Так, в одном из рисунков использовался достаточно популярный в

[473] Китайское письмо // Сегодня. Томск. 1919. 7 апр.

печати сюжет, связанный со снабжением белых армий «культурным оружием»[474] союзников – танками. На фронте солдат колчаковской армии, говорил своему товарищу: «Слышь, говорят, в Омск танки пришли, скоро на красных пойдут». Тем временем в тылу, зрители кинематографа, видя не экране танк, переговаривались между собой: «Тит Титыч, это что танки эти самые? Понятно… Танки у нас бывают только в кинематографе»[475].

Разочарование, переходящее нередко в озлобленность против интервентов, стало лейтмотивом многих публикаций конца осени 1919 г., когда положение Российского правительства А.В. Колчака и его войск оставляло желать лучшего. Именно военные поражения белых, по словам У. Черчилля являлись причиной отсутствия твердой политики союзников в отношении Омска[476].

В прессе в то же время предпринимались попытки поиска рационального объяснения того, почему союзники не оказали серьезной поддержки антибольшевистским силам. Так, в одной из статей издания Русского Бюро Печати «Русское дело» указывалось на то, что союзники не смогли осознать большевизм как орудие борьбы германского генштаба и сделать вывод о необходимости продолжения вооруженной борьбы против большевиков в России[477]. Иностранцы, по мнению белых, просто не понимали сути большевизма и недооценивали его опасность для всего цивилизованного мира. Между тем, посол России в Лондоне К.Д. Набоков полагал, что после окончания войны Британское правительство, на курс которого влияли левые, уже не имело ни материальных возможностей, ни общественной поддержки для осуществления помощи Белому движению[478].

Вместе с тем, омские правительственные издания, не спешившие критиковать союзников, призывали людей не оставаться равнодушными «к нашему собственному же великому делу»[479] и акцентировали внимание на том,

---

[474] Военный отдел. Танки в современной войне // Русская армия. Омск. 1919. 19 окт.
[475] На злобу дня. Наши карикатуры // На страже свободы. [Б. м.]. 1919. 14 сентября.
[476] Черчиль В. Мировой кризис. М., Л., 1932. С. 157.
[477] Железный закон // Русское дело. Омск. 1919. 9 окт.
[478] Набоков К.Д. Испытания дипломата. Стокгольм, 1921. С. 269, 275.
[479] Помощь союзников // Крестьянский вестник. Омск. 1919. 5 окт.

что «нытье и жалобы на то, что союзники не посылают нам на помощь свои войска», являлись, по меньшей мере, унизительными «для нашего национального достоинства»[480].

Согласно другой, более радикальной точке зрения, союзники попросту надеялись «залить красный интернационал исключительно русской кровью», а пока ставка на русскую кровь еще не бита, они продолжают делать вид, что чрезвычайно чутко относятся к суверенным правам русского народа…»[481]. Тезис – сильная Россия выгодна и нужна Западу – теперь мог вытесняться мнением о том, что союзными державами «методически, последовательно подготавливается раздел России…»[482]. Такая политика союзников объяснялась тем, что «единая и великая Россия не входит в планы единых и великих Англии, Франции и Америки»[483].

Левая печать в связи с этим вновь говорила об империалистических устремлениях союзных лидеров. Откликаясь на слова Д. Ллойд Джорджа о том, что антибольшевистские силы сражаются за единство России, которое представляет угрозу интересам Британии, некто Старый журналист, на страницах иркутского «Нашего дела» отмечал: «Россия будет все же воссоединена, несмотря на препятствия союзников – этого требуют интересы всего русского народа и интересы окраинных народов»[484].

Во всех случаях делался неизбежный вывод – «суровая действительность разочаровала нас насчет единства “европейской культуры”, во имя которой велась Великая война, кончившаяся сепаратным миром наших союзников с Германией. Наше дело – русское дело и никто нам не поможет в нем, кроме нас самих»[485]. Положение о необходимости «рассчитывать, прежде всего, на самих себя, на свои силы, а не на иностранцев»[486] в конечном счете, стало лейтмотивом

---

[480] Невмешательство союзников // Сибирский казак. Омск. 1919. 2 окт.
[481] Союзники и Россия // Забайкальская новь. Чита. 1919. 2 дек.
[482] Переговоры // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 11 дек
[483] Союзная арифметика // Наша газета. Иркутск. 1919. 3 дек.
[484] Ценное признание // Наше дело. Иркутск. 1919. 26 ноября
[485] Русское дело // Наша газета. Томск. 1919. 31 окт.
[486] Англия и Россия // Родина. Красноярск. 1919. 28 ноября.

пропагандисткой риторики официальной и партийной печати вплоть до падения режима А.В. Колчака.

С положением о необходимости опираться на собственные силы связывалась и идея свободы в выборе направления международной политики. Еще в сентябре 1919 года, откликаясь на сообщение о решении Верховного Союзного совета о невмешательстве в русские дела, редакция «Сибирской речи» считала, что решение союзников отныне позволяло России заключать любые союзы и свободно распоряжаться своим будущим[487].

Подводя итог, необходимо отметить, что люди, ответственные за политический и идеологический курс Омского правительства не могли не отдавать себе отчета в наличии противоречий среди союзников. Свидетельством тому служат материалы дипломатической переписки. Так, в январе 1919 г. дипломаты из Парижа сообщали в Омск об обнаружившемся взаимном недоверии великих держав, доходящем иногда «до еле скрываемого недружелюбия»[488].

Не являлись секретом и корыстные устремлений той или иной страны в отношении ослабленной войной России, поступавшие в распоряжение Омской правящей верхушки от дипломатов[489] и по каналам контрразведки. В одном из докладов, направленных в Штаб Верховного Главнокомандующего, к примеру, отмечалось, что «иностранные государства принимают все меры, чтобы не дать нам возможности скорее выздороветь…». По мнению составителя доклада – капитана Симонова – наиболее заинтересованы были в этом США и Япония[490].

Вследствие вмешательства союзников возникали и противоречия среди самих белых. Так, согласно показаниям А.В. Тимиревой, адмирал, говоря о конфликте с Г.М. Семёновым, считал, что именно иностранцы «из мятежного есаула сделали международный вопрос»[491]. Впоследствии на допросе А.В. Колчак

---

[487] Иллюзии и действительность // Сибирская речь. Омск. 1919. 30 сент.

[488] Ф. Р-200. Оп.1. Д. 58. Л. 2об. // ГАРФ

[489] Напр., посол в Токио В. Крупенский сообщал в МИД о существовании в разных слоях японских правящих кругов тенденции использовать к выгоде Японии ситуацию в Сибири. Стремления эти, по словам посла, доходили даже до мысли «о полном отделении от России Сибири, с привлечением последней в сферу влияния Японии». (Ф. Р-200. Оп. 1. Д.121. Л.4об. // ГАРФ).

[490] Ф. 39507. Оп.1. Д.50. Л. 5-5об. // РГВА

[491] Дроков С. В. Протоколы допросов А. В. Тимиревой // Отечественные архивы. 1994. №6. С. 58.

отмечал «оскорбительный» для русского сознания характер интервенции и выражал мнение о возможности превращения союзной интервенции в оккупацию[492]. В том, что союзники искренне стремились помогать белым ради их победы, сомневался также министр продовольствия и снабжения К.Н. Неклютин[493].

Тем не менее, потребности внешней политики неизбежно влияли на содержание идеологии, а идеологические убеждения выступали оптикой, через которую воспринималась политическая реальность. Следовательно, содержание образа союзников напрямую зависело от идеологических установок антибольшевистского движения. Идея величия и неделимости России, изложенная в виде нарратива, предполагала создание образа союзников как помощника. Однако по мере того, как реальность входила в противоречие с идеальной концовкой этого нарратива, образ претерпевал трансформации в сторону приобретения новых негативных черт.

Попытки рационального объяснения действия Антанты и США в духе Realpolitik все же присутствовали, но это не могло повлиять на общество, как того хотелось бы белым. В итоге, из помощника союзники превращались в безучастного наблюдателя, а в некоторых случаях противника возрождения страны. Своеобразной защитной реакцией стала актуализация идеи опоры на свои силы, являвшейся последней идеологической соломинкой, за которую хватались белые, пытаясь предложить обществу хоть что-то.

[492] Допрос Колчака. Л., 1925. С.146.
[493] Неклютин К.Н. От Самары до Сиэтла. Воспоминания. Самара, 2011. С. 129.

2.2 Образ союзников в практиках символической репрезентации антибольшевистских политических режимов востока России

Нарратив о возрождении России, в рамках которого осуществлялась репрезентация как самого антибольшевистского движения, так и его союзников и противников, вместе с тем может быть охарактеризован как миф. Опираясь на трактовку Ж. Сореля, следует рассматривать данный нарратив как совокупность образов, способных инстинктивно вызывать определенные чувства и тем самым побуждать к тем или иным действиям[494]. Таким образом, данная история не просто обеспечивала легитимацию антибольшевистских режимов, но и призвана была подтолкнуть население Сибири и Дальнего Востока к активной поддержке власти, выражавшейся, прежде всего, в участии в борьбе за «восстановление российской государственности».

Как было показано выше, образ союзников как составная часть нарратива о «возрождении России» формировался с помощью информационной и пропагандистской деятельности. Вместе с тем, конструирование данного образа осуществлялось в рамках реализации различных практик официальной репрезентации власти – торжеств, ритуалов и демонстрации определенной символики.

В настоящее время различные политические символы, являющиеся, по мнению Б.И. Колоницкого, «важными компонентами политической культуры»[495], все чаще становятся предметом изучения отечественных исследователей. При этом, несмотря на то, что само понятие «политическая культура» «прочно вошло в научный инструментарий российской историографии революции и гражданской войны»[496], еще не сложилось единой трактовки данного концепта. Тем не менее, в рамках изучения переломного для России периода 1917–1922 гг. можно

[494] Сорель Ж. Размышления о насилии. М., 2013. С. 129.

[495] Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 10.

[496] Журавлев В.В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке. : [сборник]. Новосибирск, 2015. С. 31.

наблюдать интерес исследователей к изучению тех или иных составляющих революционной и ранней советской политической культуры.

В то же время политические символы, официальные церемонии и коммеморативные практики антибольшевистского движения изучаются в меньшей степени. Интерес в данном контексте представляют работы В.В. Журавлева, посвященные рассмотрению особенностей репрезентации верховной власти в лице адмирала А.В. Колчака, титулованиях в организационных структурах восточной контрреволюции, а также ее символике.

Р.С. Уортман, в своем двухтомном исследовании мифов и символов русской монархии отмечает, что основу репрезентации монархической власти, начиная с Петра I и вплоть до Николая II, составляли два «всеобъемлющих» мифа – европейский и национальный. Для обозначения индивидуальных способов презентации императорского мифа автор использует термин «сценарий». Сценарий представлял собой собственную версию мифа, которую предлагал каждый новый монарх, вступавший на престол. Реализовывался сценарий посредством осуществления определенных церемоний, получавших свое значение именно в его контексте[497].

Применительно к востоку России периода Гражданской войны можно говорить о том, что каждое из антибольшевистских правительств осуществляло свой сценарий власти, в рамках которого происходила репрезентация общего для Белого движения мифа/нарратива «о возрождении единой и великой России». Задачей данного раздела является рассмотрение особенностей репрезентации образа союзников в официальных церемониях, являвшихся частью «сценариев власти», последовательно сменявших друг друга в Омске антибольшевистских правительств.

Необходимо отметить, что идеи воссоздания государственности и армии, проходившие красной нитью через идеологические конструкции всех сменявших друг друга в Омске правительств, являлись своего рода константами, вокруг

[497] Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т.2. От Александра II до отречения Николая II. М., 2004. С. 24-25

которых строилась официальная риторика. Переменной величиной выступали демократические ценности, выражавшиеся в концепте «народовластие», восприятие и трактовка которого различались. В период существования Западно-Сибирского комиссариата базовой политической ценностью выступала идея «народовластия», которая в рамках дискурса левых связывалась с лозунгами созыва Учредительного собрания, необходимости поддержки земств и сохранения единства сил «революционной демократии»[498].

В официальных обращениях и декларациях Комиссариата эклектично сочетались патриотизм, областнические идеи, антиимпериалистическая риторика и призывы к защите революционных завоеваний. «…Если вы действительно дорожите завоеванными свободами, если вопросы «быть или не быть Сибири и России» для вас не безразличны, если вы не желаете попасть под влияние международного капитала, вы все должны встать как один человек на защиту этого правительства», – гласило обращение Комиссариата к крестьянам, опубликованное в конце мая 1918 г.[499]

Как отмечает Д.Н. Шевелев, Временное Сибирское правительство продолжало опираться на те же самые политические установки. Основу официальной риторики все так же составляли идеи народовластия, объединения государства и укрепления правопорядка[500].

Идеи сильной власти и мощной армии, которые транслировались в рамках информационной деятельности Директории, также сочетались с защитой демократии, которая представала «уже в образе не столько революционном, сколько государственно-национальном»[501]. Реализуемый Директорией сценарий власти предполагал символическую репрезентацию данных идей. Так, стремление подчеркнуть силу и статус правительства повлекло за собой восстановление старорежимного титулования. Как отмечал И.И. Серебренников, «исчезла

---

[498] Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств на территории Сибири в годы Гражданской войны… С. 423.

[499] Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая - 30 июня 1918 г.) : сборник документов и материалов / В.И. Шишкин. Новосибирск, 2005. С. 35.

[500] Шевелев Д.Н. Осведомительная работа антибольшевистских правительств… С. 426.

[501] Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства»… С. 187.

прежняя «сибирская» простота членов Правительства в отношениях друг к другу. Все стало значительно торжественнее и официальнее»[502].

Важную роль в укреплении престижа власти должна была сыграть торжественная встреча членов правительства в Екатеринбурге, который по первоначальному замыслу должен был стать местопребыванием Директории. По словам члена Уральского областного правительства, кадета Л.А. Кроля, сыгравшего важную роль в организации мероприятия, встреча готовилась «самая помпезная». «Мы считали необходимым создать для Директории с первого момента ее въезда на нашу территорию, такую атмосферу, чтобы члены ее сразу почувствовали себя «величеством» на «своей» территории и чтобы это почувствовали другие», – вспоминал он впоследствии[503]. Однако вопреки ожиданиям уральцев, Директория все же решилась, по выражению Н.Д. Авксентьева, «сунуться волку в пасть»[504] – то есть переехать в Омск, где ее ожидала не особенно торжественная встреча.

После установления режима А.В. Колчака идеи сильного государства, правопорядка и возрождения мощи армии остаются ключевыми для официальной пропаганды, в то время как демократические принципы, хотя и провозглашались, относились все же на второй план.

Так, проведенный контент-анализ материалов правительственной «Нашей газеты», выпускавшейся в Томске в октябре – декабре 1919 г., позволил выявить набор ценностей, на которые опирался находившийся на грани своего падения режим, обращаясь к широким слоям населения. В качестве учитываемых лингвистических единиц были выбраны ценностные установки, выраженные словами-индикаторами, употребленными в контексте сакрального. В качестве единицы счета принята публикация (статьи, очерки, фельетоны, заметки, а также лозунги-эпиграфы). Телеграммы и мелкие заметки, несущие фактическую информацию, не учитывались. Всего была проанализирована 341 публикация. При помощи частотного и семантического контент-анализа удалось выделить ряд

[502] Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М, 2003. С.18.
[503] Кроль Л.А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи. Владивосток, 1922. С. 139.
[504] Там же. С. 140.

ценностных установок, противопоставленных большевизму и требовавших, по мнению белых, защиты. Доля публикаций, содержащих выявленные элементы, составила почти 31,0 % (106 публикаций). Остальные 2/3 публикаций носили либо информационный характер, либо выполняли функцию по дискредитации большевиков и не содержали позитивных ценностей. В результате удалось доказать, что основополагающей ценностью объявлялось сильное, независимое государство, на восстановление и укрепление которого должны быть направлены все усилия

Несмотря на ограниченный характер исследования (проанализированы были лишь томские номера издания), использование методики контент-анализа подтвердило предположение о том, что обращаясь к народу, Омский режим делал упор на традиционные ценности религии, справедливого распределения земли и необходимости честного труда, допуская, однако, использование либеральной, демократической фразеологии. (См. Рис. 3.).

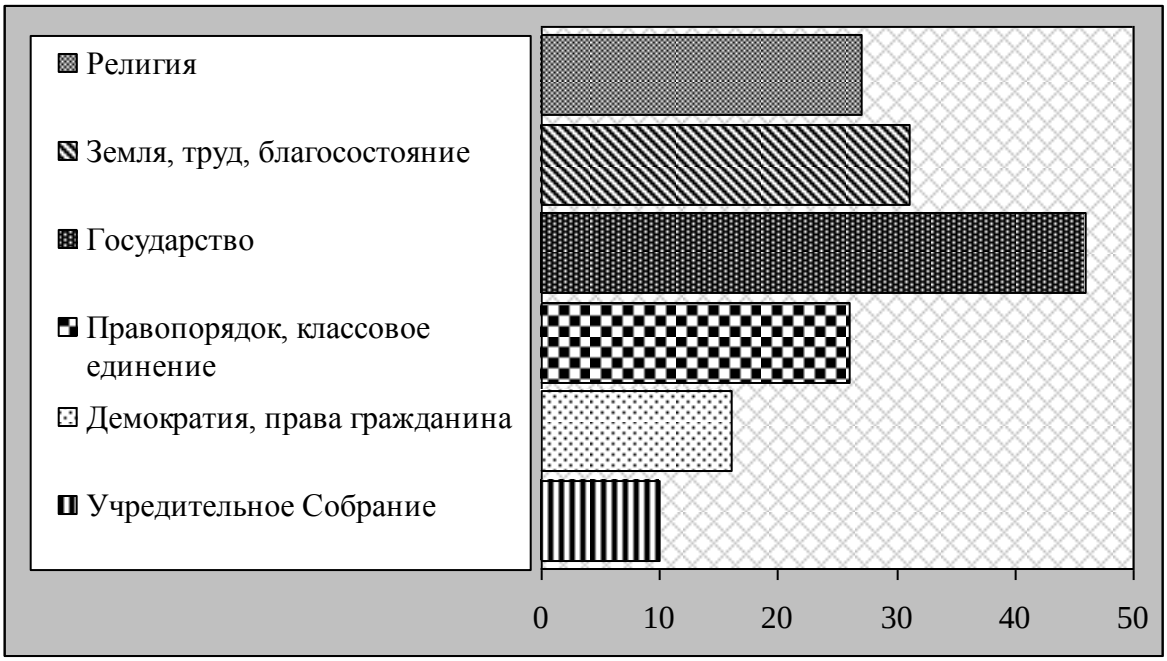

Рис. 3. Количественное соотношение ценностных установок в публикациях «Нашей газеты» (Томск, №3 – 34).

Как и Директория, правительство А.В. Колчака с помощью различных символических актов стремилось подчеркнуть свою значимость и силу. Существенным фактором в рамках нового сценария власти являлся образ самого

Верховного Правителя. Любопытно, что некоторые элементы, призванные укреплять авторитет новой власти и лично адмирала, впоследствии были истолкованы членами ревтрибунала над колчаковскими министрами как внешние проявления монархической власти[505]. Важно также отметить, что и отдельные представители антибольшевистских сил думали так же. В.П. Аничков, наблюдавший визит А.В. Колчака в Екатеринбург в феврале 1919 г., отмечал, что отъезд кортежа адмирала, состоявшего из нескольких автомобилей, был весьма торжественен. Это наводило автора воспоминаний на мысль о том, что Колчак вполне мог занять место Романовых[506].

Таким образом, сценарии власти антибольшевистских правительств содержали в себе одну и ту же стержневую идею – создание образа сильной власти, стремящейся, прежде всего, к восстановлению правопорядка, но не чуждой демократическим ценностям. Как уже многократно отмечалось, создание единой и сильной власти рассматривалось как залог равноправных отношений с союзными странами. «Если эта власть будет авторитетной и сильной у нас самих, то с ней будут считаться, как с действительным правительством, если же вокруг этой власти будет пустота, то мы переживем весьма тяжелые моменты национального унижения», – отмечалось в иркутской кооперативной газете «Дело»[507].

При этом формула, включавшая идею о том, что единое и устойчивое антибольшевистское правительство – значит равноправные и выгодные отношения с союзниками работала и в обратную сторону. Вовлечение союзников в официальные ритуалы и торжества призвано было служить укреплению власти, прежде всего в глазах общественности.

Каким образом союзники были включены в сценарии власти ВСП, Директории и Российского правительства? Все эти правительства имели в своем арсенале примерно одинаковый набор инструментов, с помощью которых происходила символическая репрезентация власти и иностранных союзников.

---

[505] Шишкин В.И. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920. М., 2003. С.33-34.
[506] Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922). М., 1998. С. 207.
[507] Иркутск, 11 октября // Дело. Иркутск. 1918. 11 окт.

Появление представителей иностранных держав в сибирских городах сопровождалось, как правило, достаточно стандартным набором мероприятий и торжеств, включавшим в себя официальные приветствия с участием местной власти и союзников, церемониальные марши войск (русских, союзных и чешских), произнесение речей, а также организацию банкетов. Кроме того, представители союзного высшего командования, офицеры и солдаты иностранных армий, дипломаты и официальные лица принимали участие в большинстве значимых мероприятий Белой Сибири – смотрах русских войск, поездках адмирала А.В. Колчака на фронт, банкетах и молебнах, являвшихся неотъемлемой частью официальных торжеств, официальных траурных церемониях.

Анализ материалов омской официальной прессы[508] позволил выявить 130 публикаций, посвященных 101 мероприятию, в которых в период с августа 1918 г. по ноябрь 1919 г. были задействованы союзники в качестве участников или наблюдателей. Данные мероприятия распределяются по 25 городам Урала, Сибири и Дальнего Востока. При этом необходимо отметить, что в столичной прессе не всегда отражались события, происходившие в других городах Сибири. Несмотря на это, данная выборка все же позволяет сказать, что вовлечение союзников в различные практики официальной презентации власти было достаточно широким.

Особым образом антибольшевистские силы подготовились к встрече союзников в столице Белой Сибири – Омске. Еще 4 октября, согласно постановлению Административного Совета, была организована специальная Комиссия по встрече французских (с 19 октября – иностранных) войск, целью которой являлась разработка программы мероприятий по приему союзных войск в Омске. В комиссию, которую возглавил директор департамента общих дел МВД П.П. Башилов[509], вошли представители пяти министерств: Внутренних дел,

[508] Анализу подверглись, издававшиеся в Омске «Сибирский вестник», «Вестник Временного Всероссийского правительства», «Правительственный вестник»

[509] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 27. Л. 19. // ГАРФ.

Иностранных дел, Военного, Снабжения и Путей сообщения[510]. Комиссия провела несколько заседаний вплоть до конца ноября 1918 г. в ходе которых были разработаны церемониалы встреч британских, французских и итальянских войск и решен ряд организационных вопросов. Материалы комиссии, сохранившиеся в архивных фондах, наряду с газетными публикациями, посвящёнными торжествам с участием представителей Антанты, и воспоминаниями очевидцев позволяют выявить основные формы символической репрезентации власти и союзников на территории востока России в период существования антибольшевистской государственности.

Военные церемонии. В период революционных событий 1917 г. военные ритуалы сыграли важную роль в утверждении нового политического порядка. Парады войск под революционными символами стали «впечатляющей демонстрацией верности революции и новому режиму»[511]. В годы Гражданской войны противоборствующие стороны активно использовали различные военные церемонии как средство демонстрации собственного могущества.

Буквально сразу после свержения советской власти в сибирских городах военнослужащие чехословацкого корпуса оказались вовлечены в военные торжества. Импровизированные парады, проводившиеся на улицах отбитых у большевиков городов, привлекали к себе внимание обывателей и порой сопровождались эмоциональными сценами братания. Прибывший в Томск 31 мая, чешский отряд в тот же вечер проследовал церемониальным маршем по улицам города к вокзалу. Как отмечала «Сибирская жизнь», прибытие чехов, «превратилось в народный прием желанных гостей, для обмена приветствиями». «Растроганный» начальник томского гарнизона Н.Н. Сумароков расцеловал первого стоявшего в рядах солдата, а чехословаки в ответ исполнили чешский национальный гимн[512]. В Красноярске 23 июня марш отрядов 2-го Томского

[510] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л.14. // ГАРФ.
[511] Колоницкий Б.И. Указ соч. С. 31.
[512] Чехословацкий эшелон в Томске // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 6 июня.

полка и чехословаков также сопровождался «большой толпой», «любовавшейся редким зрелищем военной маршировки»[513].

В августе 1918 г. на Дальнем Востоке «с огромной помпой» – по выражению В.Г. Болдырева[514] – высадились войска стран Антанты и США, которые с момента своего появления на Дальнем Востоке стали принимать активное участие в мероприятиях подобного рода.

Английский 25-й батальон Миддльсекского полка под командованием полковника Дж. Уорда, ставший первым союзным контингентом, высадившимся во Владивостоке в августе 1918 г., был встречен на набережной оркестром и почетным караулом чешских войск и английских моряков с крейсера «Суффолк». В мероприятии принимали участие союзные и русские офицеры, британский консул и председатель Земской управы. После того как английские войска выдвинулись на Уссурийский фронт, они неоднократно удостаивались торжественной встречи с оркестрами, речами и церемониальными маршами. Проход британских отрядов через Никольск, по словам Дж. Уорда, должен был показать жителям, «что долго ожидавшаяся помощь Союзников, наконец, действительно прибыла»[515].

Таким образом, присутствие союзных десантов на востоке России, помимо очевидного военного, имело еще и важное символическое значение. По воспоминаниям И.И. Серебренникова, «одной из характерных черт политической атмосферы, которою дышало Уфимское государственное совещание, была вера в то, что союзниками в скором времени будет создан по Уралу Восточный фронт против новой большевистско-германской коалиции»[516]. «Когда генерал Нокс[517] объезжал фронт, его всюду встречали не только дружественно, но торжественно. Выставлялись почетные караулы, оркестр играл английский гимн, предоставлялось все лучшее, что только было у нас самих. На его слова о

[513] Военная прогулка // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 27 (14) июня.
[514] Болдырев В.Г. Указ соч. С. 30.
[515] Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири. М.-Пг., 1923. С. 31.
[516] Серебренников И.И. Гражданская война в России… С. 408.
[517] Нокс Альфред (1870-1964) – генерал-майор, военный атташе Великобритании в России в годы Первой мировой войны, глава британской миссии на Востоке России во время Гражданской войны.

помощи, заранее благодарили, почти везде просили прислать хоть взвод английских солдат, – необходимо было показать нашим солдатам и офицерам, что давние обещания союзников о помощи не одни слова» – писал впоследствии генерал К.В. Сахаров[518].

26 октября три британских эшелона (850 солдат и 20 офицеров)[519] добрались до Омска, где в этот момент усиленно готовились к их приезду. Согласно краткой программе мероприятия, опубликованной также в «Сибирском вестнике», встреча должна была состояться в полдень на городской ветке[520]. В соответствии с разработанным Комиссией церемониалом британцев приветствовал почетный караул из войск гарнизона (одна русская рота, одна чешская рота и одна казачья рота), размещенный на площадке напротив станции. Там же располагались представители правительства (Председатель Совмина П.В. Вологодский, член Директории В.А. Виноградов, министр финансов И.А. Михайлов), ведомств, города, Красного Креста и городских дам. Вдоль пути следования английских войск должны были стоять учащиеся городских учебных заведений и молодые солдаты гарнизона. Напротив Кадетского корпуса выстраивались его воспитанники «в полном составе, с хором музыки». После взаимных приветствий и церемониального марша британские войска, должны были с музыкой проследовать по Атаманской улице к Кадетскому корпусу. Затем солдатам и офицерам предлагался обед, после которого они отправлялись в отведенные для них помещения в Сельскохозяйственном училище[521].

В публикации «Сибирского вестника», посвященной этому событию, всячески подчеркивались его грандиозность и значимость. «Развевающиеся союзные, национальные и сибирские флаги, и небывало многочисленная толпа приветствовавших союзный отряд – представляли зрелище еще небывалое в

[518] Сахаров К.В. Белая Сибирь (внутренняя война 1918–1922 гг.). Мюнхен, 1923. С.33.
[519] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л.45. // ГАРФ.
[520] Омск. Приезд союзных войск // Сибирский вестник. Омск. 1918. 26 окт.
[521] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л. 45-45 об. // ГАРФ.

Омске. Этот день показал, что узы, связывающие союзные нации на борьбу с общим врагом по-прежнему крепки», – сообщалось в газете[522].

Совместный парад русских, чешских и британских войск в столице Белой Сибири становился своеобразным символическим возрождением боевого братства времен недавнего прошлого, когда Россия плечом к плечу с союзниками по Антанте сражалась с Центральными державами. Восстановление этого единства, таким образом, являло собой одну из ступеней к возрождению могущества самой России.

Встреча следующего – французского (1000 солдат и 150 офицеров) – эшелона состоялась как раз во время получения известий о перемирии на Западном фронте мировой войны, что делало торжество еще более грандиозным и привносило в него новые смыслы. Несмотря на опоздание поезда на 6 часов, на мероприятии, программа которого повторяла церемониал встречи британцев[523], собралось «несколько десятков тысяч человек»[524]. Помимо стандартного чешско-русского почетного караула, присутствовали и английские солдаты под командой Дж. Уорда.

Приветствуя «долгожданных гостей» редакция «Вестника Временного правительства» подчеркивала важность присутствия представителей держав Согласия для внутрироссийских событий. «Дружеская рука помощи со стороны союзных держав была протянута, она помогла зародиться различным государственным образованиям, этим первичным ячейкам, откуда должна сложиться снова великая Российская держава, – отмечалось в газете[525]. Называя французов потомками тех, «кто не раз спасал интересы цивилизации», газета объясняла мотивы их прихода – «Французы явились к нам во имя торжества свободы, права и порядка»[526].

«Спасение разорванной на клочки, истерзанной, разоренной России близко – на выручку ей через моря и земли движутся доблестные войска наших союзников.

---

[522] Омск. Встреча английских войск // Сибирский вестник. Омск. 1918. 27 окт.
[523] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л.52-52об. // ГАРФ.
[524] Встреча французских войск // Заря. Омск. 1918. 15 ноября.
[525] Омск, 13 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск. 1918. 13 ноября.
[526] Там же.

Проехав через Сибирь, они с Востока нападут на ослабевающую уже в борьбе Германии»[527], – такие слова звучали в обращении Комиссии по встрече к гражданам Омска, которое составлялось, видимо, еще до получения известий о перемирии на Западном фронте и воспроизводило укоренившуюся идею о восточном фронте[528].

Вместе с тем, в официальных заявлениях и публикациях не только подчеркивалось благородство и бескорыстие прибывающих союзников, но и актуализировалась тема благодарности Антанты за усилия России в годы мировой войны. «Кровавая жертва России, смерть сотен тысяч русских бойцов, павших смертью храбрых на полях Галиции и Пруссии не пропала даром. Россия четыре года тому назад спасла Францию, теперь Франция спасет Россию» – гласил экстренный выпуск телеграмм Информационного Отдела Штаба Верховного главнокомандующего[529].

Таким образом, военные церемонии в ходе торжественных встреч союзников в столице Белой Сибири осенью 1918 г., являясь неоспоримым доказательством того, что страны Антанты не бросили Россию, в то же время демонстрировали населению тот факт, что Директория стремится к возрождению страны, восстанавливая нарушенную большевиками связь между Россией и Западными державами.

При А.В. Колчаке данная тенденция продолжала реализовываться. Регулярные парады и смотры, активное участие военных в различных городских мероприятиях, праздники, посвященные армии – все это должно было выступать ярким свидетельством возрождения страны и ее военной мощи. Приобретение антибольшевистским движением вождистского характера ставило перед режимом задачу по репрезентации фигуры носителя верховной власти, отмечает В.В. Журавлев[530]. Позиционирование Верховного Правителя как лидера,

---

[527] Так в тексте – правильно Германию.
[528] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л. 74. // ГАРФ.
[529] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л.76. // ГАРФ.
[530] Журавлев В.В. Образ А.В. Колчака в публикациях С.А. Ауслендера // Власть и общество в Сибири в XX веке. : сб. науч. ст. Новосибирск, 2012. Вып. 3. С. 102.

сумевшего преодолеть «гибельное» «разъединение между Армией и Властью»[531], происходило также с помощью военных церемоний. Участие союзников в подобных мероприятиях наряду с публичными заявлениями представителей Антанты, в которых адмирал характеризовался с положительной стороны, должно было способствовать формированию позитивного образа Верховного Правителя.

Накануне поездки адмирала на фронт в декабре 1918 г. в прессе было помещено высказывание полковника Дж. Уорда, в котором английский офицер исходя из «своей демократической точки», полагал, что «Россия нашла мужа, который сумеет справиться с задачей восстановления армии в лице адмирала Колчака»[532]. Несомненно, что подобное заявление из уст англичанина, офицера и демократа должно было наглядно демонстрировать легитимность новой власти и ее способность победоносно завершить войну. Примечателен, описанный полковником, характерный эпизод, связанный с укомплектованием конвоя Верховного Правителя иностранными солдатами[533]. Активные попытки французских представителей не допустить преобладания британских военнослужащих в составе сопровождающей адмирала на фронт охраны можно рассматривать как отражение борьбы за доминирование в символическом пространстве, где происходила презентация А.В. Колчака и союзников.

Смотры и парады, наряду с посещением адмиралом передовых позиций в ходе его поездок на фронт, являлись одной из форм укрепления авторитета Верховного правителя, способом конструирования символического единства между армией и центральной властью. Вместе с тем, церемониальные марши войск, которые рассматривались как демонстрация боеспособности армии, призваны были вселять в обывателя уверенность в скорой победе и доказывать иностранным союзникам эффективность омского режима.

Так, например, в феврале 1919 г. в Омске прошел парад бригады Сибирских стрелков, отправлявшейся на фронт. Помимо русских войск, на мероприятии присутствовали английский батальон и оркестр. Как отмечалось в официальной

---

[531] Ауслендер С. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Омск, 1919. С.8.
[532] Полковник Уорд об адмирале Колчаке // Правительственный вестник. Омск. 1918. 7 дек.
[533] Уорд Дж. Указ. соч. С. 110.

публикации, «отличное обмундирование, и блестящий вид сибирских стрелков, рота за ротой стройно проходивших под музыку великолепно сыгравшего оркестра английских войск, вселяли уверенность в будущий успех этой новой боевой единицы…»[534].

Впрочем, как с присущим ему скептицизмом отмечал генерал А.П. Будберг, сохранившиеся «старые привычки готовить войска для парада, а не для войны и втирать очки внешностью и подмазанным показом» лишь усугубляли положение, внушая А.В. Колчаку и командованию армии ложные представления о качестве подчинённых им войск[535].

Парады союзных войск сопровождали не только русские празднества и торжества. Так, в Чите в ноябре 1918 г. прошел парад японских войск в честь дня рождения Микадо. (Скорее всего, в честь умершего к тому моменту Муцухито (1852 – 1912)). В заметке, посвященной параду, подчеркивалась «строгая дисциплина и выдержанность войск», их техническая оснащенность (в параде участвовали даже аэропланы, «дополнявшие облик современной армии») произведшие впечатление на публику[536]. Особым блеском отличался парад союзных войск во Владивостоке по случаю заключения перемирия на Западном фронте, прошедший в ноябре 1918 года. Участие солдат белой армии в данном мероприятии являлось не просто признанием заслуг России в мировой войне. Эмоционально описывая прохождение русских войск, безымянный автор вписывал заслуги возрожденной армии в историю побед русского оружия от взятия Измаила до боев на Карпатских перевалах, предрекая тем самым и славное будущее – долгожданный вход в Москву[537].

В конце мая – начале июня 1919 г. в сибирских городах прошла череда официальных торжеств, посвященных годовщине «освобождения Сибири» от большевиков. Важным элементом этих торжественных мероприятий стали и военные парады. Антибольшевистские силы, придавая большое значение

---

[534] Дневник. Парад // Правительственный вестник. Омск. 1919. 12 февр.
[535] Будберг А. Дневник белогвардейца. Минск, М., 2001. С. 42-43.
[536] Хроника // Русский восток. Чита. 1918. 2 ноября (20 окт.).
[537] Владивостокский парад // Освобождение России. Пермь. 1919. 15 мая.

мемориализации антисоветского восстания, стремились превратить устраиваемые ими военные церемонии, а также связанные с ними определенные территории, ритуалы и символы в то, что П. Нора назвал местами памяти[538]. События и объекты, превращаясь в символы, призваны были формировать представления общества о недавнем прошлом, в то же время, укореняя в сознании людей ряд идей.

В рамках актуализации событий годичной давности в различных коммеморативных актах происходила их мифологизация и вплетение в исторический контекст. «Один год нашего существования вне советской власти срок небольшой в медленной поступи Истории, но качественно он велик и огромен», – подчеркивала «Сибирская речь». Отмечалась в газете и значимость пережитого – «если представить себе, что за это короткое время Воскресающая Русь приобрела твердую опору и нашла своего национального Вождя, несущего на Себе Крест Власти, то станет ясно, что этот год равен десятилетию»[539].

Разумеется, особое внимание в ходе мероприятий уделялось чехословакам, как ключевым героям антибольшевистского восстания. Помимо частей гарнизона в праздничном параде, состоявшемся в Омске 7 июня, участвовал также 6-й чехословацкий полк, занявший город в 1918 г., что, по всей видимости, имело особый символический смысл – герои возвращались на место своей славы, заново проживая события ставшие «историческими»[540].

Представители других союзных держав также активно участвовали в парадах и смотрах. Так, в Екатеринбурге в параде приняли участие британские и сербские войска[541], в Чите – японцы. Во Владивостоке «годовщина освобождения от большевистского ига», состоявшаяся 29 июня, практически совпала с празднеством по случаю заключения мира в Версале, прошедшим 1 июля, и ознаменовалось масштабными торжествами. Парад в честь чехов запечатлели и

---

[538] Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора [и др.]. СПб., 1999. С. 17-50.

[539] Омск, 7 июня. 1919 г. // Сибирская речь. Омск. 1918. 7 июня.

[540] Местная жизнь. Парад войскам // Сибирская речь. Омск. 1918. 8 июня.

[541] Телеграммы // Правительственный вестник. Омск. 1919. 28 мая.

американские кинооператоры[542]. В рамках мероприятия часть одной из центральных улиц города была переименована в «Чехословацкий проспект»[543]. Именно там и состоялся парад всех союзных войск (американских, китайских, французских, британских, итальянских, японских, польских, русских, сербских и чехословацких) по случаю «праздника мира»[544].

Итак, военные церемонии, будучи одним из средств укрепления авторитета антибольшевистских правительств и демонстрации мощи армии, выступали также инструментом формирования и репрезентации единства антибольшевистских сил и союзников. Парады, являвшиеся «неотъемлемой частью городской зрелищной культуры»[545], привлекали к себе внимание значительной части городского населения. Подтверждается это не только газетными сообщениям о «десятках тысячах» зрителей, но и кино- и фотоматериалами, запечатлевшими очевидцев, зачастую с интересом наблюдавших за смотрами и парадами в таких городах как Омск, Екатеринбург, Владивосток[546].

Происходило, таким образом, вовлечение городских масс в ритуал по воссозданию братства по оружию между возрожденной русской армией и союзниками, который, в свою очередь, символизировал начало восстановления величия страны и возвращения ее в сообщество великих держав.

Торжественные заседания и банкеты. Праздничные застолья с участием представителей союзных наций являлись неотъемлемой частью всех крупных официальных церемоний. После создания единой антибольшевистской власти рауты и банкеты также как и военные торжества призваны были укреплять статус Омского правительства своим размахом. Так, по воспоминаниям

---

[542] Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985 [Электронный ресурс] // National Archives. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: https://catalog.archives.gov/id/24666 (дата обращения: 15.04.2018).

[543] Годовщина освобождения владивостокских граждан от большевистского ига // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 1 июля.

[544] Праздник мира // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 1 июля.

[545] Гефнер О.В. Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2015. №2 (6). С. 139.

[546] U.S. hdq'rs. in Vladivostok. Photo [Электронный ресурс] // Library of Congress. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: https://www.loc.gov/item/ggb2006005397/(дата обращения: 15.04.2018); Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985 [Электронный ресурс] // National Archives. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: https://catalog.archives.gov/id/24666 (дата обращения: 15.04.2018).

И.И. Серебренникова, банкет по случаю образования Всероссийского совета министров, состоявшийся 6 ноября 1918 г., отличался «большой роскошью и, нужно думать, стоил немалых денег». Что, по словам министра, являлось «новшеством в омской практике»[547].

В рамках встречи британских и французских эшелонов в Омске осенью 1918 г. торжественные обеды офицеров и солдат должны были сыграть важную роль в установлении единства между русскими и союзными войсками. В журнале заседания комиссии по организации встречи французов, в частности, отмечалось, что необходимо рассадить людей за столом «с таким расчётом, чтобы французский солдат сидел между двумя славянами»[548].

Согласно распорядку, офицеры и нижние чины обедали раздельно – первые в Гарнизонном Собрании[549], вторые – в помещениях Кадетского корпуса. Такое разделение, возможно, следует рассматривать как символическое отрицание тех порядков, которые были привнесены в армию после известного приказа №1 в 1917 г. Демонстративный отказ от революционной «демократизации» армии являлся еще одним свидетельством восстановления ее мощи и укрепления государственного порядка. В рекомендациях по организации мероприятия для офицеров указывалось на необходимость придать обеду «характер товарищеского угощения гостей, после длинного утомительного путешествия с участием только офицерской среды»[550], что можно трактовать как меру, направленную на укрепление союзнического единства посредством актуализации офицерской идентичности с присущей ей кастовостью.

Рассматривая банкеты как форму коммуникации антибольшевистских сил и союзников, необходимо отметить, что она сочетала в себе одновременно публичный и частный характер. Сам формат мероприятий предполагал установление неформальных, дружеских связей между русскими и иностранцами. В то же время речи, тосты, те или иные высказывания гостей и хозяев, попадая в

[547] Серебренников И.И. Гражданская война в России… С. 428.
[548] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л. 22 об. // ГАРФ.
[549] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л.25 об. // ГАРФ.
[550] Ф. Р-3952. Оп.1. Д.1. Л. 33 об.-34. // ГАРФ.

прессу, становились достоянием общественности и приобретали характер политических деклараций. Данная двойственность, а также тот факт, что на банкетах зачастую присутствовали представители политических группировок, отстаивавших различные взгляды, служили причиной того, что на некоторых мероприятиях подобного рода случались инциденты, вносившие диссонанс в процесс коммуникации между антибольшевистскими силами и союзниками.

Именно на «обеде с вином» в Челябинске, после завершения второго государственного совещания, прозвучало высказывание генерала А.Н. Гришина-Алмазова о том, что «Сибирь не нуждается в помощи союзников, но, наоборот, союзники нуждаются в Сибири, так как она – ключ к победе союзников, и что Сибирь не нуждается больше в чехах – они могут уходить»[551]. Рост амбиций генерала и его отход от принципов народовластия стали вызывать опасения союзников, заинтересованных в том, чтобы не допустить срыва процесса создания единой всероссийской власти, отмечает В.И. Шишкин[552]. В данных условиях, «несвоевременное и категоричное заявление» А.Н. Гришина-Алмазова оказалось удобным поводом для его удаления из состава военно-политического руководства антибольшевистских сил востока России.

Еще один инцидент произошел в Красноярске во время встречи отряда англичан под командованием Дж. Уорда в октябре 1918 г. По воспоминаниям полковника состав публики на ужине был весьма пестрым – казачьи атаманы и русские генералы, представители Городской Думы, Земства и других местных общественных организаций, люди в штатском «с мрачными, но возбужденными чертами лица» и «угрюмыми взглядами», местные эсеры, выступившие с «бешеной тирадой». Последовавшая затем попытка некоего казачьего офицера заставить оркестр, состоявший из военнопленных немцев и австрийцев, сыграть

[551] Шишкин В.И. Генерал А. Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа – сентябрь 1918 года) / В.И. Шишкин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2011. Т. 10. № 1. С. 86., Ф. Р-200. Оп.1. Д.127. Л.5. // ГАРФ.

[552] Шишкин В.И. Генерал А. Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры… С. 86-87.

гимн «Боже, царя храни», «превратила банкет в сцену невообразимого скандала»[553].

Инцидент стал предметом активного обсуждения в прессе. Красноярские социал-демократы предпочли возложить ответственность за скандал на военных. «Каким образом высшие и ответственные представители армии допустили на политическом банкете черносотенно-монархическое выступление части офицеров, совершенно непонятно…», – вопрошал автор статьи, помещенной в газете «Дело рабочего»[554]. Кадетская печать и военные, тем временем, заостряли внимание на поведении председателя Уездной земской управы И.В. Казанцева. По мнению Начальника штаба красноярского гарнизона, подп. Ясенского, именно содержание речи И.В. Казанцева и способ ее произнесения вкупе с «излишне поглощенным количеством спиртных напитков», вывели из равновесия, как самого оратора, так и некоторых невыдержанных офицеров, один из которых впоследствии и приказал играть гимн[555].

В передовой статье иркутской кадетской газеты «Свободный край», также обратившей внимание на инцидент, признание заслуг и героизма армии сочеталось с призывом воздержаться от политических выступлений, обращенным к офицерам. В то же время, стремясь как бы оправдать поведение участников инцидента, автор статьи отмечал, что причиной проявления монархических чувств являлся «психический надлом», вызванный тяжелой и длительной войной. Интересен также призыв «дать еще одно доказательство государственности русского офицерства в том смысле, что уроки пережитого воспитали и воспитывают защитников родины на образец офицерства западных демократий – Англии и Франции»[556]. В данном случае, как это часто бывало в кадетской риторике, представители держав Антанты выступили эталоном, на который необходимо было равняться.

---

[553] Уорд Дж. Указ. соч. С. 64.
[554] Так кончился пир их бедою! // Дело рабочего. Красноярск. 1918. 27 окт.
[555] Письмо в редакцию // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 31 окт.
[556] Иркутск, 5 ноября // Свободный край. Иркутск. 1918. 5 ноября.

Для военных банкеты выступали частью ритуала братания между «возрожденной русской армией» и союзниками, призванного искупить вину России за «позорное», по мнению антибольшевистских сил, братание солдат русской и германский армий в 1917 г. Представители различных политических групп, в свою очередь, стремились добиться лояльности союзников. «Каждая из партий полагает, что союзники окажут помощь именно ей, именно программа и стремления этой, а не какой-либо другой партии встретят сочувствие союзников», – отмечалось в красноярской газете «Воля Сибири»[557]. Как можно видеть, красноярский банкет вопреки изначальной установке на формирование дружеских отношений русских и англичан, а также демонстрации стремления антибольшевистских сил к совместной с союзниками борьбе, лишь подтолкнул полковника Дж. Уорда к мнению о «глубоком разброде мнений среди моих русских хозяев»[558]. По воспоминаниям В. М. Зензинова, инциденты с пением гимна «Боже царя храни» пьяными офицерами, случались неоднократно. Союзники, которые становились невольными свидетелями подобных сцен, по словам политика, впоследствии официально запрашивали омское руководство о том, «как Правительство терпит подобные монархические манифестации»[559].

Неизбежным следствием участия Антанты и США в российской междоусобице являлись как боевые потери среди войск интервентов, так и гибель гражданских представителей союзных держав из-за болезней и различных несчастных случаев. ***Торжественные похороны*** погибших и умерших иностранцев с участием официальных лиц также следует рассматривать как один из способов формирования символического единства антибольшевистских сил и союзников.

В период потрясений 1917 г. торжественные похороны «борцов за свободу» и «героев революции» проводились во время различных «праздников свободы», являвшихся одним важнейших элементов новой революционной политической

[557] Красноярск, 25 октября // Воля Сибири. Красноярск. 1918. 25 окт.
[558] Уорд Дж. Указ соч. С. 64.
[559] Зензинов В.М. Из жизни революционера. Париж, 1919. С. 115.

культуры[560]. Обряд «красных похорон», сложившийся в общих чертах еще до революции, применялся большевиками в годы Гражданской войны с целью увековечивания определённых лиц и событий недавнего прошлого и формирования необходимых Советской власти социальных представлений и символов[561]. Вместе с тем, политизированные торжественные погребения жертв Гражданской войны играли важную роль и в идеологических практиках антибольшевистского движения.

Акцентирование внимания на потерях, понесенных чехословацким корпусом, позволяло наглядно продемонстрировать читателям высокие моральные качества «братьев-славян» и объяснить их задачи. Приводя письмо одного из бойцов-чехословаков, описывавшего боевые будни их подразделения, редакция «Народной газеты» отмечала, что «цель самопожертвования» «наших доблестных друзей» – освободить свою родину от немецкого ига[562].

С другой стороны, смерть иностранных солдат должна была стать выражением искреннего стремления союзников оказать России помощь в ее возрождении. «Светлая память о жертвах, понесённых Вами и имена Ваших героев, навсегда останутся в благодарном сознании братского Вам русского народа наряду с именами родных героев, отдающих наивысшее благо – жизнь за светлое будущее Новой Свободной России», – значилось в адресе, поднесенном представителю Чехословацкого правительства И.И. Глоссу членами Новониколаевской Городской думы в годовщину восстания[563].

В то время как ритуал «красных похорон» носил светский и политизированный характер, антибольшевистские силы продолжали опираться на христианскую традицию. Кроме того, церемонии погребения военнослужащих проходили в соответствии с ритуалом воинских похорон.

Примером подобного мероприятия может служить торжественное погребение британского полковника Э. Стила, умершего от воспаления легких в

---

[560] Колоницкий Б.И. Указ соч. С. 45.

[561] Красильникова Е.И. Коммеративное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 2. С. 72.

[562] Интересное письмо с Иркутского фронта // Народная газета. Томск. 1918. 11 июля (28 июня).

[563] Из местной жизни. К 25 мая // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 31 мая.

октябре 1919 г. «Среди присутствующих на похоронах были члены Британской военной миссии в Омске и почти все, кто представлял хоть какую-то важность в официальном мире», включая главнокомандующего, генерала Дитерихса, генерала, представлявшего Верховного правителя, председателя Совета министров и генерала Жанена. Дух единства союзных наций выражался в элементах обряда – в церемонии участвовали представители всех подразделений Омского гарнизона, в том числе Конвой адмирала А.В. Колчака. Гроб несли как английские, так и русские офицеры. В приказе Дитерихса говорилось – «хотя этот британский офицер погиб в Сибири, союзной ему земле, все же он умер за идеал – идеал восстановления России как великой Силы, и за избавление тех, кто страдает от притеснений и бича в Советской России»[564].

Материальным воплощением идеи единства русских и союзников, инструментом героизации участников интервенции и увековечивания памяти о них стали памятники, поставленные погибшим солдатам и офицерам союзных армий на огромных пространствах востока России. Масштабную деятельность в данном направлении развернули чехи, организовавшие три мастерские по изготовлению надгробий, монументов и других художественных изделий, находившихся в Уфалее, Иркутске и Владивостоке[565]. Силами мастерских был создан и установлен целый ряд памятников во многих сибирских городах, первым из которых стал монумент в Челябинске, завершенный к 27 сентября 1918 г.[566] Монументы возводились не только для чехов. Как указывает Т. Якл, во Владивостоке одной из работ мастерских стало строительство памятника для канадских солдат[567]. Существовали и иные способы увековечивания. В Иркутске в память о погибших чехах, словаках и русских был заложен храм[568].

Открытие памятников сопровождалось торжествами, в ходе которых актуализировались идеи союзного единства и славянского братства. Кроме того,

---

[564] Суманосов В.А. Гражданская война в России глазами интервента. Из мемуаров подполковника Эдварда Энтони Стила // Сибирский исторический альманах. Красноярск, 2011. Т. 2. С. 245.

[565] Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 2 (19). С. 94-95.

[566] Там же. С. 83.

[567] Там же. С. 93

[568] Памятник воинам // Сибирский вестник. Омск. 1918. 25 окт.

данные мероприятия играли важную роль в процессе конструирования идентичности самих чехов. Так, на открытии памятника во Владивостоке 1 мая 1919 г. доброволец д-р Хорвата в своей речи отметил важность праздника для всей нации, «которая после 300-летнего порабощения впервые получила возможность познать себя»[569].

Также как и парады, ритуальные акты, связанные с погребением и отданием почестей, привлекали к себе немалое количество участников и очевидцев – военнослужащих и гражданских. Это подтверждается как газетными сообщениями, так и кадрами кинохроники[570] и фотографиями[571]. Примечательно, что отсутствие представителей местных властей на мероприятиях, связанных с поминовением или чествованием союзников, обращало на себя внимание прессы. В октябре 1918 г. «Сибирский вестник» отметил в заметке отсутствие официальных представителей города на панихиде по погибшим японским солдатам в Хабаровске[572]. А в июне 1919 г. пресса сообщала о возмущении местных жителей поведением иркутской Городской Думы, уклонившейся от чествования чехословаков[573]. По сообщению красноярской кадетской газеты, иркутская Дума, где преобладали левые, отказалась участвовать в празднике по причине того, что Омское правительство не оправдало надежды социалистов. Такая позиция, разумеется, вызвала непонимание и критику в адрес «революционной демократии»[574].

Таким образом, похоронные обряды, места их проведения, а также памятники, посвященные погибшим союзникам можно определить как своего рода «места памяти», призванные укоренить в сознании населения позитивно-героический образ Другого-помощника в лице союзников и чехов, отдавших свои

---

[569] Открытие памятника чехословакам // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 3 мая.

[570] Так, на церемонии возложения венков на могилу чехословаков на Морском кладбище во Владивостоке американский кинооператор зафиксировал присутствие большого количества посетителей. См. Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985 [Электронный ресурс] // National Archives. Электрон. дан. [Б. м.]. URL: https://catalog.archives.gov/id/24666 (дата обращения: 15.04.2018).

[571] Купцов И.В. Краткая история чехословацкого корпуса (К установке памятника чехословацким легионерам в 2011 году) // Гороховские чтения : материалы пятой рег. музейной конф. Челябинск, 07 ноября 2014 г. Челябинск. 2014. С. 274.

[572] Телеграммы. Хабаровск // Сибирский вестник. Омск. 1918. 25 окт.

[573] Телеграммы. Красноярск // Правительственный вестник. Омск. 1919. 6 июня.

[574] Красноярск, 4 июня // Свободная Сибирь. Красноярск. 1919. 4 июня.

жизни за «возрождение России». Важно отметить также, что нередко упоминания о погибших в Сибири иностранцах звучали на страницах печати как адресованный обществу призыв оказать поддержку правительству или же как упрек в недостаточном патриотизме. Нередкими в печати были слова, подобные данному призыву томской «Нашей мысли», «…будем надеяться, что не угасла еще в народе вера в лучшее будущее, что окрылит его на новые подвиги пример, хотя бы наших братьев чехословаков, не задумавшихся пожертвовать всеми личными интересами ради блага и свободы их отчизны, столь же многострадальной, как и наша измученная Россия»[575].

Важным элементом всех вышеупомянутых торжеств и мероприятий являлась демонстрация определенной ***символики.*** Согласно мнению Б.И. Колоницкого, Февральская революция «фактически (хотя и не юридически) знаменовала собой полный разрыв со старой государственной символикой». Символика революционного подполья (красные флаги и банты, «Марсельеза» и «Интернационал» и пр.), которая на протяжении 1917 г. утверждалась в качестве государственной, была впоследствии использована большевиками, положив начало советским символам власти[576]. Символика антибольшевистских сил востока России в силу их политической неоднородности отличалась многообразием. Красные флаги и георгиевские знамена КОМУЧа, бело-зеленый флаг автономной Сибири – все эти символы использовались противниками советской власти на начальном этапе войны.

«Бело-зеленый флаг символизировал подъем патриотического чувства и стремление к законной власти. Он померк перед яркими цветами русского национального флага, но стал историческим, как стало историческим Сибирское Правительство <…> Она (Директория – К.К.) внесла еще большее единство в движение государственности, она выдвинула трехцветный национальный флаг», – так характеризовал процесс создания единой власти Г.К. Гинс, во время

[575] К формированию Сибирской армии // Наша мысль. Томск. 1918. 27 июня.
[576] Колоницкий Б.И. Указ. соч. С. 343-344.

празднования годовщины «освобождения Сибири» от большевиков[577]. Возрождение российской государственности, таким образом, явственно выражалось в возвращении бело-сине-красного национального флага. Между тем, и в период существования Директории, и позже – при правительстве А.В. Колчака – бело-зеленый сибирский флаг и российский триколор применялись зачастую вместе[578]. Если национальный флаг, использование которого осенью 1918 г. было, по словам В.Г. Болдырева, «вопросом чрезвычайно деликатным»[579], должен был символизировать преодоление революционной анархии, то вывешивание бело-зеленого знамени после создания Директории должно было свидетельствовать о важной роли Сибири в деле «возрождения страны», заявляя в то же время об уровне амбиций Омска.

Использование государственной символики являлось неотъемлемой частью всех официальных торжеств, устраивавшихся руководством антибольшевистских сил. Как следует из сообщений прессы о различных мероприятиях, городские улицы, вокзалы и площади сибирских городов украшались национальными и сибирскими флагами и ветками зелени. Например, в день открытия Сибирской областной Думы Томск был украшен бело-зелеными флагами – символом сибирской автономии. Зал заседаний Думы в здании университетской библиотеки также был «декорирован бело-зелеными и национальными флагами, союзников, сибирских народностей, гербами воссоединенной Сибири». Над председательским местом была помещена надпись зеленым по белому: «Через автономную Сибирь – к возрождению свободной России!»[580]. Представление о том, как был украшен зал библиотеки, дает рисунок, опубликованный в томской газете «Понедельник»[581].

Фраза «город украшен флагами» впоследствии сопровождала не одну публикацию, посвященную торжествам, в том числе и с участием иностранных

---

[577] Беседа с министром Г.К. Гинсом // Правительственный вестник. Омск. 1919. 1 июля.

[578] Журавлев В.В. Государственная символика «белой» Сибири [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Электрон. дан. [Б. м.], 1998-2016. URL: http://zaimka.ru/zhuravlev-state-symbols/ (дата обращения 09.04.2018).

[579] Болдырев В.Г. Указ соч. С. 64.

[580] Областная Дума // Сибирский вестник. Омск. 1918. 17 августа.

[581] Зал заседаний Областной Думы // Понедельник. Томск. 1919. 26 авг.

гостей[582]. Украшена флагами была и резиденция Российского Правительства в Омске. Так, по словам автора одной из статей томского журнала «Страна» на вершине башни генерал-губернаторского дома, где располагался Совет Министров, вилось огромное знамя, которое было видно из любой части новой столицы. С балкона над подъездом также свешивались два бело-сине-красных флага[583].

Очевидно, что демонстрация символики стран Антанты и США в ходе встреч союзных войск в сибирских городах должна была играть определенную роль. В рамках подготовки встречи союзных эшелонов в Омске осенью 1918 г. организаторы заранее озаботились поиском и изготовлением флагов держав Антанты. Кроме того, по мере возможности, власти стремились украсить город к прибытию «дорогих гостей». Так, в протоколах заседаний комиссии по встрече французских войск упоминаются флаги, материя и зелень для украшения вокзала, некоторых городских улиц и специальных декоративных конструкций – арок и колонн. Бумажными флажками и зеленью предполагалось украсить также эшелон с войсками. Помимо того, указывалось на необходимость усиления освещения городских улиц по случаю торжеств[584]. Флажками из бумаги (русским, французским, чешским и сербским) украшались столы для обеда во время встречи французов[585].

Демонстрация символики союзных держав не просто являлась украшением городской среды и проявлением уважения к гостям, но и четко обозначала для обывателя присутствие дружественных иностранных войск, стремящихся оказать России помощь. Сочетание национальной русской (национальный и сибирский флаги) и союзной символики являлись зримым воплощением единства и выражением того, что Россия не покинула Антанту, а союзники – Россию. «Двуцветное бело-красное знамя соединилось с юным бело-зеленым и пробудило

---

[582] См. напр. Внутренние известия. Чита // Правительственный вестник. Омск. 1919. 26 окт.; Телеграммы. Владивосток // Правительственный вестник. Омск. 1918. 21 ноября.; Томск // Правительственный вестник. Омск. 1919. 6 июня.

[583] Г. С-ов. Жизнь Совета Министров. Из личных наблюдений // Страна. Томск. 1919. №1. С. 16.

[584] Ф. 3952. Оп.1. Д.1. Л. 12., Л. 20. // ГАРФ

[585] Ф. 3952. Оп.1. Д.1. Л. 22 об. // ГАРФ

к жизни старое, славное трехцветное», – так, метафорически газета «Голос Сибиряка» представляла совместную борьбу русских и чехов за воссоздание России[586]. Весьма примечательно, что почти девятью месяцами ранее – в сентябре 1918 г. демонстративное вывешивание трехцветного флага у здания партии кадетов в Новониколаевске вызвало в городе «толки и пересуды о возвращении монархического режима». В результате, по распоряжению местных властей, флаг был снят с целью «успокоения»[587]. В данном примере, отражается, как представляется, совершенно разное восприятие различными политическими силами одного и того же символа. Если в первом случае в словах «старое» и «славное» можно разглядеть апелляцию к временам наибольшей силы и мощи России, отсылку к ее победам, то во втором – само появление в городской среде «старорежимного» флага впервые после февральского переворота, означало для некоторых попытки реставрации.

Интересен в связи с этим эпизод, получивший широкую огласку в прессе и связанный с речью полковника Дж. Уорда, произнесенной им во время встречи британского отряда в Иркутске. Затронув тему национальных символов, полковник, заметивший на городской станции красное знамя вместо отсутствовавшего триколора, отметил, что даже если бы в Британии было 20 революций, то он «все-таки не мог бы представить себе, чтобы англичане стали стыдиться английского флага или бояться называть себя англичанами»[588]. Высказывание, вызвавшее шумную овацию присутствовавшей публики, впоследствии неоднократно упоминалось в «государственно мыслящей» печати. Так, кадетская газета «Свободный край» отмечала, что «устами солдата-демократа нам преподан был урок истинного патриотизма и высокой гражданственности, недоступных пониманию даже представителей избранных, интеллигентных слоев русского населения». Позиционируя англичан как образец

[586] Екатеринбург 25 мая. // Голос Сибиряка. Екатеринбург. 1919. 25 мая.
[587] Разные сообщения. Новониколаевск // Сибирский вестник. Омск. 1918. 18 сент.
[588] Уорд Дж. Указ. соч. С. 56.

для подражания, автор статьи призывал общественность к патриотизму и самопожертвованию и критиковал «защитников интернационала»[589].

Вместе с тем, присутствие союзной символики не всеми и не всегда расценивалось как дружественный акт. Газета «Свободный край», сообщая о вывешивании японскими войсками своих национальных флагов над зданиями вокзала и почты в Верхнеудинске, риторически восклицала: «что же это значит?»[590]. А прибывший во Владивосток в ноябре 1918 г. полковник Н.А. Андрушкевич впоследствии писал: «торчащие повсюду японские жандармы, японские флаги, рассованные повсюду кстати и некстати, обилие японских войск без видимой и ясной цели и т. д. не настраивали русских на благожелательное отношение к японцам»[591].

Флаги союзных стран, которыми был обозначен литерный поезд Верховного Правителя во время отступления из Омска, рассматривались уже не как символ союзного единства, а как символ предательства и смерти. «Среди флагов пяти великих держав, под сенью которых несчастный русский адмирал А.В. Колчак шествовал на свою последнюю Голгофу, развевался и флаг страны Восходящего Солнца», – писал полковник Г.И. Клерже. Считая Японию единственной страной, способной оказать реальную помощь антибольшевистским силам в конце 1919 г., полковник отмечал, что на присутствие японского флага на поезде А.В. Колчака «надо смотреть лишь как на церемониальное участие его в обычной траурно-погребальной процессии…»[592].

Подводя итог, необходимо отметить следующее.

Все существовавшие в Омске в 1918–1919 гг. правительства[593], осуществляя свои сценарии власти, стремились к реализации мифа «о возрождении России». В рамках данных сценариев с помощью церемоний и символов формировались

---

[589] Иркутск, 18 октября // Свободный край. Иркутск. 1918. 18 окт.

[590] «Военный приз» // Свободный край. Иркутск. 1918. 6 октября

[591] Андрушкевич Н.А. Последняя Россия. Воспоминания о дальнем Востоке // Кадетская перекличка. Нью-Йорк. 2005. №76. С. 262.

[592] Клерже Г.И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания. Новосибирск, 2012. С. 268.

[593] Имеются в виду Временное Сибирское правительство, Директория и Российское правительство адмирала А.В. Колчака.

позитивные образы сильной власти и союзников, которым отводилась роль помощников и учителей, на опыт которых необходимо ориентироваться.

Мотив единения антибольшевистских сил и союзных наций являлся ключевым в ходе реализации официальных торжеств. Демонстрация восстановленного единства России и Антанты проявлялась, в первую очередь, в возрожденном братстве по оружию, что выражалось не только в осуществлении совместных боевых операций, но и символически – в ходе проведения церемониальных маршей и смотров войск в сибирских городах – мероприятий, способных оказывать определенное эмоциональное воздействие на зрителя.

В противовес пантеону павших «героев революции», формировавшемуся по ту сторону фронта, антибольшевистские силы создавали образы своих «героев» и «мучеников», погибших за дело возрождения России. Важное место среди них помимо русских, должны были занимать и иностранцы, как братья-славяне, так и западные и восточные союзники, служившие, с одной стороны, символом союзного единства, а с другой – немым укором всем тем, кто еще не принял участия в деле спасения Родины.

Банкеты как способ осуществления дружеского общения представителей различных стран, застольное братание солдат союзных наций, с помощью которого «возрожденная русская армия» дистанцировалась от братаний старой армии с немцами в 1917 г., вместе с тем, были способны стать местом раздора и внесения непонимания в процесс коммуникации между русскими и союзниками.

Немаловажным сопутствующим элементом всех торжеств являлась символика. Демонстрация российского трехцветного национального флага в сочетании с флагами союзных держав в ходе официальных мероприятий призвана была убедить общественность и самих союзников в начавшемся возрождении Российского государства, стремящегося занять свое законное место среди великих держав.

Присутствие значительного количества людей, в первую очередь различных категорий городского населения и военнослужащих, на официальных церемониях с участием представителей власти и союзников обеспечивало вовлечение

общественности в процесс формирования единства России и Антанты и позволяло донести до масс ключевые идеи и ценности антибольшевистского движения посредством зримых образов.

Подытоживая все вышеизложенное, в первую очередь необходимо отметить, что всякий нарратив упорядочивая и структурируя социальную и политическую реальность, окружающую человека также обеспечивает ее объяснение с помощью выстраивания причинно-следственных связей[594]. Данное свойство позволяет использовать политические нарративы для донесения тех или иных концепций. В основе рассмотренного нарратива «о возрождении России» лежала идея о том, что борьба с большевиками – есть борьба за «*воссоздание России* в полном ее объеме, в полном ее величии»[595].

Участниками этой борьбы, наряду с антибольшевистскими силами, выступали и союзники. Причем обоснование вмешательства иностранцев во внутрироссийский конфликт происходило в рамках переплетения двух историй – нарратива «о возрождении» и рассказа о «Великой войне». Именно через позиционирование фронтов Гражданской войны как нового восточного фронта, шло конструирование образа союзников как помощников, совместно сражавшихся с белыми против «германо-большевиков». Продвижение данной идеи в информационном пространстве осуществлялось с помощью ежедневного информирования населения на страницах газет и в рамках символических практик – торжеств и церемоний.

Трактовки образа союзников несколько варьировались на различных этапах и в рамках различных дискурсов. Зависело это, в том числе, от оценок Мировой войны. Так, левые рассматривавшие войну как столкновение двух империалистических блоков, выражали опасения относительно вмешательства иностранцев в внутрироссийские события, в то время как либералы, выступавшие за продолжение войны с начала 1918 г., воспринимали союзников как потенциального помощника и спасителя. Брестский мир и эскалация Гражданской

[594] Шейгал Е.И. Многоликий нарратив // Политическая лингвистика. 2007. №22. С.87.
[595] Омск, 15 октября // Русская армия. Омск. 16 окт.

войны на востоке страны, способствовали укоренению идеи о союзе между немцами и большевиками, что влияло на репрезентацию союзников, которые теперь представали в качестве помощников в либеральном, левом и правительственном дискурсах.

Кульминацией нарратива должно было стать создание единого правительства признанного союзными государствами и окончательная победа над большевиками и немцами. Это открывало дорогу к «светлому будущему» в антибольшевистской трактовке – Россия становилась сильным современным государством, равным партнером держав-победительниц в Мировой войне.

Невыполнение данного условия вело к размыванию позитивного образа Другого-помощника, в лице которого пытались представить союзников. Окончание войны, неудачи белых армий, противоречия среди союзников – все это заставляло белых искать новые причины для дальнейшего продолжения интервенции. Результатом чего стала трансформация нарратива о «Великой войне», которая теперь представала в образе войны не против Центральных держав, а против новой угрозы для устанавливающегося миропорядка. Война с новым злом, должна была стать войной за спокойное будущее для всей Западной цивилизации.

Однако белым не удалось убедить лидеров стран Антанты и США в важности широкомасштабной борьбы с большевизмом, так же как и в том, что союзникам в будущем будет необходима единая Россия, ради величия которой иностранные войска должны участвовать в Гражданской войне.

Стремясь рационально объяснить действия союзников, белые указывали как на проблему недостаточной информированности зарубежных политиков об истинной сущности большевизма, так и напрямую критиковали Антанту и США за стремление использовать распад России в своих целях. Именно бездействием союзников некоторые представители Белого движения впоследствии объясняли свое поражение.

ГЛАВА 3 Представления о союзниках в процессе политической самоидентификации антибольшевистского движения востока России

Как уже было отмечено выше, в рамках нарратива «о возрождении России» союзники представали одновременно в двух ипостасях. Представление их в образе Помощника отражает стремление антибольшевистских сил добиться поддержки со стороны великих держав, а также укрепить собственный авторитет. В то же время, союзные страны и представители славянских народов, принявшие участие в Гражданской войне, исходя из логики актантной модели А. Греймаса, могут быть определены также как Отправитель (Адресант)[596]. В данной роли союзники могут быть рассмотрены как носители и даже олицетворение ряда идей, которые оказались важными элементами набора позитивных ценностных установок антибольшевистского движения.

Легитимация антисоветских правительств, равно как и успех в войне с советской властью, во многом зависели от способности антибольшевистских сил предложить обществу альтернативу идеям и лозунгам большевиков. С помощью ценностей и идей, выраженных в дискурсах антибольшевистского движения, происходило конструирование новой коллективной идентичности, призванной сплотить массы. Как известно, «отграничение “Я” от “Другого” является *активной* (курсив автора – К.К.) и продолжающейся частью формирования идентичности»[597]. В данном случае образ Другого, то есть союзников как носителей определенных идей, необходимо рассматривать в качестве важного фактора, оказывавшего влияние на процесс самоидентификации антибольшевистского движения. Как отмечает в связи с этим Л.П. Репина, «…изучение индивидуальных и коллективных представлений о других народах (оставляя в стороне вопрос об их соответствии реальности или ее искажении)

[596] Греймас А.-Ж. Структурная семантика… С. 256-257.

[597] Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 68

открывает путь к проникновению в духовную жизнь того общества, в котором эти представления складываются и функционируют»[598].

Данная глава посвящена анализу образа союзников как образца для подражания, эталона, на который ориентировались антибольшевистские силы при конструировании идентичностей нескольких уровней – наднациональной и национальной.

3.1 «Туманный Альбион» и «Прекрасная Франция» – европейские союзники России как носители позитивных ценностей антибольшевистского движения

Согласно подсчетам М.М. Стельмака, британские и французские союзники упоминались в правительственной прессе чаще остальных дружественных наций – 205 и 173 публикации соответственно за период с августа 1918 г. по ноябрь 1919 г. Для сравнения, США – 160 публикаций, Япония – 136, Чехословацкий корпус 107[599]. Данная статистика свидетельствует о повышенном интересе идеологов и лидеров антибольшевистских сил к старым союзникам России по Антанте.

За достаточно короткий, но чрезвычайно насыщенный событиями период с 1914 по 1918 гг., представления о странах Сердечного согласия претерпели, как отмечалось выше, ряд метаморфоз. Даже во время Великой войны, несмотря на дружественный тон правительственной пропаганды, образ союзников носил крайне противоречивый характер[600].

Оценочные суждения, характеризовавшие союзников – в данном случае британцев или французов – выступали в качестве подтверждений или опровержений высказывавшихся в печати мнений относительно внутрироссийских проблем. Ссылка на зарубежный опыт стала одним из методов ведения спора в ходе идеологической межпартийной борьбы среди небольшевистских политических сил. В то время как левые в начале 1918 г. в

---

[598] Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 13.

[599] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири… С.316-321.

[600] Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 128.

одинаковой степени считали опасным как германский, так и английский империализм[601], выражая, однако, надежду на помощь западного пролетариата «русским борцам за идеалы международного социализма»[602], либералы-государственники использовали авторитет Британии для критики своих политических оппонентов.

Красноярские кадеты на станицах своей газеты еще в январе 1918 г. выражали несогласие с социал-демократом Мартыновым, считавшим, что в происхождение войны кроется в столкновении германского и английского империализма. Отмечая, что «современный русский человек <…> в сравнении с англичанином еще сущий дикарь», автор статьи, указывал, что «…Англией в ее выступлении на арену мировой войны руководили высшие интересы цивилизации и права, а не шкурные интересы»[603]. Вместе с тем, левые и накануне краха Германской коалиции продолжали указывать на то, что истинными причинами войны являлся клубок противоречий между империалистическими державами. «Можно сказать с уверенностью, что если бы более готовыми почувствовали себя французы и англичане, начали бы они», – писал эсдек П.А. Казанский, считая, что Германия начала войну первой лишь потому, что чувствовала себя готовой к противоборству с союзниками[604].

Итак, каким набором характеристик обладал образ Британии и британцев в официальном и партийном дискурсах после эскалации гражданской войны на востоке?

Официальная и проправительственная либеральная (кадетская) печать, на страницах которой осуществлялась репрезентация базовых для антибольшевистского движения идей единства и величия России, народоправства, необходимости возрождения армии, активно апеллировала к опыту зарубежных стран с целью подкрепления отстаиваемых положений.

---

[601] Денисов В. Угроза самостоятельности России // Земская газета. Томск. 1918. 14 января.
[602] Декларация фракции социалистов-революционеров // Путь народа. Томск. 1918. 9 марта (24 февр.)
[603] Русский социализм и международные отношения // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 янв.
[604] Казанский П. Иностранное обозрение. Концы и начала // Сибирской рассвет. Барнаул. 1919. №1. С. 81.

Важную составляющую идеи «Единой и неделимой» – тезис о «единстве» следует рассматривать в двух значениях. Первое подразумевало территориальное единство страны, и, смыкаясь с понятием неделимость/нераздельность России, выражало идею сохранения целостности государства. Другое значение термина «единство» подразумевало, как отмечает В.П. Слободин, «общенациональное объединение всех слоев российского общества»[605]. «Принципу интернационализма мы противополагаем принцип национального объединения и самосознания. Принципу классового господства – начало общегосударственного интереса. Революционному социализму – принцип социальных реформ, руководимых интересами целого. Социальной метафизике мы противопоставляем трезвую политику патриотизма во благо России, ее настоящего, и ее будущего»[606] – так формулировались ключевые ценности Белого движения редакцией газеты «Отечественные ведомости».

Тема единства общества, как уже отмечалось выше, являлась одной из ключевых в официальной и партийной пропаганде в период существования без исключения всех антибольшевистских правительств. Заострение внимания на том, что интервенция союзников, осуществляемая с благими целями, на деле является очередным унижением России, – являлось сознательным давлением на «болевую точку», попыткой разбудить угасший патриотизм в среде сибирской общественности, заставить прекратить партийные склоки, сплотиться вокруг центральной власти и активизировать борьбу с большевиками[607].

Кроме того, положительный пример союзников неоднократно выступал своего рода эталоном и мотивирующим примером. «Если нам еще мало своих отрицательных уроков, будем учиться у союзных старейших демократий, где перед делом спасения свободы и национальности от германского погрома склонили головы все общественные группы, рухнули все перегородки – в едином

[605] Слободин В.П. Белое движение в годы гражданской войны в России (1917–1922 гг.). М., 1996. С. 71.
[606] Наше исповедание веры // Отечественные ведомости. Екатеринбург. 1918. 8 окт. (25 сент.).
[607] См. напр. Грозное предостережение // Народная газета. Томск. 1918. 13 сент.

стремлении к победе и возрождению. В национальном единстве – спасение», – отмечалось в «Вестнике Временного Всероссийского правительства»[608].

На страницах либеральных и кадетских газет именно Великобритания зачастую представала в качестве образца для подражания и идеала политического и общественного устройства, к которому должна стремиться Россия. Такой взгляд на Англию сложился в среде русской либеральной интеллигенции[609] и, в частности, у некоторых лидеров партии народной свободы накануне и во время мировой войны[610].

Победа Антанты лишь укрепила данное представление. Как отмечала газета «Русская речь», несмотря на заслуги Франции, «Англия – та страна, которая явилась истинным организатором победы». Англичане и американцы, по словам газеты, «показали миру необыкновенную силу англо-саксонского духа – изумительную выдержку, непоколебимую настойчивость и трезвость взгляда»[611].

Ориентация послевоенной возрожденной России на Англию некоторыми авторами провозглашалась как наиболее приемлемый путь развития для страны – «истинное благо для русской демократии». Так, Л. Валентинов на страницах омской «Зари» в марте 1919 г. отмечал, что в отличие от Германии, в который скрыт «опасный для русских духовный яд», Англия «менее страшна нам, она дальше от нас, меньше притязает на нас, ее интересы менее противоположны нам». Исходя из этого, автор делал вывод – «с Англией нам по пути!», и призывал также к сближению с другими странами «Сердечного согласия»[612].

Сравнивая Россию с Британией, кадеты указывали на отсталость России в той или иной сфере, призывая использовать опыт «просвещенного Запада» при построении новой государственности. Рассуждая о вопросах правотворчества, газета «Свободная Сибирь» отмечала – «наши судебные уставы – это наша великая хартия вольностей, ибо в деле защиты свободы личной, они имели такое

---

[608] А.Ф. Омск, 7 ноября // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск. 1918. 7 ноября.

[609] Оболонкова М.А. Репрезентация образа англичан в сознании российских интеллектуалов и Первая мировая война // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 3 (38). С. 55.

[610] Кривоногова С. А. П.Н. Милюков об Англии, англичанах и их политике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2013. Т.13. №2. С. 37-39.

[611] К победе союзников // Русская речь. Новониколаевск. 1918. 22 ноября

[612] Тевтоны или англосаксы // Заря. Омск. 1918. 4 марта.

же значение, как великая хартия в Англии». Разница в том, что в Англии хартия в 1215 г. была создана английским национальным гением и одновременно с ней зародились и конституционные учреждения, а наши судебные уставы появились у нас как экзотическое растение, вне всякой связи с остальными сторонами нашей жизни»[613].

Особое внимание обращали кадеты на то, что «демократизация государств англосаксонской расы отличается характерными особенностями, суть коих заключается с одной стороны, в строгой законности, сознанием которой проникнуты широкие массы населения, а с другой стороны, в эволюционном направлении общественной мысли». Предполагалось, что именно по данному образцу «пойдет развитие государственности и других народов». При этом кадеты не упускали возможности раскритиковать своих политических оппонентов – социалистов, отмечая: «в Англии и Америке, в противоположность, нашей революционной демократии, не смотрят на революцию, как на абсолютную цель и не делают из революции божка, пред которым должно быть принесено в жертву все: и родина, и здоровый патриотизм»[614].

Характерной чертой идейной эволюции кадетов на востоке России стало выдвижение на первый план идеи сильного государства в противовес лозунгам левых о «народовластии». Это предопределяло и отношение к вопросу о возможности диктатуры[615]. Представители сибирских отделений партии народной свободы считали, что для спасения России в экстремальных условиях гражданской войны необходимо усиление полномочий государства, следствием чего стала их поддержка диктатуры А.В. Колчака. Приводя в пример Англию, кадеты стремились показать, что, несмотря на важность демократии, первоочередной ценностью должны являться интересы государства. Особый интерес в связи с этим вызвала речь полковника Дж. Уорда по случаю его прибытия в Сибирь.

---

[613] Всероссийский Правительствующий Сенат и Сибирский Высший Суд // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 9 окт. (26 сент.).

[614] Иркутск, 8 ноября // Свободный край. Иркутск. 1918. 8 ноября

[615] Хандорин В.Г. Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири… С. 156.

По словам автора одной из статей в газете «Свободный край», «ему (Дж. Уорду – К.К.) привыкшему сочетать самые демократические идеалы его страны с преданностью своему королю, ему всегда и везде ставящему на первый план интересы родины, прямо-таки недоступной пониманию показалась эта атрофия национального чувства, этот наш самобытный «интернационализм», которым отмечена русская жизнь от верхов до низов»[616]. «Перед нами, – отмечалось в другой публикации, – бодрые не знающие этой ужасной болезни – партийности, твердые англичане. Люди сгущенной воли». Отметив превосходство британцев в политическом и военном плане, автор призывал «взять с них пример, отбросить партийную рознь»[617].

Также обращаясь к речи Уорда, кадет Н. Лавров посвятил пространную статью политической системе Англии и значимости помощи этой страны для России. «„Конституционная монархия" вот слова, при звуке которых наша "революционная демократия" бледнеет, затыкает уши и падает в обморок, хотя вряд ли сотая часть этой демократии ясно представляет себе сущность конституционализма, парламентаризма и действительно понимает разницу между сущностью (а не формами) конституционной монархии и сущностью республики», – с такими словами обрушивался автор на представителей левых партий, которые, по его мнению, в политическом плане уступали в развитии даже «английскому извозчику»[618].

Не оставив такой выпад без ответа красноярские эсеры в лице И. Казанцева обвинили «Свободную Сибирь» в травле демократии и прислуживании буржуазии, заявив также – «все что мы сейчас переживаем есть проклятое наследство трехсотлетнего издевательства царей-монархов над русским народом»[619]. В социалистической газете «Думы Алтая» отмечалось, между тем, что английская конституционная монархия не может служить примером для

[616] Иркутск, 18 октября // Свободный край. Иркутск. 1918. 18 окт.
[617] Красноярск, 20 октября // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 20 (7) окт.
[618] По поводу одной речи // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 (11) окт.
[619] Чего они хотят? // Знамя труда Красноярск. 1918. 11 ноября.

России, поскольку система власти островного королевства развивалась в условиях, слишком непохожих на российские[620].

Оппоненты кадетов слева использовали авторитет Западных демократий, в том числе и Великобритании, для критики диктатуры. В ноябре 1918 г. на фоне омских событий в газете иркутской кооперации «Дело» высказывалось мнение о том, что принцип «единоличной безответственной власти осужден историей всех культурных стран», как ведущий к потрясениям и деградации государства. «…Для француза, англичанина, американца – это было бы верхом несуразности и дикости… Но давно, к сожалению, правильно, сказано про наши “российские” порядки: – “это тебе, братец, не Англия”», – отмечалось в газете[621].

Классовой борьбе и интернационализму сибирские либералы стремились противопоставить тезис о необходимости социального мира и возможности решать конфликты посредством договора между классами. Примером служили английские тред-юнионы. «Сибирская жизнь» писала по этому поводу: «дисциплинированные, обеспеченные колоссальными забастовочными фондами английские рабочие отличаются завидной выдержкой. В отличие от истерического поведения российских рабочих». «В то же время русская буржуазия не чета английской, – отмечалось далее в газете. – У нас нет класса буржуазии в европейском смысле этого слова. Есть небольшая группа промышленных деятелей, много стяжателей и целые тучи спекулянтов»[622].

Вторил томский газете и иркутский «Свободный край», в котором указывалось на то, что «коммерсант – почетное звание, и в Англии торгово-промышленный мир пользуется высоким уважением». «И наш коммерческий мир для того, чтобы русский купец был так же почетен, как английский, должен внести в торгово-промышленную жизнь здоровье, коммерческие начала, те начала, которые кладут грань между купцом и спекулянтом», – звучал призыв газеты[623].

---

[620] Бийск, 30 октября // Думы Алтая. Бийск. 30 (17) окт.
[621] Иркутск, 21 ноября // Дело. Иркутск. 1918. 21 ноября.
[622] Бейлин М.Р. Дневник // Сибирская жизнь. Томск. 1919. 5 марта
[623] Иркутск, 28 марта // Свободный край. Иркутск. 1919. 28 марта.

Сравнению с английским идеалом подвергалась и интеллигенция. Кадетская печать призывала «мягкотелую русскую интеллигенцию», «отрешиться от своих пороков» и учиться, у тех же «наших друзей, англичан, быть твердой и решительной»[624]. Об этом же писал и Л. Арнольдов, по словам которого «англичане при неудаче стискивают зубы и, без лишних слов, – удваивают свою энергию»[625]. Сравнивая русских с иностранцами, автор упрекал соотечественников в апатии, неуверенности в себе, праздности и карьеризме, призывал общество к единству и дружной работе на благо государства.

Проблемы взаимоотношений буржуазии и пролетариата – сфера особого интереса для сибирских социал-демократов и эсеров. Затрагивая их на страницах своих газет, представители «демократии» обращались, в том числе, и к западному опыту. Например, социал-демократы Алтая летом 1918 г., говоря о необходимости создания паритетных бирж труда (с равным представительством рабочих и предпринимателей в управлении), ссылались на опыт Англии, Франции и Германии. Даже там контингент организованных рабочих не превышал 25 %, что наводило автора статьи на мысль о том, что не мало утечет воды до того, как пролетарские массы окажутся сплочены настолько, чтобы диктовать свои условия капиталистам[626].

Аналогично кадетам меньшевики отмечали особую устойчивость английского общества. «Стремление изживать мирным парламентским путем острые социальные противоречия вообще характерно как для господствующих классов «гордого Альбиона», так и для руководящих организаций английского рабочего движения», – подмечала газета «Алтайская мысль». Впрочем, как сообщалось в издании, революционные волнения, охватившие Европейский континент после окончания войны, вынудили даже британское руководство принимать особые меры для урегулирования противоречий между рабочими и капиталистами[627].

---

[624] Иркутск, 29 апреля // Свободный край. Иркутск. 1919. 29 апр.
[625] Арнольдов Л. Стыдно! // Амурская жизнь. Благовещенск. 1919. 19 (6) июля.
[626] О биржах труда // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 2 (22) июля.
[627] Промышленный мирный конгресс // Алтайская мысль. Барнаул. 1919. 16 марта

В силу классового подхода, диктуемого программными установками, социалисты двояко воспринимали европейские державы, в том числе и Англию. Сообщения о революционных процессах в Европе, а также интерес к бедственному положению России, проявленный лидерами «западной демократии», такими как А. Гендерсон и А. Тома, внушали части сибирской «революционной демократии» оптимизм относительно зарубежной поддержки[628]. Данные надежды и симпатии по отношению к европейским левым, сочетались с традиционным недоверием к империалистическим кругам.

Рассуждения о необходимости и важности скорейшего создания армии также не обходились без апелляции к британскому примеру. Способность английского руководства создать в ходе войны многочисленную добровольческую армию и у либералов, и у социалистов закономерно вызывала уважение. Формирование армии, мало уступавшей по своим боевым качествам германской, объяснялось тем, что Англия являлась «страной образцового гражданского воспитания». Шансы России, «родившей и удивившей весь мир своим большевизмом», на создание добровольческой армии, способной противостоять немцам, оценивались алтайскими меньшевиками как «малоуспешные»[629].

Боевая мощь государства, по мнению редакции иркутского «Дела», напрямую зависела от политического строя. «Развитие производительных сил, рост благосостояния народа, его высокий культурный уровень – вот фундамент и для военной мощи», – подчеркивалось в передовой статье газеты, вышедшей на фоне получения известий об омском перевороте. Примером вновь послужили англосаксы – Америка и Британия, с «изумительной быстротой» создавшие «величайшие армии с лучшим вооружением, с прекрасной культурной спайкой и дисциплиной»[630]. Необходимым же условием для развития экономики, культуры и образования считалась демократия, важности сохранения которой и была посвящена статья.

---

[628] Россия и союзные демократии // Голос народа. Томск. 1918. 14 дек.
[629] Овчинников В. Создание армии // Алтайский луч. Барнаул. 1918. 20 (7) июля.
[630] Иркутск, 23 ноября // Дело. Иркутск. 1918. 23 ноября.

Английская армия при этом представала в качестве примера того, как удачно могут сочетаться традиции и новации, привнесенные войной. По сообщению кадетской «Свободной Сибири» 90% текущего офицерского состава в Англии прошло службу в качестве нижних чинов и сохранило с этой средой дружеские отношения. При этом, согласно единодушному отзыву военных, «дисциплина в английской армии также крепка, как и в былые дни служебного формализма»[631].

Сведения об успехах союзных войск, поступавшие осенью 1918 г., позволяли высоко оценивать боеспособность английских войск. Так, постоянный автор «Русской речи» – Вл. Я. – указывая на то, что «как ни сильна была Германия, но упорство англичан берет свое», сравнивал британцев с бульдогом, мертвой хватской вцепившимся в своего противника[632].

Боеспособность английских солдат подчеркивалась и в характеристиках их внешнего вида. Несмотря на «довольно забавный» вид из-за их пробковых шлемов, англичане, высадившиеся во Владивостоке первыми, описывались как снабженные всем необходимым бойцы. Тот факт, что спустя короткое время после высадки они отправились на хабаровский фронт, написав на своих вагонах лозунг «В Берлин!!!», призван был свидетельствовать о серьезных намерениях союзных сил[633].

«Англичане пришли! Да, англичане пришли, настоящие англичане, вооруженные, целый отряд! Одеты как один, загорелые, стройные, в шапках с ушами...», – так сообщал некто Зритель о прибытии английского отряда в Красноярск в октябре 1918 г. Вместе с тем, автор не упустил случая упрекнуть общественность в отсутствии патриотизма. «Теперь нас не будут посылать на караулы», – приводил автор слова некоего «почтенного гражданина», встречавшего англичан. Комментируя это высказывание, Зритель отмечал: «он говорит это с тем чувством уверенности, как будто окарауливание нас, забота о

---

[631] Демократизм английской армии // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 3 окт. (20 сент.).
[632] Мертвая хватка // Сибирская речь. Новониколаевск. 1918. 16 окт.
[633] Петров Ин. Высадка союзников во Владивостоке // Народная газета. Томск. 1918. 13 дек. (30 ноября).

порядке, о поддержании Государственной власти – дело для нас чужое, но обязательное для них, сынов далекой родины»[634].

Несмотря на появление в печати критических замечаний в адрес Антанты и ее «русской политики», практика апелляции к чертам национального характера того или иного союзного народа и особенностям политической системы той или иной державы, с целью мотивации общественности или критики политических оппонентов сохранялась. Летом 1919 г. стремясь убедить читателей в победе антибольшевистских сил, газета «Военные ведомости» цитировала британского проф. Перса и полк. Уорда, которые, по словам издания, верили в благоприятный для белых исход борьбы. Характеризуя англичан, газета уже по традиции отмечала их превосходство перед русскими, в публикации они характеризовались как: «воспитанные в духе глубокой любви к своему народу без различий классов и партийных группировок, умеющие подчинять свои частные интересы интересам общим, понимающие, в противоположность нам русским, что наряду с правами, данными государством своим гражданам, существуют обязанности перед ним…»[635].

Попытки привлечения внимания общества к особенностям национального характера русских и англичан с целью укрепления союзнических отношений предпринимались и упомянутым британским проф. Персом, выступления которого активно цитировались в печати. Говоря о наличии «взаимного тяготения» двух народов, профессор указывал на языковую общность – «нет в русском языке такого слова, которое не было возможности перевести на английский язык и обратно». Еще одним доводом Перса стало утверждение об общности религиозных воззрений русских и англичан. «Учение англиканской церкви почти ни в чем не разнится от учения православной церкви, на что делались указания представителями обоих вероучений уже не однажды», – сообщалось в публикации, посвященной лекции англичанина[636]. Подобные экскурсы в языкознание и сравнительное религиоведение показательны как

[634] Англичане пришли // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 24 окт.
[635] Что говорят о нас англичане // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 6 июня.
[636] Долг союзников перед русской армией // Свободный край. Иркутск. 1919. 25 апр.

попытки подвести «научную базу» под союзное, а возможно и будущее цивилизационное единство русских и англичан.

Характеризуя впоследствии особенности восприятия союзников в столице Белой Сибири, сотрудник РБП Л.В. Арнольдов отмечал, что англичане в Омске почитались «самыми симпатичными»[637]. Объяснялось это, с одной стороны тем, что британцы не стремились подобно французскому генералу Жанену вмешиваться в русские дела и не ввязывались в соперничество за контроль над востоком России, подобно японцам и американцам. С другой стороны, по мнению Л.В. Арнольдова, англичане были весьма удачно представлены в лице А. Нокса, Дж. Уорда и проф. Б. Перса – все трое симпатизировали России и белым[638].

Осенью 1919 г., когда недовольство союзной политикой достигло наивысшей точки в неправительственных изданиях, официальная печать стремилась акцентировать внимание на любых доступных фактах поддержки антибольшевистского движения со стороны союзников. Для своеобразного оправдания противоречивой политики Англии в отношении России использовались, в том числе, и указания на особенности британской политической системы. «…В Англии, как и во всех странах Согласия, правительству приходится постоянно считаться с давлением “демократических” сфер», – подчеркивал Н. Устрялов[639]. А успехи Британии в создании многомилионной армии объяснялись теперь не только выдающейся организацией и уровнем развития общества, но и ролью России. Вновь, в данном случае звучали неоднократно упомянутые, в том числе и самими англичанами (проф. Персом, например), слова о России, которая в начале мировой войны «…железными тисками сжала подвижность Германии и дала Англии, имевшей всего сто тысяч солдат – спокойно создать свою столь мощную впоследствии армию»[640].

Еще одна страна-представительница «Сердечного согласия» – Франция, также была в центре внимания прессы, и в той же степени, как Великобритания,

---

[637] Арнольдов Л.В. Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск. Шанхай, 1935. С. 144.
[638] Там же.
[639] Н.У. Россия и Англия // Русское дело. Омск. 1919. 28 окт.
[640] Красноярск, 11 ноября // Енисейский вестник. Красноярск. 1919. 11(29) ноября.

служила позитивным примером, когда речь заходила о необходимости защиты демократии или укрепления единства общества. Франция, на территории которой уже четвёртый год шли кровопролитные бои, в первую очередь выступала олицетворением стойкости. Весной 1918 г. сообщая о решающем наступлении немцев на Западе, обозреватель журнала «Народное дело» подчеркивал ожесточённый характер сопротивления войск Антанты: «…Французы борются за свою свободную жизнь. Французы не хотят порабощения своей прекрасной Франции Вильгельмом-завоевателем. Французы умеют любить свою родину…»[641].

Сообщения о стойкости французских солдат на фронте[642], заметки, рассказывавшие о разоренных регионах «прекрасной Франции»[643] и публикации с итогами мировой войны, из которых следовало, что Франция и Россия понесли огромные людские потери[644] – все это подчеркивало серьезный вклад Третьей республики в общую победу и свидетельствовало о непоколебимой силе духа французского народа. Интересно, что, как и в случае с англосаксами некоторые указывали на решающий вклад французской нации в общесоюзную победу. Корнет Кн. Ухтомский, благодаривший Францию за непримиримую позицию в отношении идеи созыва конференции на Принцевых островах, подчеркивал, что именно французы вынесли главный удар, и что именно «Парижу, а не Нью-Йорку и Лондону угрожали непосредственно тевтонские полки»[645]. Таким образом, формировался позитивный образ Франции, вынесшей все тяготы мировой войны – пример, который, по мнению партийных публицистов и правительственных идеологов, был, несомненно, достоин подражания.

Объясняя причины такой стойкости и спаянности общества, кадеты ставили в пример французских социалистов. «Французская социал-демократия четыре года боролась с немцами, не интересуясь “аннексиями и контрибуциями”, не добиваясь “оглашения тайных договоров”, не интересуясь “условиями мира”. Она

[641] Война. На западноевропейском театре войны // Народное дело. Красноярск. 1918. №14. 14 (1) апр.
[642] Германское наступление на французском фронте // Сибирская жизнь. Томск. 1918. 15 июня.
[643] Сверженский С. Французские настроения // Правительственный вестник. Омск. 1919. 15 марта.
[644] Кровавые итоги войны // Вестник Томской губернии. Томск. 1919. 3 февр.
[645] Корнет Кн. Ухтомский. Спасибо // Курганская свободная мысль. Курган. 1919. 5 марта (20 февр.).

понимала, что будет Франция неприкосновенна, будет борьба классов, победит Германия и ужас невольно охватит все население», – писал журналист «Свободного края» Борис Неллин, уже по традиции упрекая «нашу горе-демократию» в разделении страны на противоборствующие лагери[646].

По словам того же автора, война выявила «всю глубину героической мощи национального самосознания французского народа». «Демократическая республика поняла – что главным фактором ее жизни является национальный импульс, что все свободы, все классовые перегородки, все демократические реформы являются приложением к нему…»[647]. Как можно видеть, французский пример использован с целью актуализации в первую очередь идеи нации, связывающей общество и государство во имя высшей цели.

Социал-демократы также говорили о том, что «только «гражданский мир» (между рабочим классом и буржуазией – К.К.) позволил Франции выдержать героическую четырёхлетнюю войну». Однако, не отходя от магистральной темы классовых противоречий, левые утверждали, что после окончания войны, «священному союзу» и «гражданскому миру» придет конец, поскольку французские рабочие должны будут потребовать осуществления обещанных ранее социальных реформ[648].

Даже при обращении к насущным ситуативным проблемам происходило обращение к зарубежному опыту. Затрагивая вопрос об оказании помощи возвращавшимся из германского плена солдатам русской армии, периодическая печать призывала общество оказать содействие. «А мы? Что сделали мы для своих пленных, для тех, кто не повинен в разложении фронта, кто верно защищал своей грудью родину…», – обращался редактор «Правительственный вестника» В.А. Кудрявцев к населению, ссылаясь при этом на Францию, «которая не забывала о своих сынах, томящихся в плену, которая организовала постоянную и

---

[646] Неллин Борис. Восток и Запад // Свободный край. Иркутск. 1918. 24 дек.
[647] Неллин Борис. На берегах Сены // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 12 февраля.
[648] Во Франции // Алтайская мысль. Барнаул. 1919. 17 апр.

беспрерывную им помощь, стараясь как можно больше скрасить суровую жизнь в концентрационных лагерях»[649].

Союзники по Антанте – Франция и Британия выступали также и культурными ориентирами для «возрождающейся России». В новониколаевских «Военных ведомостях», отмечалось, что в отличие от германской, французская и английская философия и культура основывались на опыте всего человечества. В то время как германская культура, доведшая немцев до «узкого материализма» и служившая обоснованию права силы, считалась редакцией газеты, неприемлемой для «современного человечества»[650].

Заявления официальных представителей союзных наций, адресованные Омскому правительству, представляют интерес не только в качестве салютативных посланий, способствовавших позитивному восприятию, как союзников, так и адресата данных заявлений – Омского правительства. Не менее важной представляется их роль в качестве своеобразных «триггеров», вызывавших дальнейшую реакцию отечественных публицистов, которые в ходе творческой интерпретации обращений и заявлений существенно дополняли их и формировали определенный алгоритм их восприятия, закладывая в содержание речевых актов иностранцев дополнительные смыслы.

В конце апреля 1919 г. в прессе была опубликована Декларация французского правительства, направленная А.В. Колчаку, по случаю побед сибирских армий[651]. Откликаясь на поздравления европейской союзницы, редакция «Сибирской речи» особо отмечала, что «Франция является в настоящих условиях – как всегда – лидером в среде культурных народов в деле защиты культуры и цивилизации в мире, как бы доказывая, что гений и злодейство – несовместимые вещи». Указание на то, что декларация послана именно «защитницей культуры», служило весомым доводом в пользу того, что Европа

---

[649] Кудрявцев В.А. Они идут… // Правительственный вестник. Омск. 1918. 12 дек.
[650] Новониколаевск, 9 мая // Военные ведомости. Новониколаевск. 1919. 9 мая.
[651] См. напр., Декларация Французского правительства // Алтайский вестник. Барнаул. 1919. 30 апр.

оценила опасность большевизма и кровно заинтересована в «единой и свободной России»[652].

Характерно, что даже на фоне появления критических замечаний в адрес Антанты в период разочарования союзной политикой осенью–зимой 1919 г. в печати сохранялась апелляция к позитивному образу Запада как коллективному носителю идей и ценностей, значимых для антибольшевистского движения. Франция и ее народ вновь выступали в уже привычной роли настоящих и искренних патриотов. Например, утверждение – «…французский народ показал миру удивительный пример национального самосознания и любви к родине», звучавшее в газете «Уссурийский казачий вестник», сопровождалось вопросом: «чем мы – потомки Суворова, Тургенева, Толстого, Сусанина, Мининых и Пожарских – хуже французов», и призывом восстановить в памяти «драгоценное слово – родна»[653].

«Мы многому еще должны поучиться у Запада и в первую очередь его действенному патриотизму, его изумительному и величественному равенству – всеобщему равенству в повинности кровью, когда того требует Родина», – отмечалось и в правительственной «Нашей газете»[654].

Подчеркивая высокую степень патриотизма французского общества, печать в то же время не могла обойти вниманием вопрос о роли революций в истории Франции. Так, иркутские кадеты, стремясь доказать, что болезнь России, в конечном счете, излечима, отмечали, что «и Франция пережила три революции, и она переживала ужасы гражданской междоусобицы»[655]. На страницах омской «Зари» старая союзница России характеризовалась как «родина самых дерзких утопий и самых увлекательных социальных фантазий»[656]. Тем не менее, подчеркивались отличия русской революции от событий во Франции.

Летом 1918 г. в кадетской «Нашей мысли» подчеркивалось, что Французская революция стала всплеском национального, патриотического

---

[652] Омск, 30 апреля 1919 г. // Сибирская речь. Омск. 1919. 30 апр.
[653] Родина // Уссурийский казачий вестник. Владивосток. 1919. 25 дек.
[654] Налог крови // Наша газета. Новониколаевск. 1919. 25 окт.
[655] Накануне мира // Свободный край. Иркутск. 1918. 14 дек.
[656] Омск, 21 июня // Заря. Омск. 1919. 21 июня.

чувства. «Когда то Франции, раздираемой внутренними неурядицами, стоящей на распутье между умершим старым и народившимся еще новым, достаточно было услышать клич „Отечество в опасности!” – и она встала, как один, она с молниеносной быстротой собрала под свои революционные знамена 4-х миллионную армию граждан, которые сумели заставить монархическую Европу уважать провозглашённые Францией лозунги», – писал автор статьи, вопрошавший, когда проснется подобное чувство у русских[657].

В правительственной «Нашей газете», спустя почти полтора года, аналогичным образом отмечалось, что «Французская революция, несмотря на свои ошибки, была и осталась великой и *национальной* революцией». «Благо *всего* народа, а не его отдельных классов, свобода, честь и величие *Франции* были тогда лозунгом революции, и этот лозунг неизменно проводился в жизнь, всеми сменявшимися у власти партиями, по мере разумения каждой из них», – рассуждал автор, обвинявший русских революционеров в предательстве национальных интересов, выразившемся даже в замене национального флага – красным[658].

Французы, также как и англичане, отправили в Сибирь не столь много войск, в отличие от Японии и США. Тем не менее, небольшой, но необычный по своему составу контингент старой союзницы, привлекал внимание прессы. Описывая прибывавшие на восток России французские войска, печать отмечала, что половину их составили колониальные солдаты – «…маленького роста, на тонких ногах, с лицами темного цвета, с выпяченными вперед губами, в круглых тропических шлемах зонтообразной формы». Французские солдаты изображены как загорелые и добродушные, а их офицеры – «бравые с окладистыми бородами, видно – старые вояки»[659]. Прибывшие в Омск французские солдаты и офицеры представлены как «молодые, стройные, очень красивые и мужественные люди»[660]. Позднее, когда французские зуавы (алжирские стрелки) появились в Иркутске,

---

[657] Уснувшее чувство // Наша мысль. Томск. 1918. 30 июня.
[658] Красный флаг // Наша газета. Иркутск. 1919. 14 дек.
[659] Петров Ин. Высадка союзников во Владивостоке // Народная газета. Томск. 1918. 13 дек. (30 ноября).
[660] Омск. Французы в Омске // Вестник Временного Всероссийского правительства. Омск. 1918. 14 ноября.

печать вновь акцентировала внимание на их «энергичных и загорелых лицах»[661]. Как можно видеть, описания внешности зарубежных гостей сосредоточивали внимание читателя на их красоте, силе и мужественности, подчеркивая при этом экзотичность их происхождения. Присутствие пришедших издалека загорелых воинов, непривычных в Сибири, вполне могло послужить для некоторых свидетельством включения Сибири в мировую войну и призвано было отражать искреннее стремление далекой союзницы прийти на помощь русским.

Для лидеров Белого движения, также как и для журналистов, не являлось секретом наличие ряда противоречий между союзными нациями. Противостояние великих держав в области высокой политики проявлялось порой и во взаимоотношениях представителей союзных контингентов. Любопытный эпизод приводила газета «Единство». По сообщению корреспондента в конце марта 1919 г. на станцию Мысовую прибыл эшелон с военными грузами в сопровождении французского конвоя. Бывший на станции японский фельдфебель потребовал доступа с целью проверки лиц и груза, чему воспротивились французы. Возник конфликт. Французский лейтенант, не пустивший японцев к эшелону, заявил, что «Сибирь – русская страна и японцы не имеют права распоряжаться в ней как у себя дома». После десятиминутного противостояния с оружием наизготовку, японцы все же предпочли удалиться[662]. Данный эпизод, в целом малозначительный, но не единичный[663] примечателен словами французского офицера, выставлявшими европейцев в качестве защитников русских интересов, что не могло не влиять на симпатии общественности, особенно на фоне сообщений об агрессивных намерениях японцев.

Заслуживает внимания тот факт, что наряду с описаниями бравых европейцев появлялись и ироничные характеристики, в которых британцы и французы выступали уже не как мужественные воины. В газете «Приамурская жизнь» в феврале 1919 г. был опубликован фельетон, в котором было

---

[661] Зуавы в Иркутске // Правительственный вестник. Омск. 1918. 23 ноября

[662] По Сибири. Нашла коса на камень // Единство. Петропавловск. 1919. 24 мая.

[663] Об аналогичных конфликтах сообщали полковник Дж. Уорд и генерал В.Г. Болдырев, см.: Уорд. Дж. Указ. соч. С. 41., Болдырев В.Г. Указ соч. С. 127.

представлено своеобразное дополнение к самоучителю иностранных языков. В разговоре с французом присутствовали, к примеру, такие реплики: « – Как вам понравились наши войска? – О, ваши войска нам очень понравились: они скушали все»; « – Видели ли вы французских солдат в Сибири? – Нет, но слышали декларации и читали телеграммы». В разделе «русско-английские разговоры» автор фельетона иронизировал по поводу способа перемещения британцев по улицам города: « – Вы так быстро ехали на автомобиле. У вас было важное дело? – Нет, у нас не было дел, но мы раздавили двух китайцев и одну собаку»[664].

Сотрудники дальневосточных газет, находившиеся непосредственно в зоне действия союзных войск, рисовали образы интервентов меткими штрихами, создавая запоминающиеся типажи. В опубликованном в «Голосе Приморья» стихотворном фельетоне «Интервенция» во всех красках были представлены неоднозначные последствия союзного вмешательства. Описывая наружность и поведение интервентов, автор намекал – не все они прибыли в Россию с целью участия в боевых действиях на стороне белых. Комично был изображен «международный» патруль союзников, в котором и «долговязый британец», и «поджарый итальянец», и «известный в мире забияка японец маленький вояка», «американец и француз», – и всем «ружье им кажется за груз», а «когда ж все залопочут разом // У нас заходит ум за разум!». Рассказывая о вечерних развлечениях союзников, автор фельетона отмечал, что «часто слышим по ночам «Тэппирари»[665] или «год-дам»[666]. Примечательно, что образ дебоширов-интервентов связан именно с англоязычными союзниками, кричащими среди ночи вместо слов «гуд-найт» веселое «олл-райт», английский язык при этом назван «интервентским»[667].

Живые и многогранные образы союзников, созданные фельетонистами с помощью сатиры, иронии и языковых средств, на основе стереотипных представлений, узнаваемых особенностей национального характера и типичных

---

[664] Маленькие темы. Иностранные разговоры // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1919. 22 февр.

[665] Тэппирари – «Путь далёкий до Типпере́ри» (англ. It's a Long Way to Tipperary) – популярная в то время маршевая песня британской армии. *Прим. авт.*

[666] Год-дам – (англ. бранн. Goddamn) – англоязычное ругательство. *Прим. авт.*

[667] Интервенция // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 13 апр.

моделей поведения, в некоторой степени отражают особенности восприятия иностранцев журналистами и местным обществом. С одной стороны, фельетоны являли собой выраженное в литературной сатирической форме недовольство общества деятельностью интервентов, а с другой – могли послужить средством усиления этого недовольства.

Подводя итог, следует отметить, что формирование и репрезентация образов Великобритании и Франции как образцов для подражания (Другой-образец, эталон) происходило на основе ряда этнических и внешнеполитических стереотипов.

Этнические стереотипы, включавшие в себя представления о культуре, чертах национального характера, психологии и поведении представителей той или иной нации[668], являлись во многом традиционными и были укоренены в ходе длительного и многоаспектного взаимодействия России и Европы. Формирование внешнеполитических стереотипов, отражавших схематизированные представления о государствах и их внешней политике, являлось следствием буржуазной модернизации России на рубеже XIX–XX вв.[669], а также включением широких слоев населения в события макроуровня – такие как мировая война и революция.

Актуализация этнических и внешнеполитических стереотипов вкупе с представлениями об особенностях внутриполитического и общественного устройства стран Запада и пропагандистскими штампами была продиктована, с одной стороны, необходимостью конструирования необходимых антибольшевистскому движению идеологем, с другой – борьбой дискурсов внутри самого антибольшевистского движения.

Важно отметить, что одни и те же представления использовались ситуативно, в зависимости от тех задач, которые стояли перед акторами, определявшими содержание пропагандистской риторики. Например, на рубеже XIX–XX вв. такие черты английского национального характера, как энергия,

---

[668] Сенявская Е.А. Противники России в войнах XX века… С. 13.

[669] Поршнева О.С. Этнические и внешнеполитические стереотипы в формировании мифологии союзничества… С.62.

предприимчивость, свободолюбие, уважение к закону рассматривались российскими дипломатами и военными как присущие англичанам, но интерпретировались как проявления слабости, рыхлости государственного строя, раскола в британском обществе[670]. В годы Гражданской войны, как было показано выше, именно с опорой на представления об этих качествах конструировался позитивный образ Великобритании, эти же характеристики английского народа представлялись как эталонные для российского общества. «И счастье России, что у нее есть такой великий союзник, как Англия. Пусть она послужит примером героической страны, где любовь к родине не звук пустой»[671] – данные слова, опубликованные в новониколаевских «Военных ведомостях» выражали, пожалуй, настроение всей «государственно-мыслящей» печати.

Темы, связанные с Францией, которые были востребованы в рамках официального дискурса в период мировой войны – достижения французской культуры, единство «галльской нации», и стойкость французского солдата в условиях «тотальной» войны[672], вновь были актуализированы на востоке России в 1918–1919 гг. Неизбежные параллели между Великой Русской и Великой Французской революциями призваны были подчеркивать в глазах читателя ценность идеи государства.

3.2 Великие державы на берегах «Средиземного моря будущего» – образы США и Японии в периодической печати антибольшевистского движения востока России

Соединённые Штаты Америки и Япония, о возможной интервенции которых пресса активно писала с начала 1918 г., как известно, отправили в Россию самые многочисленные воинские контингенты (за исключением чехословацкого). Помимо того, активность обеих держав на российском Дальнем Востоке проявлялась и в других сферах – экономической, гуманитарной,

---

[670] Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных… С. 173.

[671] Шендриков И. К моменту // Военные ведомости. Новониколаевск. 1918. 24 ноября.

[672] Поршнева О.С. Этнические и внешнеполитические стереотипы в формировании мифологии союзничества… С. 70.

информационной и пропагандистской. Японо-американское соперничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе также накладывало особый отпечаток на особенности политики этих стран в отношении России. Все это выступало существенными факторами, оказывавшими влияние на формирование образов двух стран в периодической печати.

В оценках текущих политических событий и в рамках политических прогнозов, появлявшихся на страницах газет на протяжении 1918–1919 гг., рефреном звучала мысль о том, что беспрецедентная по своим масштабам война привела к перераспределению сил на мировой политической арене. Особенно актуальной данная тема стала после поражения Германии. Однако и весной 1918 г. на фоне сообщений о решающих сражениях в Европе пресса не могла не обойти вниманием такого значимого фактора международной политики как существенное усиление США и Японии. «Тихий океан уже вовлечен в орбиту Мировой политики. По берегам его выросли две великие державы, которые стремятся подчинить своему господствующему влиянию новую арену», – указывалось в начале мая 1918 г. во владивостокском «Голосе Приморья»[673]. Рассуждения в данном случае актуализировали идею «Тихий Океан – Средиземное море будущего», высказанную А.И. Герценом еще в середине XIX века[674].

Победа союзных наций лишь упрочила данное мнение. «Выступив последнею, Америка без особого труда заняла доминирующее положение, каковое она, конечно, надолго будет сохранять; ее голос в европейском концерте звучит особенно мощно», – полагала редакция кадетской газеты «Свободный край». По мнению иркутских кадетов, целью руководства США являлось закрепление лидерства страны во всех ключевых сферах – «…стремясь сохранить за собой политическое господство просвещенный и гуманный глава Заатлантической республики, президент Вильсон в не меньшей степени поглощен

[673] Иностранные капиталы в Сибири // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 22 апр. (5 мая).

[674] Постников В.В. Тихий океан как «Средиземное море будущего»: история идеи (середина XIX – начало XX вв.) // Проблемы Дальнего Востока. 2010. №4.С. 107.

заботами об упрочении первенства и в сфере экономической жизни»[675]. Газетные сообщения, посвященные активной внешнеполитической деятельности президента В. Вильсона, информация о возросшем, особенно на фоне ослабленной войной Европы, экономическом и военном потенциале США, подталкивали к выводу о том, что новых условиях «центр мирового развития и силы переместился из Англии в Америку»[676].

Северо-Американские Соединенные Штаты, как неотъемлемая часть Западного мира с присущими ей чертами политического и социального устройства, также как и старые союзницы России нередко выступали образцом для либеральной (и демократической) части русского общества. По словам лидера красноярских кадетов Д.Е. Лаппо, «Сибирской интеллигенции всегда были родственнее, ближе идеалы, на которые опирается Государственное устройство Соединенных Штатов, этой федерации суверенных государств…». Отмечая, что сибирское областничество заимствовало свое политическое учение из конституции США, Д.Е. Лаппо при этом указывал на особую важность для сибирской автономии пункта конституции США, наделяющего каждый штат правом иметь свое законодательное собрание – «прообраз Сибирской областной Думы»[677].

Публицисты антибольшевистской Сибири, характеризуя политическую систему США, особое внимание обращали на американскую демократию. Характерно в данном случае использование таких клише как «Великая демократия», «Великая демократическая республика», «Заокеанская демократия» в качестве маркеров обозначавших США.

И для левых, и для либералов-государственников американская демократия являлась образцовой. Откликаясь на обращение правительства США к русскому народу, в котором говорилось о невмешательстве во внутренние дела России, газета «Дело» писала: «Известно, что язык дан дипломатии, чтобы скрывать мысли. Но Соединенные Штаты Америки – исключение, и каждое слово

---

[675] Иркутск, 2 февраля // Свободный край. Иркутск. 1919. 2 февр.
[676] Какие изменения принесла война с немцами // Голос Сибирской армии. Екатеринбург. 1919. 29 апр.
[677] Международное положение Сибири // Свободная Сибирь. Красноярск. 1918. 17 янв.

американских дипломатов внушает доверие, ибо американская дипломатия – дипломатия прямая, демократическая». Говоря о симпатиях Америки к России, автор публикации считал, что «мы должны учиться у Америки строить самостоятельно свою судьбу и развивать богатства своей страны. Америка истинный наш друг, без всякого лицемерия предлагающая нам свои услуги "*если мы того захотим*"»[678].

Важно отметить, что в дискурсе левых существовала определенная двойственность при трактовке понятия «демократия». Восхищаясь демократическим устройством США, русские социалисты в то же время писали о важности сближения российской и зарубежной, в том числе американской «демократии», имея в виду западное рабочее движение и социалистические партии. В передовой статье томского «Голоса Сибири», сообщавшей о состоявшейся в Лондоне междусоюзнической конференции труда, отмечалось, что именно американские делегаты требовали внесения в итоговую резолюцию пункта о том, что интервенция предпринята лишь для борьбы с большевиками, и никакие военные цели не могут задерживать движения народов России к «идеалам истинной демократии»[679]. Томские эсеры выражали, таким образом, уверенность в том, что лидеры рабочего движения в союзных странах, сумеют оказать влияние на свои правительства для того чтобы обеспечить поддержку «российской демократии».

Для сибирских кадетов тема американского демократизма также являлась востребованной, в том числе и для оспаривания идей эсеров и социал-демократов. «Америка – конечно, демократия. Вильсон – конечно, представитель великой демократической страны. Но ведь все это демократия иного толка», – утверждалось в «Свободном крае». Отмечая, что в США здоровая и цельная демократия, а политики – «люди дела», «практики», а не «мечтатели и фантазёры», «болтуны, фразеры и просто политические авантюристы», автор,

[678] Америка и Россия // Дело. Иркутск. 1918. 24 сент.
[679] Демократическая Россия под защитой союзных демократий // Голос Сибири. Томск. 1918. 24 дек.

имея в виду членов КОМУЧа, отправившихся в США, подчеркивал – «а у нас наоборот!..»[680].

Говоря об Америке, печать не могла не коснуться личности тогдашнего президента США – В. Вильсона известного своими внешнеполитическими инициативами и сыгравшего важную роль в становлении нового послевоенного миропорядка. Образ тогдашнего хозяина Белого дома вбирал в себя ряд характеристик, которые также можно отнести и к чертам национального характера американцев.

Весьма ярко на заявления президента отреагировала газета «Забайкальская новь», по словам которой В. Вильсон – «идеалист», а его речи «производят впечатление чего-то необычайного, неподходящего к скучной прозе нашей повседневности», будто говорит не «президент первоклассной державы, а какой-то фантазер – ученый, не видящий жизни, или видящий ее сквозь розовые очки своей утопии». Вместе с тем, в газете отмечалось, что на этих фантазиях «создается будущая система международных отношений», и что американский «народ-практик», олицетворяемый Вильсоном, «решил исход войны» и готов осуществить «утопию» лиги народов. Восхищаясь сплавом идеализма и практичности, автор публикации призывал и «нам усталым, разбитым смотреть на янки и учиться у них жизни»[681].

О необычном сочетании идеализма и практицизма американцев писал и один из идеологов правительства А.В. Колчака С. Ауслендер. В новогоднем поздравлении, адресованном всем союзным нациям, писатель обращался к американцам с такими словами: «вам свободолюбивые, умеющие работать и отдыхать, умеющие быть практическими дельцами и бескорыстными мечтателями о вечной свободе для народов всего мира, пусть и вам через океан будут слышны эти милые привычные слова: “Merry Christmas, Happy New Year!”»[682]

---

[680] Родные картинки // Свободный край. Иркутск. 1918. 30 ноября.
[681] Забайкальская новь. Чита. 1919. 14 января.
[682] Поздравления и пожелания // Сибирская речь. Омск. 1919. 1 янв.

В качестве своеобразной попытки равнения на американский политический идеал можно рассматривать и стремление представить А.В. Колчака как «русского Вашингтона»[683]. Верховный правитель, названный так впервые одним из руководителей сибирской кооперации А.В. Сазоновым[684], представал в образе «отца основателя» русской демократии. Примечательно, что прозвище произошло из среды сибирской кооперации, которая весьма симпатизировала США. В американской прессе также бытовало данное сравнение[685]. Однако неудачи Омского правительства лишь превращали данную аллюзию в горькое свидетельство неспособности антибольшевистских сил на решительную победу.

Чрезвычайный рост экономического потенциала Америки в немалой степени предопределял сферу, в рамках которой проявлялся интерес русских к Заатлантической республике. Факты и свидетельства, в которых во всех красках описывались достижения американской экономики, неоднократно появлялись на страницах как правительственных изданий, так и партийной и кооперативной периодики.

Необходимо отметить, что еще в середине XIX в. этнический образ американца в русском общественном сознании выстраивался на основе типичных ролей, в которых представители США обычно представали перед русскими – торговца, предпринимателя, изобретателя и прожектера. Таким образом, конструировался образ «экономического человека» обладавшего характерным набором качеств, прежде всего, деловых[686].

Обращаясь к вопросам экономических взаимоотношений США и России публицисты продолжали зачастую опираться на сформировавшиеся ранее стереотипы о «деловых» американцах. Предприимчивость американцев могла не

---

[683] Болдырев В.Г. Указ соч. С. 182.

[684] Пивоваров Н.Ю. «За вами не осталось ничего политически честного». Открытое письмо А.В. Сазонова правительству адмирала А.В. Колчака. 1920 г. // Исторический архив. № 4. 2010. С. 202-207.

[685] Волков Е.В., Ирвин Д. «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А. В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918–1920) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 4.

[686] Казакова О.Ю. Американской характер в восприятии русских людей (конец 1850-х – 1860-е годы) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник]. М.,2002. Вып. 2. С. 43.

только послужить хорошим позитивным примером для русских, но и сыграть положительную роль в деле экономического возрождения страны.

Еще накануне интервенции в прессе высказывались доводы в пользу необходимости тесного экономического взаимодействия с США. В апреле 1918 г. на страницах «Голоса Приморья» выражалась надежда на скорое экономическое сближение России и США, которому ранее мешали, по мнению автора, различия в политическом устройстве обеих стран – «свободный янки слишком недоверчиво смотрел на рабскую Россию». Наиболее перспективным для задач восстановления российской экономики автор считал привлечение американского капитала, который будучи «аполитичным», смог бы «парализовать опасное влияние капитала немецкого»[687].

Автор статьи «Почему мы должны сближаться с Америкой», опубликованной в той же газете несколько позднее, отвечая на поставленный в заголовке вопрос, утверждал, что Россия схожа с Америкой природными условиями, ей предстоит пройти ту же часть экономического пути, которую США уже прошли. К тому же, по словам автора, – Америка стремится к прочным взаимовыгодным экономическим отношениям, и что самое главное – «подходит к России без всякой задней мысли»[688]. Можно видеть, таким образом, что отдельные авторы пытались повлиять на общественное мнение и в преддверии уже вполне ожидаемой интервенции сформировать отношение к той или иной державе-представительнице союзников, в данном случае США.

При обосновании выбора американских промышленников и финансистов в качестве наиболее приемлемых партнеров для отечественной экономики указывалось на то, что «…этот внешний капитал должен отличаться качествами противоположными нашему капиталу – предприимчивостью и инициативой; это должен быть капитал, в распоряжении которого должны находиться все средства и возможности поставить нашу промышленность на должную техническую и

---

[687] Будущее экономических отношений России и Америки // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 6 (19) апр.

[688] Почему мы должны сближаться с Америкой // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 18 мая.

экономическую высоту, создать в то же время для наемного труда те условия, которые существуют для него в наиболее передовых странах мира»[689].

Однако не все публицисты расценивали приход американского капитала на восток России в качестве позитивной тенденции. Осенью 1918 г. один из членов правительственной делегации, посетившей Дальний Восток, в беседе с сотрудником «Зари» отмечал, что у русских сложилось убеждение о каких-то исключительно хороших свойствах американского капитала и особых демократических приемах при завоевании этим капиталом той или иной страны». Полагая, что американцы и японцы стремятся «заменить русскую творческую энергию своей собственной», собеседник называл неосторожным поведение русских предпринимателей и кооператоров, «бросившихся навстречу» иностранному капиталу, и считал, что более безопасным было бы обращение к англо-французско-бельгийскому капиталу, «не грозящему полным экономическим завоеванием»[690].

На фоне нараставшего недовольства политикой США в отношении антибольшевистских сил в прессе появлялись негативные оценки перспектив экономического сотрудничеств с Заатлантической республикой. Так, американцы изображались порой как беспринципные дельцы, стремящиеся извлечь из событий в России максимальную выгоду. В «Голосе Приморья» в одной из статей, автор которой ранее работал в США, отмечалось, что «для американских коммерсантов сибирский рынок имеет огромный интерес». О Сибири они имели самые отрывочные сведения, и считали, что туда можно отправлять любые товары, в том числе и те, которые невозможно продать в Соединенных Штатах. Отмечалось при этом, стремление американцев «надуть» своих русских партнеров и покупателей[691]. В конце мая 1919 г. генконсул в Сиэтле Богоявленский пересылал статью из местной газеты о том, кто едет из США в Россию. В

[689] Факторы возрождения нашей промышленности // Голос Сибири. Томск. 1918. 28 дек.
[690] Соловьев М. В кулуарах международной политики // Заря. Омск. 1918. 1 ноября.
[691] Сибирский Клондайк и американские поставщики // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 12 марта.

публикации сообщалось, что в Сибирь ехали по большей части «подонки американцев», целью которых была не помощь России, а нажива[692].

О некачественных поставках из Америки в сентябре 1919 г. сообщал П.Н. Перов, работавший в составе русских комиссий, занимавшихся закупками вооружений для русской армии. По его словам, американцы отправляли в Россию «негодные винтовки», песок вместо пороха, незакаленные штыки, битое стекло вместо револьверов[693].

Таким образом, стереотипные представления об американцах, актуализация которых происходила в рамках обсуждения проблем экономического взаимодействия России и США, включали в себя сложившиеся в предшествующие периоды характеристики, которыми наделялся типичный предприимчивый «янки». Происходило это независимо от того, как воспринимался приход американского капитала в Россию – как благо или как угроза. И восхищаясь, и критикуя американцев, авторы опирались на одни и те же стереотипы, различной была лишь их интерпретация.

«Развитие производительности труда находится в тесной связи от знаний, рассеянных в народных массах», – отмечалось в опубликованной в «Сибирском вестнике» заметке, посвящённой сравнению русского, американского и французского рабочего. Как следовало из приведенных цифр, затраты на образование в США существенно превосходили аналогичные в Европе и России, в связи с этим и производительность и зарплата американского рабочего также была существенно выше. Неутешительный вывод – «…Россия безграмотна, а отсюда, как мы показали, бедна и убога»[694], выступал и своеобразным призывом к улучшению отечественного образования.

Говоря о необходимости улучшения экономического положения, укрепления курса рубля и восстановления заводов и фабрик, члены правления Явленского[695] культурно-просветительского общества призывали всех

---

[692] Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция… С. 107.
[693] Ф. 40218. Оп.1. Д. 121. Л.33 об. // РГВА.
[694] Из мира труда. Рабочие американский, французский и русский // Сибирский вестник. Омск. 16 окт.
[695] Ныне сельский округ Явленский, Есильского р-на, Северо-Казахстанской обл. Казахстан.

содействовать просвещению населения, приводя в пример Америку, в которой имелась по их словам «257 851 школа, а у нас только 63 742»[696]. Всеобщая грамотность американцев, отмечавшаяся и русскими авторами на рубеже веков[697], таким образом, во многом воспринималась как залог успешного роста экономики США.

Активным образом пропагандировали успехи американского образования и сами представители США. Ряд публикаций журнала «Дружеское слово» был также посвящён устройству и работе американских школ, профессиональных и высших учебных заведений. Кроме того, статьи профессора В.Ф. Росселя, посвященные образовательной системе США, ранее опубликованные в журнале, вышли отдельным изданием[698].

Отдавая должное высокому уровню развития американского образования, некоторые авторы воспроизводили вместе с тем известное еще с начала века представление о предельном рационализме и утилитаризме американской культуры[699]. Мнение о том, что в эстетическом отношении американцы стоят ниже русских и европейцев, бытовавшее в среде русской и западноевропейской интеллигенции, высказывалось на фоне роста разочарований «русской политикой» Америки.

В августе 1918 г. во владивостокском «Голосе Приморья», в котором годом ранее публиковались призывы к сближению с США, вышла статья с емким заголовком «Янки». Автор, скрывшийся под псевдонимом Славянин, выражал сомнения в том, что США действительно в состоянии помочь России, население которой «с присущей русскому человеку доверчивостью» искренне надеялось на помощь «волшебника» янки. Называя «наивными» русских, поверивших в могущество Америки, автор считал наивными и самих американцев, подумавших, что они «завоевывают наши симпатии и наши рынки», но спасовавших перед тяжелыми условиями российской действительности. Подытоживая свои

---

[696] Всем // Единство. Петропавловск. 1919. 21 июня.

[697] Сергеев Е.Ю. Образ США в представлениях россиян (начало XX века) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник]. М., 2000. Вып. 1. С. 241.

[698] Россель В.Ф. Развитие системы образования в Соединенных Штатах. Владивосток, 1919. 64 с.

[699] Сергеев Е.Ю. Образ США в представлениях россиян… С. 238.

размышления относительно США, автор называл американскую культуру «узколобым атлетом, развившим невероятно свои стальные бицепсы за счет интеллекта»[700].

Данная статья, из-за которой газета впоследствии была закрыта, являет собой наглядный пример того, как в контексте выражения недовольства политикой США происходило сочетание автостереотипов и представлений об американцах.

Эффектным выражением экономической мощи США и высокого уровня культурного развития американского общества стало создание в достаточно короткий срок многочисленной и вооруженной армии. Публикация сведений о колоссальной судостроительной программе и об отправке в Европу свыше миллиона американских солдат укрепляла надежды на скорую победу союзников над Германией. Отмечались при этом достоинства армии США – «спаянная железной дисциплиной и обученная при содействии французских инструкторов армия эта не раз уже проявляла свою стойкость и боевые способности на полях Франции»[701]. Помимо технической оснащенности подчеркивался и высокий боевой дух солдат. «Вид американцев – бодрый, веселый, решительный. Сразу чувствуется, что они идут на войну не по принуждению, а с полным сознанием своего долга»[702], – сообщалось в послании корреспондента «Голоса Приморья» опубликованном весной 1918 г.

Почти за месяц до победы союзников «Сибирский вестник» вновь сообщал о грандиозном военном строительстве Соединенных Штатов. Несомненно, что приводимые газетой данные о 20-ти миллионном мобилизационном резерве, 25 тыс. аэропланов и 100 тыс. летчиков, подготавливаемых Америкой, не могли не произвести впечатления на сибирского читателя, рисуя образ непобедимой армады[703].

---

[700] Янки // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 28 авг.
[701] Военная помощь Америки // Сибирский вестник. Омск. 1918. 6 сент.
[702] Иванов Юрий. Письма из Франции // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 9 (22) марта.
[703] Военное могущество Америки // Сибирский вестник. Омск. 16 окт.

Эффектные фото с изображениями новейших американских дредноутов, самолетов и стройных шеренг солдат, публиковавшиеся Американским Бюро Печати на обложках «Дружеского слова»[704] вполне соответствовали духу сообщений, служа для них исчерпывающей иллюстрацией. Сами американцы, снабжая данные изображения миролюбивыми подзаголовками, стремились, таким образом, укоренить в сознании читателя образ Америки как страны борющейся исключительно за мир.

Рост вооруженных сил Соединённых Штатов свидетельствовал, по мнению публицистов, также и о сохранении империалистический устремлений американского руководства. На чем не забывала останавливать свое внимание левая печать[705]. Впрочем, и кадеты полагали, что колоссальная судостроительная программа США, встревожившая Японию, «едва ли способна внушить уверенность в прочности миротворческих начал…»[706].

Появление американцев во Владивостоке наряду с другими союзниками также было отмечено представителями прессы, обратившими внимание и на внешность, и на проявление особенностей национального характера янки. Высадившиеся американцы описаны как «рослые, крепкие, плотные и энергичные…», «с виду сельско-хозяйственные рабочие с каких-то плантаций», «держатся солидно и с чувством собственного достоинства». Вместе с тем, короткие пальто вместо шинелей придавали им, по словам корреспондента, «буржуазно-солидный» вид. Парад американцев охарактеризован, как «демонстрация прогресса, могущества и красоты заокеанской республики». А табун мулов и множество автомобилей и мотоциклов, выгруженных с транспортов и «немедленно пущенных в ход», служили наглядным подтверждением чрезвычайной активности американцев, выраженной лозунгом «Америка, вперед!»[707].

---

[704] Дружеское слово. Владивосток. 1919. 27 янв., Дружеское слово. Владивосток. 1919. 17 февр.
[705] Международные перспективы наступающего года // Голос Сибири. 1919. 1 янв.
[706] Иркутск, 4 февр. // Свободный край. Иркутск. 1919. 4 февр.
[707] Петров И. Высадка союзников во Владивостоке // Народная газета. Томск. 1918. 13 дек. (30 ноября).

В апреле 1919 г. в ряде телеграмм, адресованных С.Д. Сазонову, управляющий министерством иностранных дел И. И. Сукин сообщал о том, что «американское командование, по-видимому, рассматривает большевиков как политическую партию, имеющую право на существование». Это, а также «поведение некоторых американских солдат, их пьянство, разгул и пренебрежение к русским национальным настроениям» создавало, по словам министра, благоприятную почву для противоамериканской пропаганды[708]. Сведения о некорректном поведении интервентов, просачиваясь в прессу, становились весомым поводом для критики союзников.

В течение 1919 г. в печати неоднократно публиковались заметки, статьи, письма очевидцев, телеграммы, которые свидетельствовали о низком уровне дисциплины и морали американцев, их враждебности к русскому мирному населению и военным, нежелании воевать с большевиками. Высказывания прессы относительно двойственной политики американцев по отношению к большевикам имели под собой основание. Весной 1919 г. войска США отказались поддержать японцев в боях против большевиков, мотивируя это тем, что они считают большевиков «одной из политических партий в России», и «не имеют права вмешиваться во внутренние дела страны»[709]. Г.М. Семенов, между тем, напрямую обвинял командование сил США на Дальнем Востоке в снабжении красных партизан амуницией и оружием[710].

По свидетельствам очевидцев, такое поведение интервентов явно не приветствовалось среди местного населения. Автор одной из статей в газете «Голос Приморья», профессор Бородин на основании высказываний жителей Владивостока отмечал: «довольно отчетливо можно наблюдать то сдержанное, то ярко выраженное недовольство американцами, обусловленное, по словам собеседников тем, что они не принимают участия в борьбе с большевиками, а иногда даже потворствуют им…»[711]. Позже в этой же газете вновь указывалось на

---

[708] Ф. 40218. Оп. 2. Д. 121. Л. 19 – 19 об. // РГВА.
[709] Пора понять Америку // Русский восток. Чита. 1919. 13 апр. (31 марта).
[710] Семенов Г.М. О себе… С. 221.
[711] Бородин Н. О владивостокских настроениях // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 20 апр.

«охлаждение в отношениях русского населения к американцам», причем газета винила в этом американское командование[712].

Даже полковник Дж. Уорд отмечал впоследствии, что во многом именно благодаря бездействию и «покровительству» американцев на территории Восточной Сибири вновь организовались боеспособные и многочисленные отряды красных. Такая политика американского командования, по словам Уорда, привела к тому, что «русские власти враждебно отвернулись от них, а там где этого не случилось, сами американцы принимали враждебную позицию против русских властей»[713].

С мнением о том, что присутствие американцев приносило больше вреда, чем пользы в некоторой степени соглашался и командующий американским контингентом В. Гревс, заявлявший впоследствии, что «интервенция была громадной ошибкой, непростительным отклонением от общепринятой практики международных отношений, результаты чего вскоре оказались гибельными»[714].

Как отмечал Г.К. Гинс, «реакционные элементы» русского общества «всегда будут отрицательно относиться к заатлантической державе»[715]. Наиболее яркий пример в данном случае представляли читинские и дальневосточные консервативные газеты, стремившиеся создать положительный образ «доблестных японцев», защищающих Сибирь от большевиков, всячески противопоставляя им «хитрых янки».

Читинский «Русский восток», в связи с отказом американцев поддержать японские войска, развернул целую кампанию против США. Автор одной из статей – некто Русский гражданин – подчеркивал, что борются с большевиками в Сибири исключительно русские, «славные чехословаки» и «доблестные японцы», «кровью доказавшие нам свою союзническую дружбу». «Американцы, – с сарказмом писал гражданин, – явившиеся в мировой войне к «шапочному разбору», «буквально лезут в Россию то в форме каких-то христианских

---

[712] Американцы и мы // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 24 мая.
[713] Уорд Д. Указ соч. С. 157-159.
[714] Гревс У. Американская авантюра в Сибири. М., 1932. С. 247.
[715] Гинс Г.К. Указ соч. Т.2. С. 570.

молодцов, затем инженеров, издателей “дружеской литературы”, массы коммивояжеров с сельскохозяйственными машинами и прочим добром и даже – вот благодетели то! – армии охранников и чиновников на наших железных дорогах». В заключение автор статьи призывал американцев «оставить Россию в покое», если они не желают воевать с большевиками[716]. Стереотипные представления об американских дельцах, подкрепленные реальными фактами, вновь в данном случае оказались востребованы, теперь для жесткой критики не желавших воевать янки.

В фельетоне читинской газеты «Восточный курьер» также затрагивалась данная тема. В якобы услышанном автором диалоге двух «не то девиц, не то дам» сравнивались представители двух держав – Японии и США. По мнению женщин, американцы – «настоящие кавалеры» с «широкой натурой». Барышни одобряли поведение американцев, которые «только получают жалование и гуляют». Японцы же, напротив, критиковались за то, что они «не кавалеры, а просто солдаты», занятые маневрами, стрельбами, маршами[717]. Нетрудно догадаться, что именно представители США были здесь объектом насмешки. Автор, симпатизировавший японцам, стремился показать, что поведение американцев явно не соответствовало образу настоящих союзников русских – они не воюют с большевиками, бездействуют, не желая «вмешиваться во внутренние русские дела», все их достижения сводились к «завоеванию успеха у дам».

Тема взаимоотношений интервентов и русских женщин неоднократно встречалась в фельетонах, описывающих «франтоватых интервентов», «прилипчивых нахалов иностранцев», обижавших русских «мисс» и «леди». Союзники-интервенты, на которых многие возлагали надежды по освобождению России от большевизма, вели себя совершенно неподобающе по отношению к русскому народу, что трактовалось как моральное унижение. Размывание образа союзников в роли помощников вело и к искажению представлений о союзниках как эталоне. Не случайно в статье того же «Восточного курьера», посвященной

[716] Пора понять Америку // Русский восток. Чита. 1919. 13 апр.
[717] Маленький фельетон. Мимоходом // Восточный Курьер. Чита. 1919. 17 авг.

откликам на закрытие «Голоса Приморья» язвительно отмечалось – «не многому, кажется, научимся мы у демократической нации»[718].

Целый ряд происшествий с участием американских военнослужащих вызвали откровенное недовольство местной прессы. Газета «Забайкальская новь» отмечала, что неоднократные инциденты с участием американцев, которые «в высшей степени своеобразно понимают задачу своего пребывания в России», «достаточно уже отшатнули русские симпатии от наших заатлантических союзников, в силу этого население приморской окраины, видимо, меньше всего склонно доверять своим «защитникам» американцам». По мнению газеты, своим поведением американцы «создали обстановку весьма близкую к самой резкой вспышке протеста со стороны населения и войск»[719].

В прессе можно встретить слова относительно США и американцев, подобные данному высказыванию газеты «Восточный курьер» – «Проникнуты ли мы симпатией к этой стране? Нет, ибо народ русский в целом имеет об американцах представления еще меньше чем об англичанах»[720]. Сами интервенты замечали, что русские не испытывают симпатий к американцам. Австралиец Лэтчфорд отмечал, что среди американских солдат было значительное количество евреев-эмигрантов из России, которых избегали использовать как за, так и против белого правительства по причине их склонности «к самоопределению для малых народов». К американцам, по его словам, не испытывал благосклонности ни один из «оказывающих помощь союзников», а русские когда хотели оскорбить кого-то из интервентов привычно бормотали «Amerikanski»[721].

Следует отметить, что сообщения о русско-американском экономическом сотрудничестве[722], технической помощи в сфере транспорта[723], деятельности АКК

---

[718] Отклики // Восточный курьер. Чита. 1919. 11 сент.

[719] Невмешательство // Забайкальская новь. Чита. 1919. 7 окт.

[720] Незнакомец. Россия и мирные договоры // Восточный Курьер. Чита. 1919. 30 сент. (17 сент.).

[721] Лэтчфорд Е.У. С белой армией в Сибири / перевод и комментарии В. Крупника [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. Электрон. дан. [Б. м.], 1998-2016. URL: http://zaimka.ru/white/latchford.shtml (дата обращения: 16.04.2018).

[722] См., напр. В мире кооперации. Успехи кооперации в Америке // Алтайский край. Бийск. 1919. 17 июля; По России. Заем самоуправлений в Америке // Вестник Приуралья. Челябинск. 1919. 19 марта.

[723] См., напр. Контроль над сибирской дорогой // Труд. Минусинск. 1918. 20 (7) ноября.; Инженер Стивенс о сибирских дорогах // Труд. Томск. 1919. 10 апр.; Наш транспорт // Освобождение России. Пермь. 1919. 18 июня.

и ХСМЛ[724], подкрепленные реальными результатами, не могли не создавать положительную репутацию американцам. Важно отметить, вместе с тем, что часть военных, не без оснований, считала гуманитарную деятельность Америки прикрытием для разведывательных и пропагандистских акций. Так, в докладе поручика Баранова, направленном начальнику контрразведки при Штабе Верховного главнокомандующего в июне 1919 г. указывалось на то, что агенты ХСМЛ подчинялись руководству США и «под видом добродетелей были разосланы во все страны с целью наблюдения за действиями разных правительств»[725]. Таким образом, даже невоенная деятельность представителей заокеанской республики у некоторых представителей Белого движения вызывала подозрения.

С другой стороны, сведения о некорректном поведении американцев[726], двойственная политика в отношении большевиков и пресловутое «невмешательство», создавали между русскими военными и гражданскими властями и представителями США «непримиримый антагонизм, готовый в любую минуту перейти в открытое столкновение»[727]. Как было показано выше, данный антагонизм находил выражение и в газетных публикациях. В конечном счете, как сообщалось в газете «Уссурийский казачий вестник», уход американских солдат ничего кроме облегчения у населения не вызывал[728].

В период Первой мировой войны Россия и Япония, как известно, стали формальными союзниками. Однако, как отмечает Е.С. Сенявская, временный и «противоестественный» характер данного союза был очевиден для русского общественного сознания и, особенно, для военных[729]. Как было указано выше, с начала 1918 г. в приводимых прессой материалах неоднократно отмечалось, что в возможной интервенции весьма значительную роль может сыграть Япония,

---

[724] См., напр. Помощь Америки России // Сибирские стрелки. [б. м.]. 1919. 31 марта.

[725] Ф. 40218. Оп. 1. Д.104. Л. 4об. // РГВА.

[726] Так, во владивостокской газете «Дальний Восток» существовала даже особая рубрика «Шипы интервенции», где сообщалось о различных негативных проявлениях союзного вмешательства. См., напр. Шипы интервенции // Дальний Восток. Владивосток. 1919. 1 апр., Шипы интервенции // Дальний Восток. Владивосток. 30 марта.

[727] Ф. Р-147. Оп.8. Д.34. Л.151 // ГАРФ.

[728] На Имане // Уссурийский казачий вестник. Владивосток 1919. 1 ноября.

[729] Сенявская Е.А. Противники России в войнах XX века… С. 37.

которая в силу своего положения и своих интересов считает себя «хранителем порядка на Востоке»[730].

Активность японцев в регионе, назревающее противостояние между Страной восходящего солнца и США не могли не вызывать беспокойства со стороны русских публицистов. В одной из статей газеты «Приамурская жизнь», опубликованной в апреле 1918 г., положение Дальнего Востока сравнивалось с состоянием «больного человека» – Турции, – Россия так же слаба, но на нее «зарятся» не одни японцы, «за их попытками прибрать лакомый кусок зорко и ревниво следит «дядя Сэм». Вместе с тем, в этом соперничестве автор статьи видел «наше спасение», так как «Япония не рискует пойти на открытый конфликт с Америкой, хотя и давно назревающий»[731].

До начала интервенции «рецепт спасения» от притязаний соседей заключался в создании авторитетной власти, однако и после создания единой антибольшевистской власти высказывались предположения о том, что соперничество между державами может повредить России. Сообщая о столкновении интересов США и Японии в вопросе о контроле над Сибирской магистралью иркутская «Мысль» выражала мнение о том, что «…из столкновения интересов Японии и Соединенных Штатов больше всего проиграет Россия... Мы окажемся между молотом и наковальней. И для нас будет безразлично – кто будет играть роль молота, а кто наковальни»[732].

Оценивая внутреннюю и внешнюю политику западных держав, авторы актуализировали те идеи и ценности, которые казались им привлекательными и достойными подражания. В случае с Японией дело обстояло несколько иначе. Активность японцев в Китае, масштабные военные приготовления, а затем и ввод крупных сил на территорию востока России подталкивали к выводам об агрессивности и милитаризме японцев. В связи с этим высказывались мнения о схожести Германии и Японии по ряду параметров.

---

[730] О роли Японии // Амурское эхо. Благовещенск. 1918. 15 февр.

[731] Хабаровск, 17 апреля // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 17 (4) апр.

[732] Среди газет. К международному контролю над Сибирской магистралью // Алтайская мысль. Барнаул. 1919. 15 марта.

Еще в январе 1918 г. в сообщении газеты «Приамурская жизнь» об «усовершенствовании и без того громадных вооруженных сил» Страны восходящего солнца, отмечалось, что Япония расширяет свои силы по образцу Германии, базируя на них свое будущее среди стран мира[733]. То, что Япония действует во многом «по образцу» Германии не оставалось не замеченным и ее союзниками англичанами. По словам Дж. Уорда, «японская печать была явно германофильской». А сами японцы, поверившие, что Германия предназначена управлять миром, к сожалению полковника, брали пример «с этого ужасного образца», открыто бахвалясь тем, что они «германцы востока»[734]. Барон А.П. Будберг в конце марта 1918 г. также отмечал, что среди японцев много «немцефилов»[735].

Сходство двух стран подмечалось и в публикациях правительственного «Сибирского вестника». Японцы, по словам издания, не только решительно копировали Германию в вопросах внутреннего устройства[736], но и вели аналогичную империалистическую политику в отношении своих соседей, прежде всего, Китая[737]. Однако, как отмечает М.М. Стельмак, развития данной темы в правительственной печати не последовало, осенью в прессе подчеркивалась решимость японцев, наряду с другими союзниками стремившихся помогать России[738].

В партийной печати опасения насчет японского милитаризма появлялись и после поражения Германии. В издании читинских кадетов приводилась публикация, автор которой, сравнивая США и Японию, говорил о Японии как единственной великой державе, где «военные имеют преобладающее значение, управляют иностранной национальной политикой». При этом отмечалось, что «до тех пор, пока эти условия существуют, разоружение будет неосуществимо, а

---

[733] Военные приготовления Японии // Приамурская жизнь. 1918. 23 янв.

[734] Уорд Дж. Указ. соч. С. 43.

[735] Будберг А.П. Дневник барона А.П. Будберга // Архив русской революции в 18 тт. М., 1991. Т.12. С. 290.

[736] Международное положение. Германские настроения в Японии // Сибирский вестник. Омск. 1919. 21 августа.

[737] За рубежом. Япония и Китай // Сибирский вестник. Омск. 1919. 21 августа.

[738] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири… С. 115.

демократия будет в опасности…». «Япония союзница стран борющихся за права демократии, тащится сзади них, тормозя человеческий прогресс», – полагал автор, указывая в то же время на возможную ответственность Японии за новую войну, – «…недопустимо, чтобы предрассудки и честолюбие военной касты Японии повели вниз весь мир»[739].

Необходимо отметить, что общественное мнение Японии не стояло целиком на прогерманских позициях, как это казалось на первый взгляд, подтверждения чему приводились и в русской прессе. Так, «целую бурю негодования» в части японской прессы вызвало интервью японского премьера графа Терауци корреспонденту американского журнала «Outlook». Откликаясь на интервью, ассоциация токийской прессы «Сюндзюкай» вынесла резолюцию, гласившую: «Есть лица, распространяющие, что после войны Япония, быть может, будет действовать рука об руку с Германией, но японская нация никоим образом и во сне даже ничего подобного не думала»[740].

Несмотря на неоднозначность тезиса о германофильстве японцев, важно отметить, что появление его в целом было симптоматичным и свидетельствовало о существовании в информационном пространстве стереотипа, представлявшего японцев в виде «дальневосточных германцев» – империалистов и милитаристов, оказавшегося, как показали события последующих десятилетий, весьма живучим.

Представления о милитаризме японцев тесно переплетались с еще одной темой, возникшей на рубеже веков и выраженной понятием «желтая опасность», вошедшим в обиход с легкой руки кайзера Вильгельма II[741]. Еще летом 1918 г., в «Приамурской жизни» выражались опасения в связи со статьей в японской газете «Кокумин», в которой подчеркивалась необходимость сотрудничества Японии и Китая для противостояния Западу. Слова о том, что если Япония и Китай будут действовать совместно, то они сделаются великой державой, которой вряд ли смогут противостоять другие, свидетельствовали, по словам газеты о том, что

---

[739] Почему Америка продолжает вооружаться // Забайкальская новь. Чита. 1918. 26 дек.

[740] Сухарев Ф. Протест токийской прессы // Голос Приморья. Владивосток. 1918. 30 мая (12 июня).

[741] Молодяков В.Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник] / Отв. ред. А.В. Голубев. М.: ИРИ РАН, 2002. Вып. 2. С. 327.

сделан «первый агрессивный шаг в осуществлении давно лелеемого и в Китае и в Японии девиза “Drang nach Westen”». Однако беспокойство по поводу того, как бы Европа, увязшая во взаимной свалке, «не проморгала» «грозную опасность новой Тамерлановщины», которая «уничтожит все плоды исторического развития и культуры человечества на протяжении тысячелетий и водворит господство желтых над миром»[742], тем не менее, разделялось далеко не всеми.

По мнению А.П. Будберга, создание такого союза было проблематичным. Как верно подмечал генерал, Японии куда выгоднее было поддерживать беспорядок в Китае и эксплуатировать его, поскольку «здоровый и могучий Китай – это конец Японии как промышленной и военной силы»[743].

В апреле 1919 г. владивостокская газета «Эхо» вновь обратилась к данной теме в связи с появлением публикации, посвященной «желтой опасности», в одном из европейских журналов. Не соглашаясь со своим европейским коллегой, журналист из «Эхо» В. Даурский полагал, что прежде чем «объединить желтую расу под своей гегемонией», Япония будет вынуждена сделать ряд промежуточных шагов. Интересы Китая, склонного укреплять дружбу с Америкой, были не однородны с интересами Японии, а в самой Японии далеко не все заражены пан-азиатизмом[744].

Таким образом, высказывавшиеся в прессе представления об агрессивности японцев и их империалистических устремлениях все же не следует рассматривать как предчувствие крупномасштабного цивилизационного противостояния с «новыми монголами».

Первые признаки недовольства по отношению к японским союзникам появились уже осенью 1918 г. Особое внимание печати привлекала проблема скупки иностранцами, прежде всего японцами, американцами и китайцами, недвижимости, предприятий, сырья и различных товаров на российском Дальнем Востоке. Весьма живо на это отреагировала кадетская печать.

---

[742] Хабаровск, 21 июня // Приамурская жизнь. Хабаровск. 1918. 21 июня.
[743] Будберг А.П. Дневник барона А.П. Будберга // Архив русской революции в 18 тт. М., 1991. Т.12. С. 290.
[744] Желтая опасность // Эхо. Владивосток. 1919. 6 апр.

В газете «Забайкальская новь» отмечалось, что еще до выступления Японии в Сибири, японские предприниматели усиленно скупали в Манчжурии все самые лучшие русские предприятия. Это, по словам газеты, приводило к росту безработицы среди русских рабочих и служащих. Опасаясь «хищнического и захватнического японского капитала», автор публикации возлагал надежду на «культурный» капитал англичан и американцев, к экономической помощи которых прибегнуть «выгоднее и полезнее», при том условии, если России все же суждено к этой помощи прибегать[745].

Редакция иркутской газеты «Свободный край» считала, что «страшно нашествие крупного капитала», захватывающего крупную промышленность, «но еще страшнее пришествие мелкого», проникающего «во все поры нашей жизни» и способного «хозяйничать как угодно». Критиковались при этом не только японские капиталисты, но и русская буржуазия, совершающая «тяжкий грех перед родиной, за который придется расплачиваться потомству»[746]. Конечные цели Японии в Сибири, по мнению редакции омской «Зари», были достаточно ясны. «Ее цель – поддерживая сепаратистские стремление на Дальнем Востоке, добиться выделения его в автономную провинцию с преобладающим экономическим и политическим влиянием Японии»[747]. Не могли н подтверждать данных опасений и перепечатки из японских газет, на страницах которых появлялись рассуждения о том, что Сибирь должна стать ареной экономической деятельности Японии[748].

Сообщения об экономической экспансии, предопределявшие негативное восприятие союзников, в то же время вступали в противоречие с информацией о союзной экономической помощи Сибири, что в итоге не могло не формировать достаточно смутных представлений о конечных целях союзников у сибирского обывателя. Сообщения о скупке предприятий и т.п. – не просто негативные

---

[745] Письма из Китая к японизации Северной Манчжурии, русского Дальнего Востока и Сибири // Забайкальская новь. Чита. 1918. 2 окт.

[746] Иркутск, 10 октября // Свободный край. Иркутск. 1918. 10 окт. (27 сент.).

[747] Японские цели в Сибири // Заря. Омск. 1919. 3 янв.

[748] Японская печать // Вестник Манчжурии. Харбин. 1919. 1 янв.

штрихи к образу японцев, важно отметить и ту роль, которую играла их интерпретация в риторике авторов. В очередной раз газетные публицисты пытались повлиять на сибирскую и дальневосточную общественность, в данном случае – буржуазию, призывая ее к патриотизму и бережливости. Даже симпатизировавшие японцам газеты, сообщая о распродаже иностранцам российских богатств, публиковали призывы, адресованные русской буржуазии развивать предпринимательскую деятельность в Сибири, стремиться конкурировать с иностранными капиталистами, чтобы не оказаться в зависимости от «американского янки или хитрого японца»[749].

Причем, если правая печать выступала за тесное экономическое сотрудничество с японцами[750], то левые издания видели угрозу даже в сообщения о возможной японской помощи. Так, сообщение о переговорах русского правительства с японцами о заключении займа у Японии, соглашаясь на который Япония якобы требовала права на эксплуатацию промышленных предприятий на востоке России, по словам иркутской «Сибири», свидетельствовало о том, что «планомерность и организованность стремлений японского капитала захватить торговлю и промышленность Сибири совершенно ясны»[751].

Недовольство могли вызывать и нечестные приемы японских торговцев, что роднило представления них с образом хитрых «дельцов-янки». В публикации, посвящённой качеству японских товаров и ответственности за них японских и русских торговцев, отмечалось, например, что к «глубокому сожалению к нам часто идет из японского коммерческого мира элемент наиболее авантюристический, за исключением нескольких крупных солидных фирм и отдельных лиц»[752]. Несмотря на предостережения печати, распродажа российских богатств продолжалась. И осенью 1919 г., незадолго до падения Омска, на страницах владивостокской газеты «Голос Родины» выражалось мнение о том, что с выдачей иностранных концессий следовало обождать до тех пор, когда

[749] Бороться с экономическим закрепощением Сибири // Русский восток. Чита. 1918. 28 ноября.
[750] Экономические перспективы Сибири // Русский восток. Чита. 1918. 31 окт.
[751] Последняя почта. Поход японского капитала // Сибирь. Иркутск. 1918. 7 ноября.
[752] Made in Japan // Голос Приморья. Владивосток. 1919. 25 янв.

Россия станет «страной великого государства, единой нацией, не разделенной и не разрушенной храминой»[753].

В данном случае японцы не всегда выступали как носители неких позитивных ценностей, на которые следовало бы равняться. Заострение внимания на опасности экономического завоевания призвано было пробудить положительные качества у русской буржуазии, погрязшей в спекуляции, как неоднократно отмечала пресса[754].

Томская «Народная газета» в упомянутой выше статье, посвященной высадке союзников, сообщала, что войска всех союзников были встречены населением доброжелательно. Исключение составили японцы, действия которых чуть ли не с первых дней начали вызывать недовольство[755]. Даже официальные обращения японских военачальников давали прессе возможность усомниться в дружелюбии японцев.

Читинская «Забайкальская новь» в октябре 1918 г. приводила для сравнения «Обращение британского правительства к русскому народу» и приказ по 27-му американскому полку, в которых подчеркивалось стремление англо-американцев «поддерживать сердечные отношения между союзными военными силами и русским народом» и обращение японцев, «возвещающих не только о помощи, но и о бедах, ожидающих русских в некоторых обстоятельствах». Сравнение подкреплялось описанием действий японцев, реквизировавших пароход «Сунгари», «учинивших насилие» над служащими Забайкальской железной дороги и занявших их квартиры и заканчивалось «сакраментальным» – «комментарии излишни»[756].

Иркутская «Сибирь» со ссылкой на корреспонденцию «Далекой окраины» сообщала о тревоге, охватившей население Хабаровска, из-за «поведения японских солдат, которые реквизировали у жителей продовольствие, не платя за это денег или платя по своему усмотрению». Особенно взволновала население

---

[753] Сибирь и иностранные концессии // Голос Родины. Владивосток. 11 ноября.

[754] См., напр.: С далекой окраины // Народная газета. Томск. 1918. 22 (9) окт. Мерзость // Думы Алтая. Бийск. 1918. 2 (20) ноября.

[755] Высадка союзников во Владивостоке // Народная Газета. Томск. 1918. 13 дек.

[756] Наши союзники // Забайкальская Новь. Чита. 1918. 10 окт.

декларация ген. Ои, в которой отмечалось, что частная собственность «остается неприкосновенной», но имущество общественное, которым на правах предстателей большинства населения управляли большевики, Япония считает почему-то своим военным призом…»[757].

Одной из причин подобных действия японцев являлся тот факт, что деятельность ведомств, ответственных за проведение интервенции не была согласованной. Об этой характерной особенности японской политики в декабре 1918 г. в секретном письме, адресованном Ю.В. Ключникову, сообщал из Токио В. Крупенский. Как отмечал посол, японское Военное ведомство в отличие от МИДа тяготело к более активной политике, в то же время военные на местах часто шли в своих действиях еще дальше[758]. Исходя из этого, дипломат рекомендовал при оценке японской политики сравнивать заявления и действия местных японских агентов и центрального правительства[759].

Тема «военных призов» имела свое продолжение, 13 октября 1918 г. член японской дипломатической миссии Ватанаба в беседе с сотрудником «СТА» заявлял, что разговоры о «военных призах» на самом деле – «…кривотолки, направленные против дружественных отношений Японии к русскому народу», имущество же после регистрации и установления владельца возвращается[760]. Правительственная печать, стремясь развеять опасения, также опубликовала ряд материалов, в том числе выдержки из интервью с ген. Ооба – командующего всеми японскими войсками в Сибири, поспешившего заявить, что японцы не посягают на суверенитет России[761].

Несмотря на то, что заявление официального японского представителя внесло некоторое успокоение, проблема «призов» продолжала сохраняться. Трофеями японцев становились как личные вещи и деньги, отбитые у

---

[757] Японцы в Хабаровске // Сибирь. Иркутск. 1918. 6 окт.
[758] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 122. Л.6. – Л.6 об. // ГАРФ.
[759] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 122. Л.6 об. – Л.7. // ГАРФ.
[760] Беседа с членом японской дипломатической миссии // Забайкальская Новь. Чита. 1918. 18 окт.
[761] Стельмак М.М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири… С. 128.

большевиков[762], так и важные стратегические объекты на территории Дальнего Востока. Так, под предлогом военной добычи японцам удалось захватить даже амурские канонерки и их дорогостоящую базу[763].

Различные эксцессы с участием японских войск, сообщения о которых публиковала пресса, не могли не способствовать формированию негативного отношения к Японии, особенно у населения Забайкалья и Приморья, находившегося в зоне действия японских войск. Подобные факты вкупе с нелицеприятными для русских рассуждениями японской прессы о «сибирском вопросе» подтверждали опасения левых относительно империалистических устремлений островной соседки России. «Знакомясь со всем тем, что пишут японские газеты о России и Сибири, невольно задаешься вопросом. О ком идет здесь речь? О дружественном и союзном государстве, которому друзья и союзники желают помочь в тяжкий момент его жизни, или побежденной и завоеванной стране», – удивлялся автор передовой статьи томского «Голоса Сибири», полагавший необходимым заявить перед всем миром, что «наша временная болезнь и слабость не дают еще права нашим соседям посягать на наша кровное достояние…»[764].

Активное (по сравнению с другими союзными силами) участие японцев в борьбе с большевиками также воспринималось неоднозначно. В марте 1919 г. японцами и казаками были подвергнуты обстрелу и сожжены деревня Андреевка и села Тамбовка и Ивановка в Амурской области, о чем японский штаб «с прискорбием сообщал» 25 марта в газете «Амурское эхо». Японское командование обещало, что и «впредь будет поступать так же беспощадно с теми деревнями, кои окажут гостеприимство и сочувствие большевикам, а не выдадут их или сами не арестуют»[765].

Акты устрашения возымели свое действие, результатом стало то, что соседние сельские общества стали выносить приговоры с отрицанием

---

[762] «Они... представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. // Отечественные архивы. 2008. №3. С. 73-81.

[763] Пионтковский С. Гражданская война в России (1918–1921гг.). Хрестоматия. М., 1925. С. 296.

[764] Восточная опасность // Голос Сибири. Томск. 1919. 23 янв.

[765] Бой с большевиками. Сообщение японского штаба // Амурское эхо. Благовещенск. 1919. 25 марта.

большевизма и признанием правительства, о чем сообщалось в мартовской сводке сведений о настроениях населения, поступившей в МВД[766]. Откликаясь на данное событие, владивостокская газета «Эхо», не «входя в обсуждение справедливости или законности деяния», выражала сомнения в целесообразности репрессивных мер в отношении «находящихся меж двух огней крестьян»[767].

Редактор томской «Народной газеты» Д. Розенберг выражал сомнение в том, что японцы сражаются против большевиков, предполагая – «возможно <…> мы имеем дело не с большевистским движением, а с патриотическим направленным против чужеземных “гостей”, таких гостей, про которых русский народ уж давным-давно сказал: “не прошеный гость хуже татарина”». Опасаясь того, что японцы ведут завоевание Амурской области, автор призывал разобраться в ситуации и не допустить того, чтобы «победа над большевиками не превратилась в победу над… Россией»[768].

Вместе с тем, существовала и обратная тенденция. Активность японцев, по мнению ряда авторов, напротив, свидетельствовала об их стремлении уничтожить большевизм и помочь русским. Особое внимание данной теме уделялось в читинских изданиях, симпатизировавших Г.М. Семенову. «Мы все видим, – отмечалось в газете «Русской восток» – Япония благородна в своих стремлениях оказать помощь во имя спасения России <…> и приносит в жертву ради этого своих юных сынов-воинов»[769].

Именно в рамках дискурса правых, консервативных сил чаще всего происходила актуализация образа Японии и японцев как образца для подражания. Как отмечал в связи с этим один из идеологов Омского правительства Н.В. Устрялов, «японцами бредили более правые элементы»[770]. Особое внимание читинских и дальневосточных публицистов привлекали черты национального характера японцев.

---

[766] Ф. Р-147. Оп.8. Д.34. Л. 26 об. // ГАРФ
[767] Уничтожение села // Эхо. Владивосток. 1919. 15 апреля.
[768] Розенберг Д. Японцы и большевики // Народная газета. Томск. 1919. 14 марта.
[769] Россия и Япония // Русский восток. Чита. 1919. 6 апр.
[770] Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое: альманах. СПб., 1991. № 2. С. 232.

Сближение России и Японии представляло, по мнению автора статьи «Кто нам японцы?», «минимальную опасность», поскольку разность культур «сообщает нам полнейший иммунитет». Смешение рас и «усвоение национальных японских особенностей государственного и общественного быта» представлялось автору маловероятным, однако японцы, по его словам, могли дать русским то, что «усваивается без ущерба для национальной самобытности» – порядок, трудолюбие, трезвость»[771].

В одной из статей газеты «Дальний Восток» России отводилась роль связующего звена между Западом и Востоком. По словам издания, наличие общих интересов и задач на Дальнем востоке, а также позитивные качества японского народа – энергичность, высокий уровень развития культуры – диктовали необходимость тесного сотрудничества между двумя странами. На Россию же возлагалась миссия по приближению Страны восходящего солнца к достижениям Западной цивилизации[772].

Постепенное разочарование в Западных союзниках, в частности США, усиливало симпатии к Японии и подталкивало консервативно-настроенных авторов к идее необходимости переориентации России на Восток. Через год после ввода основных сил японцев на Дальний Восток газета «Восточный курьер» в передовой статье сообщала о переломе общественного мнения в отношении Японии, о том, что даже ее вчерашние враги видят в азиатской державе «источник величия, безграничности, мощи и силы». В заключении же говорилось: «дряхлая Европа сдает свои дела в архив, а легендарная, мощная Азия ждет нас, уставших от борьбы, с распростертыми объятьями»[773]. Вновь затрагивая тему отношений с Японией, редактор этой же газеты, провозглашал политическим «грядущим» Русско-Японский союз, который «диктуется и территориальной близостью, и помощью Японии в нашей беде, и народными симпатиями, и общностью интересов на Дальнем Востоке»[774].

---

[771] Кто нам японцы? // Русский восток. Чита. 1918. 8 дек.
[772] Русско-японские отношения // Дальний восток. Владивосток. 1919. 30 марта.
[773] Перелом // Восточный курьер. Чита. 1919. 1 августа.
[774] Грядущее // Восточный курьер. Чита. 1919. 13 августа.

Рисуя позитивный образ японских солдат и офицеров, авторы публикаций опирались, в том числе, на особенности характера и поведения японцев. Позитивные характеристики японских военнослужащих, подчеркивавшие их выучку, оснащенность и боевые качества появлялись не только в прояпонских читинских газетах[775]. В опубликованном в сентябре 1918 г. в омской «Заре» сообщении со станции Оловянной подробно рассказывалось о японских солдатах, охарактеризованных как «быстрые», «ловкие» и «неуловимые». Считая «неуловимость» национальной чертой японской армии, автор также сетовал на то, что даже русская интеллигенция не постигла ни истории, ни духа нации, сумевшей осуществить у себя европейскую культуру, но оставшейся верной своим традициям[776].

Подчеркивалось в то же время и миролюбие представителей Страны восходящего солнца. В одной из заметок отмечалось, что «можно часто наблюдать сценки, показывающие сильно развитое у японских солдат чувство любви к детям». Данное утверждение иллюстрировалось сведениями о том, что почти каждый солдат имел запас сладостей для угощения детей, а японский солдат-велосипедист «осаждается детворой, желающей прокатится на машине»[777].

Разнообразные публикации, посвященные внутренней жизни Японских островов, во множестве появлявшиеся преимущественно на страницах восточносибирских и дальневосточных изданий, также содержали в себе ряд описательных характеристик, относившихся к японцам. Некоторые издания вели специальные колонки, посвященные событиям в Азии, или публиковали их в разделах «Иностранные известия». Владивостокская «Далекая окраина» имела, к примеру, колонку «Письма из Японии».

Особо следует отметить цикл статей «Кое-что о Японии» М. Васильева в газете «Восточный курьер». В заглавной статье цикла отмечалось, что российское общество мало знает о своих «самых близких друзьях» – японцах, ограничиваясь

---

[775] В качестве примера следует привести цикл статей полк. Крылова «Очерки японской армии», опубликованных в газете «Восточный курьер» в августе-октябре 1919 г.

[776] На станции Оловянной // Заря. Омск. 1918. 26 сент.

[777] Русский восток. Чита. 1918. 22 ноября.

лишь стереотипами – «хризантемами, рикшами и гейшами». Следовательно, целью статей являлось ознакомление российского общества с Японией, поскольку «если нужно знакомиться с возможными врагами, то не менее нужно знать своих друзей»[778]. Оценочный характер содержавшихся в таких публикациях характеристик также был способен повлиять на восприятие Японии и японцев читающей общественностью.

Понимание того, что Япония является единственной силой, способной оказать действенную помощь белым, обуславливало поворот в сторону позитивной репрезентации данной страны не только в правительственной риторике, но и в публикациях неправительственных изданий[779]. Тем не менее, в приморской печати, левого направления (в частности, земской), публикации, рисовавшие нелицеприятный облик японцев, появлялись и осенью 1919 г. Так, журнал «Земская жизнь Приморья» в ноябре 1919 года сообщал о не менее чем десяти случаях бесчинств, учиненных японскими отрядами, только в одном уезде, приводя также информацию и о нападениях партизан на крестьян, японцев и корейцев[780].

В глазах консервативной прессы Япония продолжала быть непогрешимой и на фоне того, как «расчетливые мореплаватели» (англичане) и «хитрые янки» «стали играть назад в русском вопросе», одни японцы оставались «друзьями истинными и верными союзниками»[781]. Тон некоторых демократических изданий по отношению к японцам также стал благожелательнее. В демократической газете «Наше дело», с осторожностью воспринимавшей Японию, отмечалось – «появляются признаки, что Япония не считает целесообразным реакционный курс» и стремиться к демократизации своей политики в России. Впрочем, вместе с тем, выражалось мнение, что сознание нецелесообразного насаждения реакции и союзниками и буржуазией «пришло слишком поздно» – народ не пойдет за

[778] Кое-что о Японии // Восточный Курьер. Чита. 1919. 12 августа.

[779] Стельмак Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири… С. 267.

[780] В земствах Приморской области. Японцы в Ивановской вол. Ник.-Уссур. Уезда // Земская жизнь Приморья. Владивосток. 1919. № 25. 6 ноября. С. 20-21.

[781] Мы и иностранцы // Восточный курьер. Чита. 1919. 21 сент.

русской буржуазией и изменить, что-либо, накинув на себя «плащ демократизма», уже нельзя[782].

Официальная риторика была наполнена симпатиями японцам. Накануне краха правительства А.В. Колчака его идеолог Н.В. Устрялов приветствовал «…верных союзников японцев, вместе с нами сознавших, что не может быть мира с большевизмом и его агентами и кровью своих сынов на русских полях запечатлевших это сознание»[783]. Описывая свои иркутские впечатления позже сам Н.В. Устрялов отмечал, что «в “штабе” колчаковской идеи, в Бюро печати, считавшемся чуть ли не единственным учреждением, вросшим в режим!» все считали дальнейшую войну бессмысленной[784].

Подводя итог, отметим, что формирование образов США и Японии как эталона для российской общественности происходило по тем же принципам, что и в случае с Британией и Францией. Как отмечают А.В. Голубев и О.С. Поршнева, образы «Чужих» выступают проекцией «национальных, политических, религиозных и иных идеалов, а также идеалов и ценностей отдельных слоёв общества»[785]. В данном случае позитивный образ американцев отражал политические предпочтения «революционной демократии» и либералов-государственников, в то время как в идеализированных представлениях о Стране восходящего солнца выражались идеалы и надежды правых элементов.

В отличие от западных союзников образ Японии претерпел обратную эволюцию – от опасений и антипатий, к симпатиям и надеждам. Представляется, однако, что это был скорее «брак по расчету». Понимая, что ни Запад, ни японцы, в конечном счете, не заинтересованы в победе антибольшевистских сил, публицисты и идеологи Белой Сибири скорее по инерции продолжали надеяться на помощь тех, кто ее еще мог оказать – японцев.

Важно отметить, что газетная информация и пропагандистская риторика вряд ли могли изменить мнение тех, кто напрямую столкнулся с произволом

---

[782] Наше дело. Иркутск. 1919. 13 ноября.
[783] В грозный час // Русское дело. Иркутск. 1919. 27 дек.
[784] Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца… С.249.
[785] Голубев А.В., Поршнева О.С. Указ. соч. С. 12.

союзных войск. Союзники, которые, по словам некоторых изданий, действовали в деревне как «безответственные и полновластные хозяева края»[786], своим поведением, в конечном счете, могли склонить народные симпатии на сторону большевиков. Показательны в связи с этим слова приморских крестьян, ставших свидетелями убийства японцами двух школьников-подростков: «большевики у нас, по крайней мере, никого не тронули. А эти даже детей не щадят»[787]. При этом и сами большевики, которых белые постоянно обвиняли в интернационализме, акцентировали внимание на факторе иностранного вмешательства. Так, обращаясь к пленным колчаковцам осенью 1919 г., М. Фрунзе, характеризовавший положение внутри белого движения, подчеркивал, «…что России там нет, Россия у нас»[788].

Подытоживая изложенный в данной главе материал, необходимо отметить следующее.

В образе союзных наций ярко проявились национальные и политические стереотипы, бытовавшие в среде русской интеллигенции в начале XX века. Репрезентация данных позитивных образов, выступавших в роли эталонов общественного и государственного устройства в рамках нарратива о возрождении России, призвана была служить актуализации ряда важных для антибольшевистского движения идей. Ключевой такой идеей являлась идея ***нации***, выступавшая базовым элементом той идентичности, которую идеологи либерально-государственного направления стремились выстроить.

«Мы не чувствуем себя нацией и мало стремясь сделаться таковой, не только не можем творить великие ценности, но не умеем красиво и благородно чувствовать, говорить и делать…», – данная мысль изложенная Л.С. Ушаковым на страницах правительственной газеты[789], пронизывала риторику антибольшевистского движения. Полагая, что все беды России происходили вследствие отсутствия сплоченности нации спаянной единым самосознанием,

---

[786] По Сибири. Корреспонденции с мест // Земская жизнь Приморья. Владивосток. 1919. №19. 12 авг. С.21.
[787] Там же. С.23.
[788] Начало конца (стенограмма митингов колчаковских солдат и офицеров в Оренбурге). Самара. 1919. С. 11.
[789] Ушаков Л. С. О русском человеке // Правительственный вестник. Омск. 1918. 22 ноября.

белые стремились подтолкнуть общественность к возрождению страны именно через возрождение нации. «Государство крепко духом нации. Национальная идеология и национальная воля к жизни – вот могучий стержень государственного бытия», – подчеркивалось в владивостокской газете «Новый путь» ровно год спустя[790].

Конструируя образ «Другого» (союзников России по Антанте) и пристально в него вглядываясь, антибольшевистские силы, прежде всего, пытались разглядеть в нем себя – отыскать те идеи и ценности, с помощью которых, по их мнению, удалось бы возродить национальное самосознание. Однако в силу неоднородности антибольшевистского движения каждая политическая сила предпочитала видеть в союзниках «свой» набор ценностей, и «по-своему» их интерпретировать. Но было и то, что всех роднило – а именно, сама идея «ученичества России», рефреном звучавшая во многих публикациях.

Проявлялась эта идея и в попытках формирования национальной идентичности в виде призыва учиться патриотизму у союзников – победителей в Великой войне, и в рамках строительства наднациональной идентичности, подразумевавшей включение русских в европейское сообщество. Страны Запада рассматривались как носительницы культурных ценностей, которые никогда не утратят своей силы, и к которым России, «поздно вступившей в семью европейских культурных народов и отставшей в развитии», необходимо приобщаться, «в особенности сейчас, когда мы так жестоко потратили и то немногое, что имели»[791]. Таким образом, происходила актуализация представлений о России как об «ученике Европы», родившихся на Западе еще в XVIII веке[792], и подразумевавших восприятие русских в качестве части западного мира. Своеобразным маргинальным противовесом данной магистральной идеи можно считать высказывания забайкальских и дальневосточных консерваторов, призывавших вместо интеграции России в Западный мир, строить новое будущее рука об руку с восточной соседкой – Японией.

---

[790] К самопознанию // Новый путь. Владивосток. 1919. 22 ноября.
[791] Иркутск, 27 апреля // Свободный край. Иркутск. 1919. 27 апр.
[792] Нойманн И. Б. Указ. соч. С. 112.

Однако обращение к эталону в лице союзников на фоне рассуждений о национальном самосознании и призывов к патриотизму зачастую было направлено в пустоту. «…Если все заботы обывателя достать муки, достать ситцу на рубаху, сапоги и т. д. то трудно от них требовать патриотизма, т. к. обыватель все только и думает о себе, или правильнее сказать: его печальная жизнь заставляет заботиться исключительно о себе»[793] – писал Г.Н. Потанину в ноябре 1918 г. находившийся в Тобольске П.Б. Яшеров[794].

Положение на местах исчерпывающе было охарактеризовано в одном из докладов начальника контрразведки при 2-м Отдельном стрелковом Сибирском корпусе, части которого подавляли восстание в районе Барнаула. «Информация данного района, – отмечалось в докладе, – тоже весьма слаба – полное отсутствие газет, правительственных воззваний, декретов и т.п. литературы, благодаря чему население полном неведении о деятельности Правительства и видит лишь карающую силу в лице милиции, быть может, излишне проявляющей свою энергию...»[795].

Несмотря на то, что Западная и Восточная (западнее Байкала) Сибирь не стала ареной деятельности американских и японских войск, местное население имело достаточно поводов к тому, чтобы разочароваться в иностранцах. Попытки захвата заложников[796] с целью обеспечения безопасности железнодорожного полотна, осуществлявшиеся чехами в Томской губернии, естественно не могли не настраивать местное население против легионеров. А хулиганские выходки, кражи, самочинные обыски и конфликты с местными властями, причиной которых были другие славянские союзники – поляки – провоцировали, по словам начальника новониколаевской милиции, «злобу и ненависть»[797] со стороны местного населения. Характерно в связи с этим заявление крестьян Иркутской губернии, подвергшихся нападению румынских войск: «мы никогда не хотели

---

[793] Письмо П.Б. Яшерова Г.Н. Потанину. № 1230. 21 ноября 1918 г. // НБ ТГУ. Ф. 1. Л. 2 об.

[794] Яшеров Павел Борисович (1845-1928) – председатель Омского общества правильной охоты, садовод, общественный деятель.

[795] Ф. Р-147. Оп. 8. Д.1б. Л. 137-138. // ГАРФ

[796] Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 465. Л.30-32. // ГАТО

[797] Ф. Р-1362. Оп. 1. Д. 490. Л. 11. // ГАТО

большевиков, и у нас их нет, но уж если приходят иностранцы и так с нами расправляются, то пусть лучше приходят большевики, они все же наши, русские»[798]. Очевидно, что столкновения с произволом местных военных властей и союзников явно не могли способствовать росту патриотизма и гражданского самосознания среди широких слоев населения.

[798] Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 126. Л. 39. // ГАРФ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дальневосточная и сибирская периодическая печать в период Гражданской войны сыграла существенную роль в воздействии на общественное мнение. Она оперировала целым рядом идеологем, которые использовались той или иной политической силой для того, чтобы повлиять на общество в необходимом ей направлении. Одной из таких идеологем являлся образ союзников. Большое количество публикаций, посвященных взаимоотношениям с союзниками, а также активная полемика на страницах газет по данному вопросу, говорит об его важности и актуальности для общественного мнения востока России. Рассмотрение и анализ газетных публикаций, посвященных теме взаимодействия России и Антанты, дает возможность реконструировать образ союзников в периодической печати. Изучение содержания данного образа позволяет сделать ряд выводов.

Следует выделить два важнейших фактора, оказывавшие влияние на процесс формирования образа союзников в периодической печати. Во-первых, это перипетии взаимоотношений между Антантой и США, с одной стороны, и представителями антибольшевистского движения, с другой. Стремление заручиться поддержкой союзных стран характеризовало внешнюю политику всех антибольшевистских правительств востока России. Восприятие иностранных союзников лидерами Белого движения, журналистами и общественностью напрямую зависело от степени конструктивности отношений с Западом, чехословаками и Японией. В качестве второго фактора необходимо назвать особенности среды, в которой происходило конструирование образа – то есть информационного пространства востока России. Если «технические» особенности среды влияли на скорость, отбор, количество информации о союзниках и степень распространения самого образа, то ее наполнение – идеи и концепции, вступавшие с информацией о союзниках в своеобразную реакцию, оказывали прямое влияние на содержание конструируемого образа.

Особенностью информационного пространства на востоке страны в годы Гражданской войны стало многообразие дискурсов, в которых выражались ключевые идеологемы политических сил, выступивших против большевиков – либералов, социалистов, правых. Базовой идеей, ставшей интегративным фактором для всех них стала идея «возрождения величия и единства России», понимаемая при этом каждым из течений по-своему. Рассматривая массив текстов, в которых была так или иначе представлена данная идея, как единый сверхтекст, можно представить ежедневный процесс информирования общественности прессой как осуществление глобальной наррации, целью которой стало донесение до читателя рассказа «о возрождении страны». Героями данного нарратива наряду с антибольшевистскими силами являлись и союзники, образ которых представал в двух ипостасях.

С одной стороны, союзные державы представали в образе «помощника», оказывавшего военную, политическую и материальную поддержку антибольшевистским правительствам. Вплоть до заключения перемирия на Западном фронте мировой войны в ноябре 1918 г. интерпретация интервенции как помощи осуществлялась в рамках развертывания идеи о воссоздании нового восточного фронта, направленного против Германии и большевиков. Поскольку Брестский мир рассматривался как предательство национальных интересов страны, а большевики объявлялись ставленниками Германии, борьба с ними считалась борьбой за независимость и свободу России.

После окончания мировой войны потребовалось скорректировать данное обоснование. На страницах официальных и партийных изданий происходила актуализация негативного образа большевиков, стремящихся посеять хаос во всем мире. Противопоставив себя им как приверженцев единства России, патриотов и сторонников западной, демократической модели развития страны, антибольшевистские силы стремились убедить общественность и самих союзников в том, что интервенция не столько вмешательство в русские дела и участие в борьбе за «воссоздание России», сколько борьба против «зла не только русского, но и мирового».

Указывая на необходимость продолжения интервенции, идеологи антибольшевистских сил активно использовали стереотип о расчетливости Запада, строя свою аргументацию на том, что Антанте и США нужна сильная и единая Россия как один из гарантов стабильности Версальского миропорядка и выгодный экономический партнер. Однако по мере того, как Омское правительство теряло шансы на успех в противостоянии с большевиками, и вследствие постепенного сворачивания помощи союзников Белому движению образ «помощника» все больше подвергался эрозии. И в партийной, и даже в правительственной печати к концу существования правительства А.В. Колчака благородные союзники, в интересах которых было сохранение сильной России, превращались в расчетливых наблюдателей распада бывшей империи, в некоторых случаях в нем заинтересованных. Превращение друзей в препятствие для возрождения страны сопровождалось актуализацией идей «опоры на свои силы» и прагматизма во внешней политике.

Вторая ипостась образа стран коалиции – образец общественного, политического и экономического развития, эталон для будущей России. В данном случае важно отметить, что в рамках единого представления о союзниках существовали образы отдельных стран-участниц интервенции. Конструирование их происходило зачастую с помощью актуализации этнических и внешнеполитических стереотипов, укоренившихся в сознании российской интеллигенции и широких слоев общества в предшествующие периоды взаимодействия с иностранцами.

Попытки представить союзные нации в качестве эталона для российского общества стали отражением активных поисков собственного «Я» – следствием так и не завершенного процесса конструирования идентичности, альтернативной той, которая предлагалась в рамках большевистского проекта. Важно отметить, что базовой чертой этой новой идентичности являлась западническая трактовка пути развития российского общества – Россия признавалась пусть и отстающей, но все же важной и неотъемлемой частью Западного мира. Альтернативой западной ориентации стал позитивный образ Японии, который выступал эталоном

для консервативной части антибольшевистского движения – в первую очередь военно-монархических кругов.

В обоих случаях – и создавая образ «помощника», и представляя союзников в виде эталона, антибольшевистские идеологи преследовали цель четко обозначить статус стран Антанты и США. Для мифологизированного сознания внешний мир представляет собой «темную» или, в лучшем случае, «серую» зону, область повышенной опасности, враждебную по отношению к человеку, где все иное и неустойчиво. Союзник – как часть внешнего мира, также воспринимается как нечто неустойчивое и сомнительное, потенциально враждебное[799]. Стремясь избежать этой двойственности, идеологи Белого движения превращали представителей союзной коалиции из «чужаков», место которых в «серой» зоне неясности и опасностей, в «своих» путем встраивания в бинарную оппозицию «свой-чужой»[800], где союзники и белые противопоставлялись германцам и большевикам.

Каковы же были основные задачи формирования образа союзников в рамках правительственной и партийной информационной и пропагандистской деятельности?

Встраивая позитивный образ союзников в оппозицию «свои-чужие» на место «своих», правительственные идеологи, в первую очередь, стремились обеспечить легитимацию антибольшевистских режимов востока России и укрепления их престижа и в целом обосновать правоту Белого движения. Факт сотрудничества с ведущими демократическими державами должен был укрепить статус белых, показать, что их программа и политика не являются реакционными, свидетельствовать о неизбежности победы антибольшевистских сил, которые и поведут Россию к решению внутренних проблем и будут представлять страну на международной арене. Отдельные политические силы, стремившиеся получить поддержку из-за рубежа, также использовали союзнический фактор для

[799] Голубев А.В., Поршнева О.С. Указ соч. С.11.
[800] Шевелев Д.Н. «Роль печатного слова... С.71, 72.

укрепления собственного престижа. Это касается, прежде всего, находившихся в оппозиции социалистов.

Вторая задача вытекала из первой – создавая образ заинтересованных в помощи России иностранцев, белые стремились убедить мировое сообщество в необходимости и важности борьбы с большевизмом. Стремление к оценке ситуации через призму «реальной политики» сыграло с белыми злую шутку. Осознавая, что у Запада и Японии есть свои интересы относительно России, журналисты и идеологи, возможно, неверно оценили ситуацию, ошибочно посчитав, что данные интересы совпадают с интересами антибольшевистских сил. Возможно также, что твердя о том, что Антанта кровно заинтересована в «возрождении России», белые стремились в первую очередь убедить в этом саму Антанту. В конечном счете, уверенность в том, что союзники не меньше русских заинтересованы в «Великой, единой и неделимой России», привела к созданию искаженного и идеализированного образа.

Наконец, позиционируя союзные нации в качестве идеала и пытаясь строить на основе этой риторики новую идентичность для общества будущей России, журналисты и идеологи пытались решить вполне насущную задачу, связанную с консолидацией и мобилизацией населения на борьбу против большевиков. По мере того, как позитивные черты образа союзников рассеивались и набирала обороты идея опоры на свои силы, усиливалась риторика, призывавшая общественность к сплочению и готовности к жертвам во имя отечества.

Таким образом, необходимо отметить, что образ союзников на всех этапах его формирования характеризовался амбивалентностью. Несмотря на стремление правительственной и либеральной печати представить союзников в позитивном свете, даже на начальных этапах появлялись отдельные фактические и оценочные суждения, характеризовавшие иностранцев с негативной стороны. К сожалению, говорить о степени влияния данных публикаций на восприятие иностранцев обществом не представляется возможным. Однако сам факт их наличия даже в единичных количествах уже мог вносить коррективы в целом позитивный образ, созданный официальной прессой.

По мере нарастания разочарования в силу политических и военных факторов усиливалась и двойственность. Противоречивость образов стран Антанты, таким образом, свидетельствует о неоднозначном отношении даже небольшевистской прессы к их политике в отношении к России. Что, в свою очередь, в некоторой степени отражает отношение российского общества к иностранному вмешательству в годы Гражданской войны.

Образ интервентов, сформированный в рамках информационной и пропагандисткой деятельности, несомненно, оказывал воздействие на общественное сознание. В данном случае, приходится говорить о той части населения, которая имела доступ к прессе, а также о тех, кто принимал прямое или косвенное участие в официальных мероприятиях с участием союзных представителей. Необходимо указать и на региональный фактор – столкнувшись с произволом и жестокостью интервентов, житель Приморья или Забайкалья скорее мог разочароваться в образе, созданном прессой, в то время как житель Омска, знавший о союзниках лишь по газетам, в то же самое время мог быть позитивно к ним настроен.

Следует отметить, однако, что использование образа союзников для решения вышеназванных задач не имело какого-либо значимого успеха.

Каждая из политических группировок, являвшаяся частью антибольшевистского движения на востоке страны, в рамках своего дискурса рассказывала общую для всех историю «о возрождении России» по-своему. В результате, формирование основных идейных установок антибольшевистского движения, происходившее в условиях постоянного столкновения различных дискурсов, так и не было завершено. Неспособность создать единую, стройную идеологию, могущую выступить альтернативой большевистским лозунгам, выражалась также и в отсутствии реальной, четко очерченной целевой аудитории.

Говоря о необходимости укрепления единства нации, идеологи антибольшевистского движения требовали от населения страны быть гражданами. Формирование образа идеального гражданина – патриота, готового жертвовать всем ради сохранения государства – происходило зачастую с опорой на

стереотипные представления об иностранных союзниках. Политически-сознательные, любящие родину граждане позиционировались, в том числе, и как европейцы. Представляется, однако, что абстрактные ценности, оказались, адресованы во многом воображаемой целевой аудитории. Создать гражданское общество на фоне военных действий, злоупотреблений власти, общей усталости общества от потрясений белым так и не удалось. А различные негативные факторы, сопутствовавшие интервенции, лишь дискредитировали антибольшевистские режимы. Как писал впоследствии Н.В. Устрялов, «…одними лишь иностранными штыками национального возрождения не достигнешь»[801].

Как показало проведенное исследование, изучение образа «Другого», в частности, образа союзников, открывает перспективы для дальнейшего анализа процесса самоидентификации участников антибольшевистского движения. Расширение проблемного поля путем сравнительного исследования образов врагов и союзников, особенностей взаимного восприятия русских и иностранцев в годы Революции и Гражданской войны и в масштабах всей страны позволит ближе подойти к пониманию сущности антибольшевистских режимов, характерных черт их политической культуры и причин поражения.

Результаты изучения образа «Другого» и особенностей его влияния на процессы самоидентификации особенно востребованы сегодня. Представляется, что данный опыт поможет избежать проблем и ошибок, возникающих в рамках межкультурной и межнациональной коммуникации, сложность и интенсивность которых существенно возрастают в условиях глобализации.

[801] Устрялов Н.В. Интервенция // В борьбе за Россию : [сборник]. Харбин, 1920. С. 7.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Сборники документальных материалов

1. Борьба за власть советов в Приморье (1917–1922) : сб. док. / ред. Л. И. Великова. – Владивосток : Приморское книжное издательство, 1955. – 829 с.

2. Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917–1919 гг.) : сб. документальных материалов / ред. В. С. Флеров. – Томск, 1957. – 565 с.

3. Великий Октябрь и прогрессивная Америка : сб. документов и материалов / М. И. Краснов. – М. : Мысль, 1967. – 354 с.

4. Верховный правитель России : документы и материалы следственного дела адмирала А.В. Колчака / под. ред. Г. А. Трукана.– М. : Ин-т истории РАН, ФСБ РФ, 2003. – 722 с.

5. Временное Всероссийское правительство (23 сентября – 18 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и научн. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : НГУ, 2010. – 362 с.

6. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.) : сб. док. и материалов / сост. и научн. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : ИД «Сова», 2007. – 818 с.

7. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918 года / сост. В. М. Зензинов. – Париж, 1919. – 194 с.

8. Документы внешней политики СССР. – М. : Госполитиздат, 1957. – Т. 1. – 771 с.; 1958. – Т. 2. – 803 с.

9. Допрос Колчака / под ред. К. А. Попова. – Л. : Государственное издательство, 1925. – 235 с.

10. Дроков С. В. Протоколы допросов А. В. Тимиревой / С. В. Дроков // Отечественные архивы. – 1994. – №. 6. – С. 54–58.

11. «За вами не осталось ничего политически честного». Открытое письмо А.В. Сазонова правительству адмирала А. В. Колчака. 1920 г. / Н. Ю. Пивоваров // Исторический архив. – № 4. – 2010. – С. 202–207.

12. Законодательная деятельность белых правительств Сибири (июнь – ноябрь 1918 г.). Выпуск I–III / сост. Е. В. Луков, С. Ф. Фоминых, Э. И. Черняк. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1998. – 448 с.

13. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А. В. Колчака (ноябрь 1918 г. – январь 1920 г.) : сб. док. / Сост. Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск : ТГУ, 2002–2003. Вып. 1. – 148 с.; Вып. 2. – 202 с.

14. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства (26 мая – 30 июня 1918 г.) : сб. док. и материалов. / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : НГУ, 2005. – 246 с.

15. За спиной Колчака : документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. – М. : Аграф, 2005. – 512 с.

16. Как Колчак стал Верховным правителем / публ. В. И. Шишкина // Сибирские огни. – 1993. – № 5–6. – С. 143–148.

17. Колчак и интервенция на Дальнем Востоке: Документы и материалы. – Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1995. – 216 с.

18. Колчаковщина : сб. док. / под ред. И. И. Иванова. – Екатеринбург : Уралкнига, 1924. – 249 с.

19. Конституция Уфимской директории // Архив русской революции. – Берлин, 1923. – Т. XII. – С. 189–193

20. Об участии английских империалистов в организации интервенции против Советской России // Исторический архив. – 1957. – № 2. – С. 65–84.

21. «Они… представляются населению в роли завоевателей». Отчет белогвардейского офицера о японской интервенции и Гражданской войне на Дальнем Востоке. 1919 г. // Отечественные архивы. – 2008. – № 3. – С. 73–82.

22. Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената. – М. : ИПО ВЦСПС Профиздат, 1990. – 208 с.

23. Пионтковский С. А. Гражданская война в России (1918–1921 гг.) : хрестоматия / С. А. Пионтковский. – М. : Издание Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, 1925. – 708 с.

24. Письма во власть в эпоху революции и гражданской войны (март 1917 – май 1921 г.) : сб. док. / сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Автограф, 2015. – 418 с.

25. Подготовка и начало интервенции на Дальнем Востоке России (октябрь 1917 – октябрь 1918 г.) : документы и материалы / ред. В. Л. Ларин. – Владивосток : Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1997. – 304 с.

26. Последние дни колчаковщины : сборник документов. – М.–Л. : Госиздат, 1926. – 231 с.

27. Приветственные послания Верховному Правителю и Верховному Главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. : сб. док. / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. – 560 с.

28. Россия и США : Экономические отношения. 1917–1933 гг. : сб. док. / сост. Т. И. Аниканова. – М. : Наука, 1997. – 441 с.

29. Советский Союз глазами американцев. 1917–1977. Документы и материалы / отв. ред., сост., авт. предисл. И. М. Краснов. – М. : Мысль, 1979. – 347 с.

30. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Доклад Пишона. – М.–Л. : Госиздат, 1925. – 100 с.

31. [Флуг В. Е.] Отчёт о командировке из Добровольческой армии в Сибирь в 1918 году/ [В. Е. Флуг] // Архив русской революции. – Т. 9. – Берлин, 1923. – С. 243–304.

32. Хроника гражданской войны в Сибири. 1917–1918 гг. : [сборник] / сост. В. В. Максаков, А. Н. Турунов. – М. – Л. : Госиздат, 1926. – 302 с.

33. Шишкин В. И. Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920 / под. ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 2003. – 672 с.

34. Японская интервенция 1918–1922 гг. в документах / сост. И.И. Минц. – М. : Центрархив, 1934. – 235 с.

Официально-документальные материалы архивных учреждений

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Москва.

35. Ф. Р-147. Департамент милиции Министерства внутренних дел Российского правительства. – Оп. 7. – Д. 8, 19; Оп. 8. – Д. 1б, 2а, 2б, 11, 12, 13а, 34.

36. Ф. Р-200. Министерство иностранных дел Российского правительства. – Оп. 1. – Д. 26, 30-38, 58, 61, 115, 118, 119-136, 220, 258-264, 272-278, 301, 303-306, 351-369, 393, 394, 416.

37. Ф. Р-952. Русское телеграфное агентство при акционерном обществе «Русское общество печатного дела» (Российское правительство). – Оп. 1. – Д. 1, 2, 20, 28, 32.

38. Ф. Р-3952. Комиссия по организации встречи французских войск в Омске (При управлении делами совета министров Временного Сибирского Правительства). – Оп.1. – Д. 1-4.

Российский государственный военный архив (РГВА). Москва.

39. Ф. 39507. Управление приамурского военного округа. – Оп.1. – Д. 47, 50, 53.

40. Ф. 40218. Отдел контрразведки штаба Верховного Главнокомандующего Российского правительства. – Оп. 1. – Д. 102-104, 121, 143.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Томск.

41. Ф. Р-1362. Управляющий Томской губернией. – Оп. 1. – Д. 119-125, 465-467, 490.

Научная библиотека ТГУ. (НБ ТГУ). Томск.

42. Ф.1. Архив Г.Н. Потанина.

Герасимов Б. Г. Письма Г.Н. Потанину (1914 – 1919 гг.).

Казанский П. Письма Г.Н. Потанину (1917 – 1919 гг.).

Колосов Е. Е. Письма Г.Н. Потанину (1916 – 1919 гг.).

Крутовский В. М. Письма Г.Н. Потанину (1916 – 1919 гг.).

Матасов Ф. Письма Г.Н. Потанину (1918 г.).

Яшеров П. Б. Письма Г.Н. Потанину (1913 – 1919 гг.).

Источники личного происхождения

43. Авксентьев Н. Д. Государственный переворот Колчака / Н. Д. Авксентьев // Гражданская война в Сибири и Северной области. – М.–Л. : Госиздат, 1927. – С. 3–11.

44. Андрушкевич Н. А. Последняя Россия. Воспоминания о Дальнем Востоке / Н. А. Андрушкевич // Кадетская перекличка. № 75. – Нью-Йорк, 2004. – С. 228–254; № 76. – Нью-Йорк, 2005. – С. 241–265.

45. Аничков В. П. Екатеринбург – Владивосток (1917–1922) / В. П. Аничков. – М. : Русский путь, 1998. – 368 с.

46. Аргунов А. А. Между двумя большевизмами / А. А. Аргунов. – Париж, 1919. – 47 с.

47. Арнольдов Л. В. Жизнь и революция. Гроза пятого года. Белый Омск / Л. В. Арнольдов. – Шанхай : Книгоиздательство А. П. Малык и В. П. Камкина, 1935. – 278 с.

48. Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты / В. Г. Болдырев. – Новониколаевск : Сибкрайиздат, 1925. – 562 с.

49. Будберг А. П. Дневник белогвардейца: Воспоминания. Мемуары / А. П. Будберг. – Мн. : Харвест, М. : АСТ, 2001. – 336 с.

50. Будберг А. П. Дневник барона Алексея Будберга // Архив русской революции в 18 тт. – М. : Терра, 1991. – Т.12. – С.197–290.

51. Вологодский П. В. Во власти и в изгнании: Дневник премьер-министра антибольшевистских правительств и эмигранта в Китае (1918–1925гг.) / П. В. Вологодский; составл., предисл. и коммент. Д. Г. Вульфа, Н. С. Ларькова, С. М. Ляндреса. – Рязань : част. изд-во П. А. Трибунского, 2006. – 619 с.

52. Гайда Р. Мои воспоминания. Вступление в русскую армию / пер. М. Г. Ситникова // ИДНАКАР: Методы историко-культурной реконструкции. – 2014. – №1. (18). – С. 82–93

53. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории 1918–1920 гг. (Впечатления и мысли члена Омского правительства) / Г. К. Гинс. – Пекин : Общество Возрождения, 1921. – Ч. 1. – 327 с.; – Ч. 2. – 609 с.

54. Гревс В. Американская авантюра в Сибири (1918–1920 гг.). – М. : Воениздат, 1932. – 248 с.

55. Дневник Виктора Николаевича Пепеляева. 1918–1919 гг. // Окрест Колчака : документы и материалы / сост. А.В. Квакин. – М. : Аграф, 2007. – С. 43–108.

56. Дневник П. Н. Милюкова. 1918–1921. – М. : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 847 с.

57. Еленевский Е. Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на Востоке России / составл., научн. ред, предисл. и коммент. С. В. Волкова. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2004. – С. 134–173.

58. Енборисов Г. В. От Урала до Харбина. Памятка о пережитом / Г. В. Енборисов. – Шанхай, 1932. – 168 с.

59. Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из мемуаров активных деятелей белогвардейщины / под ред. Н. А. Корнатовского. – Л. : Издательство «Красная газета», 1930. – С. 103–145.

60. Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака : документы и материалы / под ред. А. В. Квакина. – М. : Аграф, 2005. – С. 325–510.

61. Зензинов В. М. Из жизни революционера / В. М. Зензинов. – Париж, 1919. – 119 с.

62. Иванов В. Н. В гражданской войне (Из записок омского журналиста) / В. Н. Иванов. – Харбин, 1921. – 137 с.

63. Клерже Г. И. Революция и Гражданская война. Личные воспоминания / Г. И. Клерже. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. – 544 с.

64. Колосов Е. Е. Сибирь при Колчаке. Воспоминания, материалы, документы / Е. Е. Колосов. – Пг. : Былое, 1923. – 190 с.

65. Котомкин А. Е. О чехословацких легионерах в Сибири. Воспоминания и документы / А. Е. Котомкин – Париж, 1930. – 182 с.

66. Кроль Л. А. За три года. Воспоминания, впечатления, встречи / Л. А. Кроль. – Владивосток : «Свободная Россия», 1922. – 212 с.

67. Майский И. Демократическая контр-революция. – М.–Л. : Госиздат, 1923. – 360 с.

68. Лэтчфорд Е. У. С белой армией в Сибири / перевод и комментарии В. Крупника [Электронный ресурс] // Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1998–2016. – URL: http://zaimka.ru/white/latchford.shtml (дата обращения: 16.04.2018)

69. Моравский В. И. Из воспоминаний / В. И. Моравский, Н. В. Моравский. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2006. – 106 с.

70. Набоков К. Д. Испытания дипломата / К. Д. Набоков. – Стокгольм : «Северные огни», 1921. – 282 с.

71. Неклютин К. Н. От Самары до Сиэтла. Воспоминания / К. Н. Неклютин. – Самара : ООО «Самарский дом печати», 2011. – 208 с.

72. Петров П. П. Роковые годы. 1914–1920 / П. П. Петров. – Калифорния : [б. и.], 1965. – 271 с.

73. Сахаров К. В. Белая Сибирь / К. В. Сахаров. – Мюнхен, 1923. – 324 с.

74. Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы / Г. М. Семенов. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 378 с.

75. Серебренников И. И. Гражданская война в России: Великий отход / И. И. Серебренников; сост. и предисл. В.А. Майера. – М : ООО «Издательство АСТ» : ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 695 с.

76. Серебренников И. И. Претерпев судеб удары. Дневник 1914–1918 гг. / И. И. Серебренников; ред.-сост. Г. С. Андреев, П. К. Конкин, П. А. Новиков; коммент. П. А. Новикова. – Иркутск : Издатель Сапронов, 2008. – 592 с.

77. «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951 / под ред. О. Будницкого : в 3 томах.– М. : «Российская

политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – Т. 1. : август 1919 – сентябрь 1921. – 568 с.

78. Суманосов В. А. Гражданская война в России глазами интервента. Из мемуаров подполковника Эдварда Энтони Стила / В. А. Суманосов // Сибирский исторический альманах. – Т. 2. : Сибирь на переломе эпох. Начало XX в. – Красноярск : Версо, 2011. – С. 240–248.

79. «У России одно будущее – Великая держава» (Письма С. Д. Сазонова и К. Д. Набокова П. В. Вологодскому. 1919 г.) / Сост. С. Вакунов // Неизвестная Россия. XX век. – М. : Историческое наследие, 1993. – Кн. 3. – С. 9–33.

80. Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918–1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда / Дж. Уорд. – М.–Пг. : Госиздат, 1923. – 172 с.

81. Устрялов Н. В. 1919-й. Из прошлого // Русское прошлое: альманах. – СПб : изд-во «Свелен», 1993. – № 4. – С. 194–287.

82. Устрялов Н.В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое: альманах. – СПб : изд-во «Свелен», 1991. – № 2. – С. 283–340.

83. Филатьев Д. В. Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. / Д. В. Филатьев. – Париж : ИМКА-Пресс, 1985. – 144 с.

84. Чернов В. М. Перед бурей. Воспоминания / В. М. Чернов. – М. : «Международные отношения», 1993. – 408 с.

85. Черчилль У. Мировой кризис / У. Черчилль. – М.–Л. : Госвоениздат, 1932. – 330 с.

Публицистические издания

86. Ильин И. А. Родина и мы / Н. А. Ильин. – Смоленск : Посох, 1995. – 512 с.

87. Ленин В. И. Все на борьбу с Деникиным! (письмо ЦК РКП (большевиков) к организациям партии) // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Издательство политической литературы, 1969. – Т. 39. – С. 44–63.

88. Ленин В. И. Ответ на вопросы американского журналиста // Полное собрание сочинений в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Издательство политической литературы, 1970. – Т. 39. – С. 113–117.

89. Ленин В. И. С чего начать? // Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Издательство политической литературы, 1967. – Т. 5. – С. 1–14.

90. Ленин В. И. Товарищи рабочие! Идем в последний решительный бой // Ленин В. И. Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. – М. : Издательство политической литературы, 1969. – Т. 37. – С. 38–40.

91. Устрялов Н. В. В борьбе за Россию / Н. В. Устрялов : сб. ст. – Харбин : «Окно», 1920. – 82 с.

Пропагандистские брошюры

92. Ауслендер С. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак / С. Ауслендер. – Омск, 1919. – 38 с.

93. Зачем немец большевика выдумал. – Новониколаевск : Новая Россия, 1919. – 14 с.

94. Земледелец Георгий. Брестский мир несет смерть России, рабство и нищету трудящимся / Земледелец Георгий; Партия социалистов-революционеров. – Самара : Тип. Губерн. Земства, 1918. – 73 с.

95. Кипарисов В. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак. Издание литературно-художественного отделения Осведомительной канцелярии штаба 3-й армии / В. Кипарисов. – [Б. м.], 1919. – 38 с.

96. Начало конца (стенограмма митингов колчаковских солдат и офицеров в Оренбурге). – Самара : издание Политотдела Туркфронта, 1919. – 29 с.

97. Огоньков. В Красной России. Сообщение бежавшего красноармейца газете «Земля и труд» / Огоньков. – Омск : Русское бюро печати, 1919. – 14 с.

98. Сибирь и Москва. – Новониколаевск, 1919. – 16 с.

99. Цели отправки союзных войск в Сибирь. – Харбин : изд. Американского осведомительного бюро, 1918. – 4 с.

Периодическая печать

Газеты

100. Алтай : газ. внепарт. прогрессивная. – Бийск, 1918–1919.

101. Алтайская мысль : обществ.-лит., соц.-демокр. газ. – Барнаул, 1919.

102. Алтайские губернские известия : изд. Алтайского губ. комиссариата. – Барнаул, 1918–1919.

103. Алтайский вестник : офиц. губ. орган. – Барнаул, 1919.

104. Алтайский день : обществ.-лит. и политич. газ. – Барнаул, 1919.

105. Алтайский край : орг. обществ.-политич. и кооперативной. мысли. – Бийск, 1919.

106. Алтайский луч : общ.-лит. соц.-демокр. газ. – Барнаул, 1918.

107. Амурская жизнь : внепарт., демокр. газ. – Благовещенск, 1919.

108. Амурское эхо : внепарт. демокр. газ. – Благовещенск, 1919.

109. Ачинский край : просвет.-осведомительная, беспарт. газ. – Ачинск, 1919.

110. Барабинская степь : орг. Каинского уездн. объединенного совета рабоч., крест. и солд. депут. – Каинск, 1918–1919.

111. Великая Россия : изд. Осведомит. отдела штаба омского воен. округа. – Томск, 1919.

112. Вестник Акмолинской области : офиц. изд. – Омск, 1919.

113. Вестник Всероссийского Временного правительства : офиц. изд. – Омск, 1918.

114. Вестник Временного правительства Автономной Сибири : офиц. изд. – Владивосток, 1918.

115. Вестник Манчжурии : ежедн. газ. посвященная полит., экон. и проф.-трудовой жизни. – Харбин, 1919.

116. Вестник Приуралья : ежедн. внепарт. нар. газ. – Челябинск, 1919.

117. Вестник Тобольской губернии : офиц. изд. – Тобольск, 1919.

118. Вестник Томской губернии : офиц. изд. – Томск, 1918–1919.

119. Власть народа : газ. социалист. и демокр. – Челябинск, 1918.

120. Военные ведомости : ежедн. беспарт. газ. – Новониколаевск, 1918–1919.

121. Воля Сибири : изд. Енисейского губ. комиссариата. – Красноярск, 1918–1919.

122. Восточный курьер : газ. отд. шт. командн. войск Читинского воен. окр. – Чита, 1919.

123. Вперед : фронтовая еженед. газ. – Екатеринбург, Омск, 1919.

124. Голос народа : орг. всесибирского краевого комит. партии соц.-рев. – Томск, 1918.

125. Голос Приморья : ежедн., прогрес., внепарт., полит.-экономич. и общ.-лит. газ. – Владивосток, 1918–1919.

126. Голос Родины : ежедн. газ. – Владивосток, 1919

127. Голос Сибири : ежедн. общ.-пол. демокр. газ. – Томск, 1918–1919.

128. Голос Сибирской армии : газ. воен., общ. и лит. – Екатеринбург, 1919.

129. Голос сибиряка : военно-лит. газ. – Уфа, 1919.

130. Далекая окраина : ежедн. газ. – Владивосток, 1918–1919.

131. Дальневосточное обозрение. – Владивосток, 1919.

132. Дальний Восток : ежедн. газ., посвященная интересам Приамурского края. орг. нац. мысли. – Владивосток, 1919.

133. Дело : ежедн. общ.-пол. и литер. газета. – Иркутск, 1918–1919.

134. Дело рабочего : орг. Енисейского губ. и Красноярского комитетов РСДРП. – Красноярск, 1918.

135. Друг армии и народа : изд. штаба Зап. армии. – [Б. м.], 1919.

136. Друг народа : газ. социалистич. – Иркутск, 1918.

137. Дума народная : еженед. журн. [газ.] Оренбургского губ. земства. – Оренбург, 1918.

138. Думы Алтая : газ. социалистич. – Бийск, 1918.

139. Единство : газ. беспарт., общ.-полит. и кооперативная. – Петропавловск, 1918–1919.

140. Енисейский вестник : еженед. полит. и общ. газ. – Красноярск, 1919.

141. Жизнь Алтая : беспарт., прогрес. и лит. газ. – Барнаул, 1918–1919.

142. За Родину! : газ. воен., общ. и лит. – Семипалатинск, 1919.

143. Заря : общ.-пол., лит. газ. социалист. напр. – Омск, 1918–1919.

144. Заря : орг. томской орг. РСДРП. – Томск, 1918.

145. Земля и труд : орг. независ. соц. мысли. – Курган, 1918–1919.

146. Знамя труда : орг. Енисейского губ. ком. партии с-р. – Красноярск, 1918.

147. Известия Временного Сибирского областного совета : офиц. изд. – Томск, 1918.

148. Известия министерства земледелия : офиц. изд. – Омск, 1919.

149. Ишимская жизнь : ежедн. беспарт., полит. и общ. газ. – Ишим, 1918–1919.

150. Карпаторусское слово : полит. и общ. еженед. газ. – Екатеринбург, Омск, 1918–1919.

151. Крестьянский вестник : полит. и общ. еженед. газ. – Омск, 1919.

152. Курганская свободная мысль : общ.-полит., беспарт. газ. – Курган, 1919.

153. На страже свободы : изд. штаба 1-й Сиб. стр. див. – [Б. м.], 1919.

154. Надежда России : изд. РБП. – Новониколаевск, 1919.

155. Накануне : демокр. газ. – Томск, 1919.

156. Народная газета : изд. Союза сиб. маслодел. артелей. – Омск, 1919.

157. Народная газета : орг. Томской губ. зем. упр. – Томск, 1918–1919.

158. Народная мысль : газ. демокр. – Пермь, 1919.

159. Народная свобода : ежедн. газ. – Барнаул, 1918–1919.

160. Народная Сибирь : газ. партии соц.-рев. – Новониколаевск, 1918–1919.

161. Наш голос : изд. губ. ком. партии соц.-рев. – Томск, 1918.

162. Наш путь : орг. славянского единения. – Омск, 1919.

163. Наш Урал : демокр., областнич. газ. – Екатеринбург, 1919.

164. Наша газета : изд. РБП. – Омск, 1919.

165. Наша газета : изд. РБП. – Томск, 1919.

166. Наша газета : изд. РБП. – Иркутск, 1919.

167. Наша заря : изд. демокр. и госуд. мысли. – Омск, 1919.

168. Наша мысль : обществ.-пол. и лит. газ. – Томск, 1918.

169. Наше дело : кооперативная газ. – Иркутск, 1918–1919.

170. Народный вестник : обществ.-пол. и лит. газ. – Томск, 1919.

171. Новая Сибирь : изд. партии соц.-рев. – Иркутск, 1918–1919.

172. Новый Алтайский луч : обществ.-лит., полит., соц.-демокр. газ. – Барнаул, 1918–1919.

173. Новый луч : обществ.-лит., полит., соц.-демокр. газ. – Барнаул, 1918.

174. Новый путь : ежедн. газ. – Владивосток, 1919.

175. Омский вестник : ежедн. газ. – Омск, 1918.

176. Оренбургское земское дело : изд. Оренбургского губ. земства – Оренбург, 1918.

177. Освобождение России : ежедн. газ. – Пермь, 1919.

178. Отечественные ведомости : орг. нац. госуд. мысли. – Уфа, Екатеринбург, 1918–1919.

179. Понедельник : обществ., лит. и полит. газ. – Томск, 1918–1919.

180. Правительственный вестник : офиц. изд. – Омск, 1918–1919.

181. Приишимье : газ. полит. и обществ.-лит. – Петропавловск, 1918–1919.

182. Речь Алтая : ежедн. газ. – Барнаул, 1919.

183. Родина : изд. РБП. – Томск, Красноярск, 1919.

184. Русская армия : газ. военная, обществ. и лит. – Омск, 1918–1919.

185. Русская речь : беспарт., полит., лит. газ. – Новониколаевск, 1918–1919.

186. Русский восток : ежедн. газ. – Чита, 1918–1919.

187. Русский воин : изд. инфор. отдела штаба Верх. главнокомандующего. – Омск, 1918–1919.

188. Русский голос : газ. полит., обществ., лит. – Томск, 1919.

189. Русское дело : изд. РБП. – Омск, Иркутск, 1919.

190. Русь : нац.-демокр. газета. – Омск, 1919.

191. Свободная речь : полит., обществ., лит. и экон. газета. – Семипалатинск, 1918–1919.

192. Свободная Сибирь : газ. полит., лит. и экон. – Красноярск, 1918–1919.

193. Свободная Пермь : ежедн. газ. – Пермь, 1918-1919.

194. Свободный голос : общ.-лит. соц.-дем. газ. – Новониколаевск, 1918.

195. Свободный край : изд. партии нар. своб. – Иркутск, 1918–1919.

196. Свободный луч : обществ.-лит. и полит. соц.-дем. газета. – Барнаул, 1918.

197. Сегодня : газ. беспарт. – Томск, 1919.

198. Сибирская жизнь : газ. полит., лит. и экон. – Томск, 1918–1919.

199. Сибирская земская деревня : орг. Тобольского губ. земства. – Тобольск, 1918–1919.

200. Сибирская речь : ежедн. газ. – Омск, 1918, 1919.

201. Сибирские стрелки : изд. штаба 1-го Средне-Сиб. арм. корп. – [Б. м.], 1919.

202. Сибирский вестник : офиц. изд. – Омск, 1918.

203. Сибирский казак : ежедн. газ. – Омск, 1919.

204. Сибирский стрелок : изд. штаба Зап. армии. – Челябинск, 1919.

205. Сибирь : ежедн. соц. газ. – Иркутск, 1918.

206. Слово : беспарт. газ. – Омск, 1918.

207. Тобольское народное слово : орг. социалистич. мысли. – Тобольск, 1918–1919.

208. Труд : общ.-пол. и экон. газ. – Томск, 1919.

209. Труд : газ. полит. и лит. – Минусинск, 1918–1919.

210. Уссурийский казачий вестник : газ. Уссур. казач. войска. – Владивосток, 1919.

211. Утро Приуралья : газ. беспарт. и демокр. – Златоуст, 1918–1919.

212. Утро Сибири : газ. беспарт. и демокр. – Челябинск, 1918–1919.

213. Эхо : газ. беспарт., демокр. – Владивосток, 1919.

Журналы

214. Амурская кооперация : обществ.-пол и лит. журнал. – Благовещенск, 1919.

215. Вестник финансов, промышленности и торговли : журн. мин. фин. Российского врем. пр-ва. – Омск, 1919.

216. Друг деревни : лит.-общ. двухнед. земский журн. том. уездн. земской. управы. – Томск, 1919.

217. Дружеское слово : изд. АБП. – Владивосток, 1918–1919.

218. Иртыш : голос Сиб. казач. войска. – Омск, 1918–1919.

219. Земская жизнь Приморья : издание Приморской областной земской управы. – Владивосток, 1918-1919.

220. Народное дело : коопер. журн. – Красноярск, 1918–1919.

221. Печатник : журнал союза рабоч. печатн. дела Томской губ. – Томск, 1918.

222. Сибирская кооперация : коопер. журн. – Новониколаевск, 1919.

223. Сибирский рассвет : журн. литературы, науки и нар. просвещ. – Барнаул, 1919.

224. Сибирский печатник : орган Всесибирского союза работн. печатн. дела. – Томск, 1919.

225. Страна : илл. лит.-худож. журнал. – Томск, 1919.

226. Томский кооператор : изв. томского союза коопер. – Томск, 1919.

ЛИТЕРАТУРА

Исследования

227. Александров П. Г. «События происходят на территории русского города…»: подробности чехословацкого мятежа во Владивостоке / П. Г. Александров // Клио. – 2018. – № 1 (133). – С. 86–93.

228. Алексеева И. В. Агония Сердечного Согласия: Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917 / И. В. Алексеева. – Л. : Лениздат, 1990. – 318 с.

229. Алексеева И. В. Последнее десятилетие Российской империи: Дума, царизм и союзники России по Антанте, 1907–1917 / И. В. Алексеева. – СПб. : Искусство России, 2009. – 536 с.

230. Антисоветская интервенция и её крах / Ю. А. Поляков [и др.]. – М. : Издательство политической литературы, 1987. – 208 с.

231. Балмасов С. С. Функционирование органов военной цензуры Российского правительства в 1918–1919 гг. / С. С. Балмасов // Гражданская война на Востоке России : новые подходы, открытия, находки. – М. : Посев, 2003. – С. 53–62.

232. Белков А. К. Партийная и советская печать в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920гг.) / А. К. Белков. – М., 1956. – 28 с.

233. Белов В. Белая печать. Ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка). – Пг. : Госиздат, 1922. – 127 с.

234. Беляев Б. Крах американской агрессии в Сибири в 1918–1920 гг. / Б. Беляев. – Новосибирск : Новосибирское областное государственное издательство, 1952. – 56 с

235. Берёзкин А. В. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.) / А. В. Берёзкин. – М. : Госполитиздат, 1952. – 256 с.

236. Бондаренко Е. Ю. Политические и исторические аспекты пребывания чехословацких военнопленных на Дальнем Востоке России в годы Гражданской войны и интервенции (1918–1920 гг.) / Е. Ю. Бондаренко // Клио. – 2018. – № 1 (133). – С. 78–85.

237. Бордюгов Г. А. Белое дело: идеология, основы, режимы власти: историографические очерки / Г. А. Бордюгов, А. И. Ушаков, В. Ю. Чураков. – М. : Русский мир, 1998. – 320 с.

238. Булдаков В. П. Война, породившая революцию / В. П. Булдаков, Т. Г. Леонтьева. – М. : Новый хронограф, 2015. – 720 с.

239. Бучко Н. П. К вопросу о политической идеологии Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке в 1917–1922 гг. / Н. П. Бучко // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) : сборник научных статей. – Хабаровск : Краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2004. – Вып. 4. – С. 72–79.

240. Бучко Н. П. Военная элита Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке: идеология, программы и политика (1917–1922 гг.) : автореф. дис … канд. ист. наук / Н. П. Бучко. – Хабаровск, 2006. – 29 с.

241. Бучко Н. П. Политические взгляды и деятельность А.В. Колчака в 1917 –1920 гг. / Н. П. Бучко, Ю. Н. Ципкин // Научно-информационный журнал Армия и общество. – 2014. – №. 6 (43). – С. 46–51.

242. Бучко Н. П. Гражданская война на востоке России: противостояние разведок / Н. П. Бучко, Ю. Н. Ципкин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2016. – № 2 (40). – С. 45–51.

243. Валиахметов А. Н. Чехословацкий корпус в России (1917–1920): историография [Электронный ресурс] : дисс. … канд. ист. наук / А. Н. Валиахметов. – Казань, 2005. – 303 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

244. Валиахметов А. Н. Чехословацкий легион в России (1918–1920): к историографии проблемы / А. Н. Валиахметов // Филология и культура. – 2011. – № 25. – С. 104–108.

245. Валиахметов А. Н. Т. Г Масарик и чехословацкий легион в России (1917–1920): отечественная и чехословацкая историография / А. Н. Валиахметов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 11-1. – С. 59–65.

246. Валиахметов А. Н. Новейшая отечественная историография о чехословацком легионе в России (1914–1920 гг.) / А. Н. Валиахметов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 12-2. – С. 45–48.

247. Валиахметов А. Н. Чехословацкий легион в Казанской губернии в 1918 году. Воспоминания / А. Н. Валиахметов // В мире научных открытий. – 2012. – № 7. – С. 141–159.

248. Валиахметов А. Н. Были ли чехословацкие легионеры «белочехами» / А. Н. Валиахметов // Филология и культура. – 2012. – № 4 (30). – С. 300–304.

249. Валиахметов А. Н. Выступление чехословацкого легиона в мае 1918 г.: «заговор Антанты» или «мятеж против союзников» (зарубежная историография) / А. Н. Валиахметов // Филология и культура. – 2012. – № 3 (29). – С. 207–210.

250. Валиахметов А. Н. «Организованная память»: сбор воспоминаний о боевых действиях против чехословацкого легиона в Казанской губернии / А. Н. Валиахметов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – № 4-1 (76). – С. 39–43.

251. Валиахметов А. Н. К вопросу о причинах образования чехословацкого легиона в России (1914–1918) в отечественной и чехословацкой историографии / А. Н. Валиахметов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 1-2. – С. 54–58.

252. Валиахметов А. Н. Чехословацкие легионеры и чехословацкие интернационалисты в Гражданской войне в России /А. Н. Валиахметов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведенье. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 3-2 (29). – С. 37–40.

253. Васильченко М. А. Чехословацкий корпус в Поволжье в 1918 году / М. А. Васильченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. – 2013. – Т. 13, № 3. – С. 83–87.

254. Васюков В. С. Предыстория интервенции. Февраль 1917 – март 1918 / В. С. Васюков. – М. : Политиздат, 1968. – 296 с.

255. Виленский-Сибиряков В. Д. Чёрная година сибирской реакции (интервенция в Сибири) / В. Д. Виленский-Сибиряков. – М., 1919. 54 с.

256. Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж / К. Б. Виноградов. – М. : «Мысль», 1970. – 412 с.

257. Власть и образ: Очерки потестарной имагологии / отв. ред. М. А. Бойцов, Ф. Б. Успенский. – СПб. : Алетейя, 2010. – 384 с.

258. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.

259. Волгин А. П. К характеристике периодической печати как источника по истории колчаковщины // Вопросы истории социального и экономического развития советской Сибири. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1986. – С. 64–75.

260. Волгин А. П. Буржуазная пресса Сибири и колчаковщина : автореф. дис. … канд. ист. наук / А. П. Волгин. – Томск, 1990. – 18 с.

261. Волков Е. В. Колчаковские офицеры: опыт исторического исследования / Е. В. Волков. – Челябинск : Издательство ЮУрГУ, 2001. – 336 с.

262. Волков Е. В. А. В. Колчак как политик: образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918–1920 годы) / Е. В. Волков, Д. Ирвин // Новый исторический вестник. – 2016. – Т. 47, № 47. – С. 87–100.

263. Волков Е. В. «Русский Вашингтон» или сибирский диктатор? Образы и оценки А. В. Колчака как Верховного правителя в американской прессе (1918–1920) / Е. В. Волков, Д. Ирвин // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2016. – № 4. – С. 104–123.

264. Галкина О. И. Военные действия России в годы Первой мировой войны в оценке британской прессы / О. И. Галкина // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2016. – № 2 (46). – С. 23. [Электронный ресурс]. – Электрон. версия печат. публ. – URL: https://history.jes.su/s207987840001421-2-1 (дата обращения: 15.04.2018).

265. Ганелин Р. Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 – начале 1918 гг. / Р. Ш. Ганелин. – Л. : Наука, 1975. – 203 с.

266. Гармиза В. В. Крушение эсеровских правительств / В. В. Гармиза. – М. : Мысль, 1970. – 294 с.

267. Гатагова Л. С. Запад как союзник в вербальных и визуальных образах раздела книжной серии «Мировая война в рассказах и иллюстрациях» (1915 г.) / Л.С. Гатагова // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 30 сент. – 3 окт. 2014 г. – М., 2014. – С. 562–567.

268. Гвишиани Л.А. Советская Россия и США (1917–1920) / Л.А. Гвишиани. – М. : Международные отношения, 1970. – 326 с.

269. Гефнер О. В. Военные парады в общественной и культурной жизни городов Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. / О. В. Гефнер // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2015. – №2 (6). – С 136–139.

270. Гершов З. М. Вудро Вильсон / З. М. Гершов. – М. : Мысль, 1983. – 335 с.

271. Глущенко Н. А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» [Электронный ресурс] : дисс. … канд. ист. наук / Н.А. Глущенко. – Томск, 2014. – 263 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

272. Глущенко Н. А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» [Электронный ресурс] : автореф дис. … канд. ист. наук / Н. А. Глущенко. – Томск, 2014. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

273. Голдин В. И. Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х – 90-е гг.) / В. И. Голдин. – Архангельск : БОРГЕС, 2000. – 277 с.

274. Головин Н. Н. Российская контр-революция в 1917–1918 гг. : в 12 кн. / Н. Н. Головин. – Париж, 1937. – Кн. 1. –170 с.; – Кн. 2. –160 с.; – Кн. 3. –116 с.; – Кн. 4. –90 с.; – Кн. 8. –156 с.; – Кн. 9. –112 с.

275. Голубев А. В. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн / А. В. Голубев, О. С. Поршнева. – М. : Новый хронограф, 2011. – 392 с.

276. Голубев А. В. «Царь Китаю не верит…». Союзники в представлении российского общества 1914–1945 гг. / А. В. Голубев // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : сб. ст. / отв. ред. А. В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 317–355.

277. Голубев А. В. Представления об «Ином»: эволюция и механизмы (из российского опыта XIX–XX века) / А. В. Голубев, П. С. Куприянов // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : сб. ст. / отв. ред. А. В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2006. – Выпуск 3. – С. 374–396.

278. Голубев А. В. «Воевать до последнего русского солдата»: эволюция образа союзника в российском/советском обществе в годы Первой и Второй мировых войн / А. В. Голубев // Россия в годы Первой мировой войны, 1914–1918 материалы Международной научной конференции. – М. : ИРИ РАН, 2014. – С. 568–573.

279. Голубев А. В. «Не заключайте мировой с медведем», или внешнеполитические стереотипы как фактор отношений России и Запада / А. В. Голубев // Государство, общество, Церковь в истории России XX–XXI веков материалы XV Междунар. науч. конф.: в 2-х частях. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2016. – С. 5–9.

280. Гражданов Ю. Д. Союз орлов: Белое дело России и германская интервенция в 1917–1920 гг. / Ю. Д. Гражданов, В. Д. Зимина. – Волгоград : Изд-во ВАГС, 1997 – 280 с.

281. Греймас А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода / А.-Ж. Греймас. – М. : Академический проект, 2004. – 368 с.

282. Греков Н. В. Контрразведка и органы государственной охраны белого движения Сибири (1918–1919 гг.) / Н. В. Греков // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 1997. – № 5. – С. 209–221.

283. Греков Н. В. Формирование контрразведывательной службы армии Колчака / Н. В. Греков // История «белой» Сибири. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – С. 59–61.

284. Григорцевич С. С. Американская и японская интервенция на советском Дальнем Востоке и её разгром / С. С. Григорцевич. – М. : Госполитиздат, 1957. – 199 с.

285. Гусев К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции / К. В. Гусев. – М. : Мысль, 1975. – 383 с.

286. Данилова О. С. Французская военная миссия в России (1916–1919) и воспоминания её сотрудников о пребывании на Урале / О. С. Данилова, Т. В. Краева // Вестник Уральского отделения РАН. – 2011. – № 1 (35). – С. 87–102.

287. История Дальнего Востока России / под ред. Б. И. Мухачева. – Владивосток : Дальнаука, 2003. – Т. 3. – Кн. 1. : Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. – 632 с.

288. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. Дейк ван. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

289. Деникин А. И. Очерки русской смуты : в 5 т. / А. И. Деникин. – Берлин, 1924–1925. – Т. 3. – 278 с.; – Т. 4. – 248 с.

290. Добровольская И. А. Понятие «Информационное пространство и различные подходы к его изучению и особенности / И. А. Добровольская // Вестник РУДН. Серия Литературоведение. Журналистика. – 2014. – № 4. – С. 140–147.

291. Дубаев М. Л. Христианский союз молодых людей и русская эмиграция в Китае. Культурологический аспект взаимодействия русской общины с молодежными эмигрантскими организациями (первая половина XX в.) / М. Л. Дубаев // История и современность. – 2009. – №1. – С. 33–44.

292. Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.) / Н. Г. Думова – М. : Наука, 1982. – 416 с.

293. Думова Н. Г. Черчилль и Милюков против Советской России / Н. Г. Думова, В. Г. Трухановский. – М. : Наука, 1989. – 205 с.

294. Дэвис Д. Э. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях / Д. Э. Дэвис, Ю. П. Трани. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с.

295. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. / Н. А. Ерофеев. – М. : Наука, 1982 – 320 с.

296. Евтушевский А. Г. Идеологическая интервенция США на Советском Дальнем Востоке и борьба с ней (1917–1922 гг.) : дис. … канд. ист. наук / А. Г. Евтушевский. – Владивосток, 1980. – 186 с.

297. Жигалов Б. С. Дальневосточная политика Англии в 1917–1922 гг. / Б. С. Жигалов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1981. – 175 с.

298. Журавлев В. В. «Присвоив таковому лицу наименование Верховного Правителя»: К вопросу о титуле, принятом адмиралом А.В. Колчаком 18 ноября 1918 г. / В. В. Журавлев // Антропологический форум. – 2008. – № 8. – С. 353–388.

299. Журавлев В. В. Правовая репрезентация государственной власти сибирской контрреволюции в 1918 г. / В. В. Журавлев // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). – Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2009. – С. 3–20.

300. Журавлев В. В. Образ А. В. Колчака в публикациях С. А. Ауслендера / В. В. Журавлев // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2012. – Вып. 3 – С. 102–111.

301. Журавлев В. В. Вождизм в идеологической практике контрреволюционного движения на востоке России: Опыт анализа приветственных посланий А.В. Колчаку / В. В. Журавлев // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: сб. науч. статей / науч. ред. В.И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2013. – Вып. 2. – С. 108–127.

302. Журавлев В. В. О наградной системе антибольшевистских режимов востока России (середина 1918 – начало 1920 г.) / В. В. Журавлев, Д. Г. Симонов // Трансформация российской политической системы в период революции и гражданской войны 1917 – 1920 гг.: сибирская специфика / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2014. – С. 180 – 214.

303. Журавлев В. В. К вопросу о титулованиях в организационных структурах антибольшевистских режимов востока России в период гражданской войны / В. В. Журавлев, Д. Г. Симонов // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. / отв. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск : Параллель, 2014. – Вып. 5. – С. 131–141.

304. Журавлев В. В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России / В. В. Журавлев // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. – Новосибирск : Параллель, Институт истории СО РАН, 2015. – Вып. 6. – С. 17–31.

305. Журавлев В. В. Политическая адаптация в гражданской войне: опыт сравнительного анализа приветственных посланий населения Сибири председателю Совнаркома В. И. Ульянову-Ленину и Верховному правителю адмиралу А. В. Колчаку / В. В. Журавлев // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века : сб. науч. ст. – Новосибирск : Параллель, 2015. – С. 121–144.

306. Журавлев В. В. «Политическая агиография» в Гражданской войне: структура биографических текстов в системе вождистского культа А.В. Колчака / В. В. Журавлев // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Том 22, № 4. – С. 64–70.

307. Журавлев В. В. Поездка А.В. Колчака на фронт 8–26 февраля 1919 года: идеологический дизайн / В. В. Журавлев // Развитие территорий. – 2017. – №4 (10). – С. 24–35.

308. Забелина Н. Ю. Враги и союзники в восприятии британцев в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. ист. наук / Н. Ю. Забелина. – М., 2011. – 24 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

309. Звягин С. П. Цензура в условиях «белой» Сибири // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ, 1998. С.68–78.

310. Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала в Сибири в начале XX века / С. П. Звягин. – Томск : Изд-во Том. политехнического ун-та, 2012. – 342 с.

311. Зимина В. Д. Белое движение времен гражданской войны: в плену «чистой идеи» / В. Д. Зимина // Белая армия. Белое дело : исторический научно-популярный альманах. – 1996. – № 1. – С. 9–16.

312. Зимина В. Д. Белое движение и российская государственность в период Гражданской войны / В. Д. Зимина. – Волгоград : Волгоградская академия государственной службы, 1997. – 485 с.

313. Зимина В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны (1917–1920 гг.) / В. Д. Зимина. – М. : РГГУ, 2006. – 472 с.

314. Иванов А. А. Рожденная контрреволюцией. Борьба с агентами врага / А. А. Иванов. – М. : Эксмо; Алгоритм, 2009. – 224 с.

315. Иванян Е. А. У истоков советско-американских отношений / Е. А. Иванян. – М. : Международные отношения, 2007. – 368 с.

316. Изергина В. П. Белая идеология и Белое движение как концепты патриотизма в творчестве Ивана Ильина [Электронный ресурс] : автореф. … дис. канд. полит. наук / В. П. Изергина. – Саратов, 2013. – 35 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

317. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции / Г. З. Иоффе. – М. : Наука, 1977. – 320 с.

318. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах / Г. З. Иоффе. – М. : Мысль, 1983. – 294 с.

319. Казакова Е. А. П. В. Вологодский: личность и общественно-политическая деятельность : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Казакова. – Томск, 2008. – 31 с.

320. Казакова О. Ю. Американской характер в восприятии русских людей (конец 1850-х–1860-е годы) / О.Ю. Казакова // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник] / отв. ред. А.В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 42–61.

321. Какурин Н. Е. Как сражалась революция: в 2 т. – М. : Политиздат, 1990. – Т. 1. – 271 с.; – Т. 2. – 430 с.

322. Камынин В. Д. Роль чехословацкого восстания в активизации иностранной интервенции в России весной-летом 1918 г. / В. Д. Камынин, П. И. Костогрызов // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2013. – Т. 121, №. 4. – С. 6–13.

323. Катков Н. Ф. Агитационно-пропагандистская работа большевиков в войсках и тылу белогвардейцев в период 1918–1920 гг. / Н. Ф. Катков. – Л. : Издательство ЛГУ, 1977. – 168 с.

324. Кенез П. Идеология белого движения // Россия в XX в. Историки мира спорят. – М. : Наука, 1994. – С. 268–279.

325. Кириллов А. Г. Политический нарратив: структура и прагматика (на материале современной англоязычной прессы) [Электронный ресурс] : автореф. дис. … канд. филол. наук / А. Г. Кириллов. – Самара, 2007. – 23 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

326. Кирмель Н. С. Белогвардейские спецслужбы в Гражданской войне. 1918–1922 гг. / Н. С. Кирмель. – М. : Кучково поле, 2008. – 512 с.

327. Кирмель Н. С. Контрразведка Белой армии в Сибири и на Дальнем Востоке // Вопросы истории. – 2008. – № 12. – С. 91–98.

328. Кирмель Н. С. Карающий меч адмирала Колчака / Н. С. Кирмель, В. Г. Хандорин. – М. : Вече, 2015. – 320 с.

329. Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус / А. Х. Клеванский. – М. : Наука, 1965. – 366 с.

330. Кокоулин В. Г. Омск в годы революций: власть, политическая борьба и повседневная жизнь (февраль 1917 – май 1918 г.) / В. Г. Кокоулин. – Новосибирск, 2016. – 404 с.

331. Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. – СПб. : Лики России, 2012. – 336 с.

332. Кононова М. М. Российские дипломатические загранучреждения в эмиграции, конец 1917 – первая половина 1920-х гг. [Электронный ресурс] : дис. … канд. ист. наук / М. М. Кононова. – М., 2003. – 280 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

333. Корнева Е. А. Контрразведка А. В. Колчака: организация и освещение политических настроений населения и войск / Е. А. Корнева // Новый исторический вестник. – 2000. – № 1. – С. 63–77.

334. Косых Е.Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.). Из истории идейно-политической борьбы / Е. А. Косых. – Томск : Издательство Томского университета, 1994. – 250 с.

335. Красильникова Е. И. Коммеративное значение массовых похорон жертв Гражданской войны в губернских городах Западной Сибири / Е. И. Красильникова // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 71–75.

336. Кривоногова С. А. П. Н. Милюков об Англии, англичанах и их политике / С. А. Кривоногова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2013. – Т.13, №2. – С. 37–39.

337. Кручинин А. С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память / А. С. Кручинин. – М. : АСТ : Астрель : Полиграфиздат, 2011. – 538 с.

338. Кувшинов В. А. Кадеты в России и за рубежом (1905–1943) / В. А. Кувшинов. – М. : Унив. гуманитар. лицей, 1997. – 151 с.

339. Купцов И. В. Краткая история чехословацкого корпуса (К установке памятника чехословацким легионерам в 2011 году) / И. В. Купцов // Гороховские чтения: материалы пятой региональной музейной конф. Челябинск, 07 ноября 2014 г. – Челябинск : Обл. гос. бюдж. учрежд. культуры «Челябинский государственный краеведческий музей», 2014. – С. 269–280.

340. Купцова И. В. Вклад художественной интеллигенции в формирование позитивного образа Англии в годы Первой мировой войны / И. В. Купцова // Клио. – 2017. – № 1 (121). – С. 111–118.

341. Лазари А. Де. «Русский медведь» в западноевропейской пропаганде Первой мировой войны / А. Де. Лазари, О. В. Рябов, М. Жаковска // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. – № 4. – С. 054–067.

342. Ларьков Н. С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть / Н. С. Ларьков – Томск : Изд. Том. ун-та, 1995. – 252 с.

343. Ларьков Н. С. О роли «Потанинского кружка» в консолидации антибольшевистских сил в Сибири / Н. С. Ларьков // История белой Сибири : материалы 6-й международной научной конференции (7–8 февраля 2005 г., Кемерово). – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – С. 205–211.

344. Ларьков Н. С. Политическая деятельность А. В. Адрианова в годы Гражданской войны / Н. С. Ларьков // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 367. – С. 74–80.

345. Ларьков Н. С. Сибирский белый генерал / Н. С. Ларьков. – Томск. : Изд-во Том. гос. ун-та, 2017. – 313 с.

346. Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Ласвель. – М. – Л. : Госиздат, 1929. – 200 с.

347. Левидов М. К истории союзной интервенции в России / М. Левидов. – Л. : Прибой, 1925. – Т.1. : Дипломатическая подготовка. – 184 с.

348. Лившиц С. Г. Крах «Временного правительства автономной Сибири» / С. Г. Лившиц // Вопросы истории. – 1974. – № 8. – С. 87–98.

349. Лившиц С. Г. Временное Сибирское правительство / С. Г. Лившиц // Вопросы истории. – 1979. – № 12. – С. 98–107.

350. Лившиц С. Г. «Верховный правитель» Колчак и атаман Семёнов. К истории «семёновского инцидента») / С. Г. Лившиц // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. – Новосибирск : Наука, 1985. – С. 176–184.

351. Листиков С. В. США и Революционная Россия в 1917 году: К вопросу об альтернативах американской политики вот Февраля к Октябрю / С.В. Листиков. – М. : Наука, 2006. – 452 с.

352. Листиков С. В. Белая дипломатия о позиции США и Европейских держав по вопросу о территориальной целостности России (Версальская мирная конференция 1919 г.) / С. В. Листиков // Американский ежегодник. – 2009. – №2007. – С. 280–286.

353. Листиков С. В. Великие державы и «русский вопрос»: Решения Версальской мирной конференции 1919–1920 гг. и их последствия / С. В. Листиков // Российская история. – 2011. – №5. – С. 15–29.

354. Листиков С. В. «Русский след» в американской интервенции / С. В. Листиков // Российская история. – 2012. – № 5. – С. 139–151.

355. Листиков С. В. Версаль и «русский вопрос»: идея «окружения» Советской России и ее эволюция / С. В. Листиков // Первая мировая война, Версальская система и современность : сб. статей / отв. ред. И. Н. Новикова. – СПб. : СПбГУ, 2014. – С. 290–298.

356. Листиков С. В. Вудро Вильсон и «Белое дело»: Россия на переломе Гражданской войны и иностранной интервенции / С. В. Листиков // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2014. – Т.5, Вып. 7 (30) [Электронный ресурс]. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.history.jes.su/s207987840000837-9-1 (дата обращения: 15.04.2018).

357. Листиков С. В. «14 пунктов» и формирование «русской политики» Вудро Вильсона / С. В. Листиков // Российская история. – 2015. – №6. – С. 120–135.

358. Лошаков А. Г. Сверхтекст: проблема целостности, принципы моделирования / А. Г. Лошаков // Известия Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. – 2008. – №66. – С. 100–109.

359. Луков Е.В. Образ Уфимской Директории на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» / Е. В. Луков // 150 лет

периодической печати в Сибири : материалы рег. науч. конф. (Томск, 19–20 апреля 2007 г.). – Томск : Изд-во «ТМЛ-Пресс», 2007. – С. 183–188.

360. Луков Е. В. Формирование образа власти антибольшевистскими правительствами Сибири (по материалам периодической печати) / Е. В. Луков // Сибирь в период Гражданской войны : материалы междунар. научно-практ. конф. (6-7 февраля 2007 года, г. Кемерово). – Кемерово, 2007. – С. 140–143.

361. Луков Е. В. Белая идеология как альтернатива большевизму (на примере антибольшевистских правительств Сибири) / Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев // Русская революция в контексте истории: Материалы региональной научной конференции (Томск, 6–8 ноября 2007 г.). – Томск : Изд. Том. ун-та, 2008. – С. 244–251.

362. Луков Е. В Осведомительный аппарат белой Сибири: структура, функции, деятельность (июнь 1918–январь 1920 г.) / Е. В. Луков, Д. Н. Шевелев. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. – 181 с.

363. Любимов Л. С. большевистская печать в Сибири в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции (июль–октябрь 1917 г.) / Л. С. Любимов // Записки Иркутского областного краеведческого музея. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1965. – С. 84–107.

364. Любимов Л. С. Борьба большевиков с контрреволюционной печатью в период установления и упрочения Советской власти в Сибири / Л. С. Любимов // Коммунисты Восточной Сибири в борьбе за победу Советской власти и построение коммунизма. – Иркутск, 1965. – С.86–94.

365. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. / Г. М. Маклюэн. – М. : КАНОН-пресс-Ц, 2003. – 464 с.

366. Малинова О. Ю. Россия и «Запад» в XX веке: Трансформация дискурса о коллективной идентичности / О. Ю. Малинова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 190 с.

367. Малинова О. Ю. В ожидании объединяющего нарратива: символическое измерение постсоветской трансформации России. Рец. на кн. : Symbolism and regime change: Russia / Gill G. Cambridge: Cambridge univ. press, 2013. viii, 246 p. / О. Ю. Малинова // Символическая политика. Споры о прошлом как проектирование будущего : [сборник]. – М. : РАН ИНИОН, 2014. – Вып. 2. – С. 345–346.

368. Мальков В. Л. США: от интервенции к признанию Советского Союза (1917–1933 гг.) / В. Л. Мальков // Новая и новейшая история. – 1984. – № 1. – С. 125–146.

369. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака : в 2 т. / С. П. Мельгунов. – М. : Айрис-пресс, 2005. – Т. 1. – 570 с; Т. 2. – 493 с.

370. Мельчин А. И. Американская интервенция на советском Дальнем Востоке в 1918–1920 гг. / А. И. Мельчин. – М. : Военно-морское издательство Военно-морского министерства Союза ССР, 1951. – 72 с.

371. Милюков П. Н. Россия на переломе. Большевистский период русской революции : в 2 т. / П. Н. Милюков. – Париж, 1927. – Т. 2. : Антибольшевистское движение. – 282 с.

372. Миронова Е. М. «Мы, признанные союзниками представители России…» Деятельность русской небольшевистской дипломатии в период Гражданской войны (1917 – конец 1920 г.) / Е. М. Миронова // Россия XXI. – 2015. – № 1. – С. 114–143.

373. Молчанов Л. А. Газетный мир антибольшевистской России (октябрь 1917–1920 гг.) / Л. А. Молчанов. – М. : «Посев», 2001. – 160 с.

374. Молчанов Л. А. Газетная пресса России в годы революции и Гражданской войны (октябрь 1917–1920 гг.) / Л. А. Молчанов. – М. : Издатпрофпресс, 2002. – 272 с.

375. Молчанов Л. А. Деятельность информационных учреждений «белой» России в годы гражданской войны (1918–1920 гг.) / Л. А. Молчанов // Государственный аппарат России в годы революции и гражданской войны. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – С. 150–164.

376. Молчанов Л. А. Информационно-агитационные учреждения «белой» Сибири (1918–1920 гг.) / Л. А. Молчанов // Белая гвардия : альманах. – М. : «Посев», 1998. – Вып. 2. – С. 17–23.

377. Молчанов Л. А. «Русское общество печатного дела»: проблемы организации и деятельности / Л. А. Молчанов // История «белой» Сибири : тез. второй науч. конф. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1997. – С. 137–139.

378. Молчанов Л. А. «Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство»: К истории антибольшевистской государственности

периода гражданской войны (1918–1920 гг.) / Л. А. Молчанов. – М. : Посев, 2007. – 207 с.

379. Молчанов Л. А. Цензура «белой» Сибири / Л. А. Молчанов // История «белой» Сибири : тез. третьей науч. конф. 2–3 февр. 1999 г., Кемерово. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. – С. 76–78.

380. Молодяков В. Э. Япония в русском сознании и русской культуре конца XIX – начала XX века / В. Э. Молодяков // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник]. / отв. ред. А. В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 325–341.

381. Нам И. В. Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 г.) / И. В. Нам // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281. – С. 47–57.

382. Нам И.В. Международные аспекты национальной политики Российского правительства (ноябрь 1918–1919) / И.В. Нам // Вестник Томского государственного университета. – 2008. – № 310. – С. 81–88.

383. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922) / И. В. Нам. – Томск : ТГУ, 2009. – 496 с.

384. Наумова Н. И. Автономизм и федерализм в идеологии и политике Белого движения / Н. И. Наумова // Вестник Томского государственного университета.– 2004. – № 281. – С. 58–61.

385. Наумова Н. И. Феномен нации в идеологии белогвардейцев / Н. И. Наумова // История белой Сибири: материалы 6-й междунар. науч. конф. 7–8 февраля 2005 г., Кемерово. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2005. – С. 173–177.

386. Немчинова Т. А. Современная историография белого движения в Сибири / Т. А. Немчинова – Улан-Удэ : Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2002. – 189 с.

387. Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала А.В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект [Электронный ресурс] : дис. … канд. ист. наук / П. Л. Нестеренко. – Томск, 2000. – 171 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

388. Никитин А. Н. Государственность «белой» России: становление, эволюция, крушение / А. Н. Никитин. – М. : Национальный институт бизнеса, 2004. – 336 с.

389. Никитин А. Н. Периодическая печать как источник по истории гражданской войны в Сибири / А. Н. Никитин – Омск : Высшая школа милиции МВД РФ, 1991. – 204 с.

390. Никулин П. Ф. Теория и методика источниковедения отечественной истории X – начала XX вв. / П. Ф. Никулин. – Томск : Изд. Том. Гос. ун-та, 2000. – 85 с.

391. Нойманн И. Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей / И. Б. Нойманн. – М. : Новое издательство, 2004. – 336 с.

392. Новикова Л. Г. Гражданская война в России в современной западной историографии / Л. Г. Новикова // Отечественная история. – 2005. – №6. – С. 142–158.

393. Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора [и др.]. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – С. 17–50.

394. Оболонкова М. А. Репрезентация образа англичан в сознании российских интеллектуалов и Первая мировая война / М. А. Оболонкова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2017. – № 3 (38). – С. 48–55

395. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока : в 5 т. / [В. В. Авдеев, С. В. Козлов, С. Н. Лютов и др.]; отв. ред. А. Л. Посадсков. – Новосибирск : ГПНТБ, 2002. – Т. 3. : 1917–1930 гг. – 435 с.

396. Ощепков А. Р. Имагология / А. Р. Ощепков // Знание. Понимание. Умение. – 2010. – № 1. – С. 251–253.

397. Пайпс Р. Русская революция : в 3 т. / Р. Пайпс. – М. : Издательство «Захаров», 2005 . – Т. 1 – 478 с.; Т. 2 – 716 с.; Т. 3 – 696 с.

398. Пайчадзе С. А. Военная книга в Сибири и на Дальнем Востоке: история издания и социальные функции (1917–1945 гг.) / С. А. Пайчадзе, С. Н. Лютов, Е. Н. Савенко. – Новосибирск : Издательство СО РАН, 1998. – 180 с.

399. Папилова Е. В. Имагология как гуманитарная дисциплина / Е. В. Папилова // Вестник Московского государственного гуманитарного

университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2011. – № 4. – С. 31–40.

400. Парфенов П. С. Гражданская война в Сибири 1918–1920 / П. С. Парфенов. – М. : ГИЗ, 1928. – 168 с.

401. Переверзев А. Я. Комуч. Директория. Колчак: Антисоветский лагерь в Гражданской войне на Востоке России / А. Я. Переверзев. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 703 с.

402. Перейра Н. Сибирь: политика и общество в гражданской войне / Н. Перейра. – М. : Институт истории РАН, 1996. – 200 с.

403. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России / И. Ф. Плотников. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2003. – 702 с.

404. Плотникова М. Е. Советская историография гражданской войны в Сибири (1918 – первая половина 1930-х гг.) / М. Е. Плотникова. – Томск: Издательство Томского университета, 1974. – 252 с.

405. Попова Е. И. Политика США на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.) / Е. И. Попова. – М. : Наука, 1967. – 343 с.

406. Поршнева О. С. Историческая имагология в современной российской историографии / О. С. Поршнева // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Индустриальная модернизация Урала в XVIII—XXI вв. : материалы XII Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 4-5 декабря 2014 г. : в 2-х т. – Екатеринбург : [УрФУ], 2014. – Т.1. – С. 126–129.

407. Поршнева О. С. Образ союзников по Антанте в российском общественном сознании: от Февраля к Октябрю 1917 г. / О. С. Поршнева // Проблемы российской истории. – 2010. – № 1 (10). – С. 245–261.

408. Поршнева О. С. Образы западных союзников в русском традиционном сознании накануне и в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) / О. С. Поршнева // Проблемы истории России. – Екатеринбург : Волот, 2011. – Вып. 9. : Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. – С. 316–325.

409. Поршнева О. С. Этнические и внешнеполитические стереотипы в формировании мифологии союзничества в годы Первой мировой войны (1914–

1916) / О. С. Поршнева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2011. – № 3. – С. 62–76.

410. Поршнева О. С. Эволюция представлений о союзниках в массовом сознании революционной России 1917 / О. С. Поршнева // Уральский исторический вестник. – 2014. – № 1 (42). – С. 43–52.

411. Посадсков А. Л. Сибирская книга и революция 1917–1918 гг. / А. Л. Посадсков. – Новосибирск: Наука, 1977. – 282 с.

412. Посадсков А. Л. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) / А. Л. Посадсков // Клио. – 1997. – № 2. – С. 131–133.

413. Посадсков А. Л. Совещание по делам печати как идеологический центр колчаковского правительства (по рассекреченным материалам ГАРФ) / А. Л. Посадсков // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории : материалы всеросс. науч. конф. – Новосибирск, 1998. – С. 196–198.

414. Посадсков А. Л. К истории эвакуации Русского общества печатного дела (октябрь 1919 – январь 1920 гг.) / А. Л. Посадсков // История «белой» Сибири : тез. третьей науч. конф. 2–3 февр. 1999 г., Кемерово. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 1999. – С. 135–139.

415. Посадсков А. Л. Особый отдел Российского правительства: из истории пропагандистских спецслужб Белой Сибири / А. Л. Посадсков // История «белой» Сибири : тез. 4-й науч. конф. 6–7 апреля 2001 г. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2001. – С. 162–167.

416. Потапова Н. В. Деятельность Христианского союза молодых людей в России в 1917–1922 гг. / Н. В. Потапова // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 1. – С. 96–99.

417. Привалова Е. А. В союзе с белогвардейской прессой. Американское бюро печати в Советской России (1917–1920-е годы) / Е. А. Привалова. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 320 с.

418. Привалова Е.А. «Русский эксперимент». Комитет общественной информации и внешняя политика США (1917–1920 гг.) / Е.А. Привалова. – М.: ВК, 2006. – 156 с.

419. Прокопьев М. В. Эволюция образа России в журнале «Punch» в период Первой мировой войны / М. В. Прокопьев, Е. М. Жеребцова // Творчество и современность. – 2016. – № 1 (1). – С. 139–153.

420. Разгон И. М. Расстановка классовых сил в Сибири накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции // Вопросы истории Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1969. – Вып. 4. – С. 3–28.

421. Разгон И. М. Некоторые итоги и задачи изучения основных проблем истории борьбы с колчаковщиной в Сибири / И. М. Разгон, М. Е. Плотникова // Вопросы истории Сибири. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1972. – С. 3–15.

422. Репина Л. П. «Национальный характер» и «образ другого» / Л. П. Репина // Диалог со временем. – 2012. – Вып. 39. – С. 9–19.

423. Романишина В. Н. Социальный состав и идеология Белого движения в годы Гражданской войны в России, 1917– 1920 гг. [Электронный ресурс]: дис. ... канд. ист. наук / В. Н. Романишина. – М., 2001. – 182 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

424. Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века / А. В. Голубев [и др.]. – М. : ИРИ РАН, 1998. – 335 с.

425. Ротштейн Э. Когда Англия вторглась в Советскую Россию / Э. Ротштейн. – М.: «Прогресс», 1982. – 187 с.

426. Рудая Е. В. Союзники-враги: Россия и Великобритания глазами друг друга в 1907–1917 годах / Е. В. Рудая // Россия и Европа в XIX–XX веках. Проблемы взаимовосприятия и народов, социумов и культур : сб. науч. тр. – М. : ИРИ РАН, 1996. – С. 175–183.

427. Рыбков А. Г. Пропаганда как средство борьбы в Годы Гражданской войны (на примере Чехословацкого корпуса) / А. Г. Рыбков, Е. И. Демидова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2014. – № 3 (52). – С. 108–110.

428. Рыбков А. Г. Чехословацкий военный корпус в Поволжье (субъективные заметки историков) / А. Г. Рыбков, Е. И. Демидова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2012. – № 5 (44). – С. 192–195.

429. Рыбков А. Г. «Зарубежная акция» Т. Г. Массарика и Чехословацкий корпус в России в 1918 г. (на материалах Поволжья) / А. Г. Рыбков // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2016. – № 1 (60). – С. 53–57.

430. Рыбков А. Г. Чехословацкий военный корпус в контексте военно-политических процессов России 1918 г. (на материалах Поволжья) / А. Г. Рыбков, Е.И. Демидова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2013. – № 5 (49). – С. 147–149.

431. Рыбников В. В. Белое движение в годы Гражданской войны в России: сущность, эволюция и некоторые итоги / В. В. Рыбников, В. П. Слободин. – М. : Терра, 1993. – 186 с.

432. Рынков В. М. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования Гражданской войны на востоке России / В. М. Рынков // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. – Новосибирск : Параллель, 2007. – С. 13–22

433. Рынков В. М. Антибольшевистские политические режимы и общество: взаимодействие на информационном пространстве восточных регионов России / В. М. Рынков // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.) / науч. ред. В. И. Шишкин. – Новосибирск, 2009. – С. 105–126.

434. Рынков В. М. Периодическая печать: место в системе исторических источников / В. М. Рынков // Отечественные архивы. – 2010. – №.3. – С. 44–50.

435. Салдугеев Д. В. Чехословацкий корпус и небольшевистские правительства Поволжья, Урала и Сибири: проблемы взаимоотношений: 1918–1920 гг. [Электронный ресурс] : дисс. … канд. ист. наук / Д. В. Салдугеев. – Челябинск, 2006. – 230 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

436. Салдугеев Д.В. Чехословацкий легион в России / Д.В. Салдугеев // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. – 2005. – Т. 1, № 2 (18). – С. 88–98. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из науч. электрон. б-ки «eLIBRARY.RU».

437. Светачев М. И. Интервенты и сибирская контрреволюция. (ноябрь 1917–1918 гг.) / М. И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. – Вып. 3. – Хабаровск, 1973. – С. 10–89.

438. Светачев М. И. Начальный период иностранной интервенции в Сибири и на Дальнем Востоке. (апрель–август 1918 г.) / М. И. Светачев // Вопросы истории Дальнего Востока. – Вып. 5. – Хабаровск, 1975. – С. 54–157.

439. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). – Новосибирск : Наука, 1983. – 333 с.

440. Светачев М. И. Белогвардейцы, интервенты и их программа «новой» России. (1918–1922 г.) / М. И. Светачев // Актуальные проблемы современной цивилизации. – Хабаровск, 1996. – С. 87–101.

441. Светачев М. И. Антанта, Россия и вопрос о воссоздании восточного (антигерманского) фронта в Сибири в 1918 году // Вопросы истории Дальнего Востока. – Хабаровск, 2001. – Вып. 3, Ч. 1. – С. 71–76.

442. Семенова Н. М. Периодическая печать Сибири как источник по истории «демократической контрреволюции» : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н. М. Семенова. – Томск, 1977. – 24 с.

443. Сенявская Е. С. «Образ врага» в сознании участников первой мировой войны / Е. С. Сенявская // Россия и Европа в XIX–XX веке: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : [сборник]. – М. : Институт российской истории РАН, 1996. – С. 75–85.

444. Сенявская Е. С. Япония – противник России в войнах XX в. / А. С. Сенявская // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия: [сборник]. – М. : Институт российской истории РАН, 2002. – Вып. 2. – С. 357–387.

445. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / А. С. Сенявская. – М. : РОССПЭН, 2006. – С. 247.

446. Сенявская Е. С. Соперники, союзники, враги… / Е. С. Сенявская // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2010. – № 4 (243). – С. 32–41;

447. Сенявская Е. С. Соперники, союзники, враги… / Е.С. Сенявская // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2010. – № 5 (244). – С. 86–101.

448. Сенявский А. С. Историческая имагология и проблема формирования образа врага (на материалах российской истории XX в.) / А. С. Сенявский,

Е. С. Сенявская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2006. – № 2 (6). – С. 57.

449. Сергеев Е. Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце XIX начале XX вв. / Е. Ю. Сергеев // Россия и Европа в XIX–XX вв. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур : [сборник]. – М. : ИРИ РАН, 1996. – С. 166–174.

450. Сергеев Е. Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900–1914 [Электронный ресурс] : дисс. … д-ра ист. наук / Е. Ю. Сергеев. – М., 2001. – 356 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

451. Сергеев Е. Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900–1914 гг. [Электронный ресурс] : автореф. дис. … д-ра ист. наук. / Е. Ю. Сергеев. – М., 2001. – 34 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

452. Сергеев Е. Ю. Военно-политическая элита Российской империи о «внешней угрозе с Запада» накануне Первой мировой войны / Е. Ю. Сергеев // Новая и новейшая история. – 2000. – № 5. – С. 214–223.

453. Сергеев Е. Ю. Образ США в представлениях россиян (начало XX в.) / Е. Ю. Сергеев // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : [сборник] / отв. ред. А. В. Голубев. – М. : ИРИ РАН, 2000. – Вып. 1. – С. 235–247.

454. Слободин В. П. Белое дело в годы гражданской войны в России (1917–1922) / В. П. Слободин. – М. : МЮИ МВД, 1996. – 80 с.

455. Смолин А. В. Русское политическое совещание в Париже. 1919 г. / А. В. Смолин, М. М. Карпович // Труды истории кафедры Нового и новейшего времени. – 2015. – № 14. – С. 187–197.

456. Соскин В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны / В. Л. Соскин. – Новосибирск : Наука, 1965. – 280 с.

457. Спирин Л. М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России / Л. М. Спирин // Банкротство мелкобуржуазных партий в России 1917–1922: [сборник]. – М. : Мысль, 1977. – Ч.1. – 207 с.

458. Соболев Г. Л. Антибольшевистский компромат как фактор иностранного вмешательства в Гражданскую войны в Советской России /

Г. Л. Соболев // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии : сб. докл. межвуз. науч. конф. Санкт-Петербург, 29 ноября 2013 г. – СПб. : Изд-во СПбГЭТУ: «ЛЭТИ», 2014. – С. 57–62.

459. Соколова В. И. Зарождение молодежного движения в мире (вторая половина XIX – начало XX веков) / В. И. Соколова // Вестник Чувашского университета. – 2014. – №4. – С. 85–90.

460. Солопова О. А. Значимый «Другой»: Россия и Америка (лингвополитический прогностический анализ на материале американского политического дискурса XIX века) / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2016. – Т.1(55). – С. 126–135.

461. Сорель Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М. : Фаланстер, 2013. – 304 с.

462. Стельмак М. М. Восприятие иностранного военного присутствия в России в отражении антибольшевистской прессы (по материалам рубрики «Печать и союзники» на страницах газеты «Сибирский вестник») / М. М. Стельмак // Омский научный вестник. – 2014. – № 3. – С. 21–25.

463. Стельмак М. М. Отношения английского и Временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник») / М.М. Стельмак // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61), Т. 2. – С. 63–67.

464. Стельмак М. М. Директория и союзники: освещение иностранной помощи на страницах «Вестника Временного Всероссийского правительства» / М. М. Стельмак // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 2 (34). – С. 39–45.

465. Стельмак М. М. Газета «Правительственный вестник и формирование образа Великобритании и Франции как союзников сибирской контрреволюции (конец 1918 г. – начало 1919 г.) / М. М. Стельмак // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 2 (40). – С. 39–44.

466. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения (на примере стихотворения, опубликованного в «Нашей газете») / М. М. Стельмак // «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы Всерос. молодёжной научн.-

практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25 апреля 2013 г.). – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2013. – С. 35–38.

467. Стельмак М. М. Правовые аспекты обоснования союзнической помощи анти-большевистскому движению в России на примере заявления германского канцлера Максимилиана Баденского (осень 1918 г.) / М. М. Стельмак // Вестник Омской юриди-ческой академии. – 2014. – № 1. – С. 29–31.

468. Стельмак М. М. Освещение деятельности Чехословацкого корпуса в Восточной Сибири в конце 1919 г. (по материалам «Нашей газеты») / М. М. Стельмак // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (г. Нижневартовск, 7 февраля 2014 г.). – Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. – Ч. I. – С. 142–144.

469. Стельмак М. М. Политическое восприятие Антанты Российским правительством А. В. Колчака (сентябрь-октябрь 1919 г.): анализ литературной рубрики «Нашей газеты (омский период) / М. М. Стельмак // «Эхо русского народа»: Отражение истории России XX века в поэтическом и песенном творчестве: материалы Всерос. Молодёжной научн.-практ. конф. с междунар. участием (Омск, 25 апреля 2014 г.). – Омск : Изд-во ОмГТУ. – С. 48–51.

470. Стельмак М. М. Освещение британской внешней политики в отношении анти-большевистской России в последние месяцы Первой мировой войны (по материалам газеты «Сибирский вестник») / М. М. Стельмак // Сибирь и войны XIX-XX веков : тез. Всеросс. (с междунар. участием) науч. конф. (г. Новосибирск, 8-10 июня 2014 г.). – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2014. – С. 71–73.

471. Стельмак М. М. Союзники антибольшевистского движения и переворот 18 ноября 1918 г. в Омске / М. М. Стельмак // Вторые Ядринцевские чтения : материалы II Всеросс. научн.-практ. конф., посвященной 100-летию начала Первой мировой войны (Омск, 29–30 октября 2014 г.). – Омск: ОГИК музей, 2014. – С. 82–84.

472. Стельмак М. М. Взаимодействие Российского правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками в конце 1918 г. / М. М. Стельмак // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всеросс. научн.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.). – Омск : Амфора, 2015. – С. 141–145.

473. Стельмак М. М. «За великие заслуги чехословацких войск, оказанные ими нашей родине, приношу от лица Русской армии глубокую благодарность…»: Чехословацкий корпус и перемена власти в антибольшевистском лагере в 1918 г. / М. М. Стельмак // Гражданская война на востоке России: объективный взгляд сквозь документальное наследие: материалы Всеросс. научн.-практ. конф. (Омск, 12–13 ноября 2014 г.). – Омск: Амфора, 2015. – С. 146–152.

474. Стельмак М. М. Конференция на Принцевых островах и её влияние на образ союзников антибольшевистского движения востока России / М. М. Стельмак // Омские социально-гуманитарные чтения – 2015 : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 24–26 марта 2015 г.). – Омск : Изд-во ОмГТУ, 2015. – С. 281–288.

475. Стельмак М. М. Особенности взаимодействия Российского правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками на заключительном этапе Гражданской войны в Западной Сибири / М. М. Стельмак // Третьи Ядринцевские чтения : материалы III Всеросс. научн.-практ. конф., посвященной 300-летию Омска (Омск, 26-28 ноября 2015 г.). – Омск : ОГИК музей, 2015. – С. 114–116.

476. Стельмак М. М. Чехословацкий корпус: образ союзника в общественно-политической печати Западной Сибири в первые месяцы «демократической контрреволюции» / М. М. Стельмак // Материалы VIII региональной научно-практической конференции «Вагановские чтения», посвященной 85-летию со дня основания Тарского бюро краеведения (г. Тара, 11–12 марта 2016 г.). – Омск : ООО «Амфора», 2016. – С. 46–51.

477. Стельмак М. М. Образ иностранных союзников антибольшевистского движения в периодической печати Западной Сибири (май 1918 – декабрь 1919 гг.) [Электронный ресурс] : дис. … канд. ист. наук / М.М. Стельмак. – Омск, 2016. – 326 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из «Электронная библиотека: Библиотека диссертаций».

478. Стельмак М. М. Образ Японии в органе Омской Директории (ноябрь 1918 г.) // Четвертые Ядринцевские чтения : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, когда. – Омск : ОГИК музей, 2017. – С. 199–202.

479. Субботовский И. Союзники, русские реакционеры и интервенция / И. Субботовский. – Л. : Тип. газ. «Вестн. Ленингр. Совета», 1926. – 328 с.

480. Сушко А. В. Использование «женской темы» периодической печатью Белой Сибири для мобилизации населения на борьбу с большевизмом / А. В. Сушко // VII Емельяновские чтения: мат. всерос. науч. конф. Курган 28–29 апр. 2014 г. – Курган, 2014. – С. 41–43.

481. Сушко А. В. К вопросу о праздновании дня георгиевских кавалеров и восстановления георгиевских наград в Белой Сибири в годы Гражданской войны / А. В. Сушко // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – №2-6 (62). – С. 295–299.

482. Сушко А. В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне / А. В. Сушко // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 411. – С. 155.

483. Терехина О. В. «Трудный выбор» чешского солдата на страницах российской прессы и популярной литературы 1914–1917 годов / О. В. Терехина // Запад-Восток. – 2014. – №7. – С.56–60.

484. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы : Избранные труды / В. Н. Топоров. – СПб.: «Искусство-СПБ». – 2003. – 616 с.

485. Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России / Г.А. Трукан. – М. : Институт истории РАН, 2000. – 256 с.

486. Турунов А. Н. Совестская пресса в Сибири в 1917–1918 гг. (материалы к библиографическому обзору) / А. Н. Турунов. – Иркутск: Госиздат, 1922. – 24 с.

487. Тюпа В. И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса / В. И. Тюпа. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 58 с.

488. Ульянов П. В. Россия в амбивалентном «образе медведя» (на примере европейских карикатур периода Первой мировой войны) / П. В. Ульянов, Ю. Г. Чернышов // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 1. № 4 (88). – С. 259–265.

489. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. / Р. С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – Т.1. : От Петра Великого до смерти Николая I. – 608 с.

490. Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. / Р.С. Уортман. – М. : ОГИ, 2004. – Т.2. : От Александра II до отречения Николая II. – 800 с.

491. Ушаков А. И. Современная российская историография антибольшевистского движения в годы гражданской войны в России / А. И. Ушаков. – М. : АИРО-XX, 2004. – 96 с.

492. Флёров В. С. Контрреволюционная роль церковников и сектантов на Дальнем Востоке в 1918–1923 годах / В.С. Флеров // Ученые записки Томского государственного университета. – 1959. – №37. – С. 71–133.

493. Фоминых С. Ф. Американская буржуазная историография гражданской войны и интервенции в Сибири : дис. … канд. ист наук / С. Ф. Фоминых – Томск, 1969. – 321 с.

494. Фоминых С. Ф. Американская дипломатическая переписка как источник по истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке : дис. … д-ра ист наук / С. Ф. Фоминых. – Томск, 1969. – 386 с.

495. Фоминых С. Ф. К истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке: Критический анализ американской дипломатической переписки как исторического источника / С. Ф. Фоминых. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. – 198 с.

496. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы / В. Г. Хандорин. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 2007. – 278 с.

497. Хандорин В. Г. Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны / В. Г. Хандорин. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 368 с.

498. Хандорин В. Г. Роль либеральной и социалистической прессы в Сибири при диктатуре А.В. Колчака / В. Г. Хандорин // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – №. 340. – С. 109–112.

499. Хандорин В. Г. Национальная идея и адмирал Колчак / В. Г. Хандорин. – М. : Русский Фонд содействия образованию и науке, 2017. – 624 с.

500. Харусь О. А. Либерализм в Сибири начала XX века. Идеология и политика / О. А. Харусь. – Томск : Изд-во ТГУ, 1996. – 227 с.

501. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1917–1918 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В. Ж. Цветков. – М. : Посев, 2008. – 520 с.

502. Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 г. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В. Ж. Цветков. – М. : Посев, 2009. – 636 с.

503. Ципкин Ю. Н Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). / Ю. Н. Ципкин – Хабаровск : Дальневост. гос. гуманит. ун-т; Хабар. краевой музей им. Н. И. Гродекова, 2012. – 246 с.

504. Швец И. В. Гражданская война в Сибири и на Дальнем Востоке России: борьба республиканской и монархической тенденций: 1917–1922 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Швец. – Комсомольск-на-Амуре, 2007. – 28 с.

505. Шевелев Д. Н. Деятельность осведомительных и культурно-просветительных органов Российского правительства адмирала А.В. Колчака по объединению и координации антибольшевистской пропаганды: создание Русского бюро печати и Осведверха // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 340. – С. 113–117.

506. Шевелев Д. Н. Особенности дискурса политической пропаганды антибольшевистских правительств Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2010. – № 4 (44). – С. 56–62.

507. Шевелев Д. Н. «В железном кольце»: образ «единого стратегического фронта борьбы с большевиками» и трансформация его содержания в периодической печати Урала и Сибири весной – осенью 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 1 (13). – С. 45–49.

508. Шевелев Д. Н. Сибирское–Российское–Русское телеграфное агентство и его роль в информационном обеспечении антибольшевистских правительств Сибири в годы Гражданской войны // Вестник Томского государственного университета. История. – 2011. – № 2 (14). – С. 106–111.

509. Шевелев Д. Н. Концепт «Первая мировая война» в политической пропаганде антибольшевистского движения на востоке России (июнь 1918 – декабрь 1919) / Д. Н. Шевелев // Сибирь в войнах начала XX века. Материалы

Сибирского исторического форума. г. Красноярск, 3-6 декабря 2013 года – Красноярск : Резонанс, 2014. – С. 187–191.

510. Шевелев Д. Н. Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А. В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) / Д. Н. Шевелев, К.А. Конев // Русин. – 2014. – № 3 (37). – С. 167–181.

511. Шевелев Д. Н. Организационное становление информационно-пропагандистских учреждений Временного Сибирского правительства (конец мая – начало ноября 1918 г.) / Д. Н. Шевелев // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 403. – С. 144–154.

512. Шевелев Д. Н. «За Россию, за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать белой Сибири о формировании на её территории карпаторусских воинских частей / Д. Н. Шевелев, К.А. Конев // Русин. – 2015. – № 4. (42). – С. 143–167.

513. Шевелев Д. Н. Нарратив о «Великой войне» и формирование образа союзников в официальной и проправительственной печати белой Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) /Д. Н. Шевелев, К.А. Конев // Политический дискурс в парадигме научных исследований II Международная научно-практическая конференция. Тюменский государственный университет, Институт филологии и журналистики. – 2015. – С. 190–200.

514. Шевелев Д. Н. Формы репрезентации национальной идентичности в официальной и проправительственной периодической печати востока России (июнь 1918 – декабрь 1919 гг.) / Д. Н. Шевелев, К.А. Конев // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2015. – №38 (4). – С. 1105–1114.

515. Шевелев Д. Н. «Роль печатного слова в современной войне не меньше пули и штыка...»: осведомительная работа антибольшевистских правительств востока России / Д. Н. Шевелев. – Томск : Издательство Томского университета, 2017. – 267 с.

516. Шевцов В.В. Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века) / В.В. Шевцов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. – 622 с.

517. Шелохаев В.Д. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. / В.Д. Шелохаев. – М. : Наука, 1991. – 232 с.

518. Шереметьева Д. Л. Власть и пресса Сибири в период «демократической» контрреволюции (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. – 2009. – Т. 8. – Вып. 1. – С. 129–134.

519. Шереметьева Д. Л. Динамика численности газетной периодики Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. ст. – Новосибирск : НГУ, 2010. – Вып. 2. – С. 37–63.

520. Шереметьева Д. Л. Газетная пресса органов государственной власти в Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) / Д. Л. Шереметьева // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы всеросс. науч. конф. (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.). – Новосибирск, 2011. – С. 138–144.

521. Шереметьева Д. Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) [Электронный ресурс] : дис. … канд. ист. наук / Д. Л. Шереметьева. – Новосибирск, 2011. – 300 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

522. Шереметьева Д. Л. Рубрика «Письма в редакцию» газеты «Сибирская жизнь» в период гражданской войны (конец мая 1918 – конец декабря 1919 г.) / Д. Л. Шереметьева // История «белой» Сибири : сб. науч. ст. – Кемерово : КемГУ, 2011. – С. 206–211.

523. Шереметьева Д. Л. Политические взгляды Е. Е. Колосова в годы революции и гражданской войны (март 1917 – январь 1920 г.) /Д. Л. Шереметьева // Политические режимы на востоке России в период революции и гражданской войны. – Новосибирск : Параллель, 2012. – С. 37–94.

524. Шереметьева Д. Л. Корпус редакторов газет Сибири на начальном этапе Гражданской войны (лето–осень 1918 года) / Д. Л. Шереметьева // Вестник

Тверского государственного университета. Серия: История. – 2014. – № 3. – С. 53–68.

525. Шереметьева Д. Л. Омская «Заря» и государственная власть в ноябре 1917 – июне 1919 года: проблемы политической адаптации / Д. Л. Шереметьева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14. – № 1. – С. 131–141.

526. Шереметьева Д. Л. Газета «Русская армия» в информационном пространстве востока России (19 ноября 1918 – 9 ноября 1919 г.) / Д. Л. Шереметьева // Коммуникативная культура: история и современность : материалы VII междунар. научн.-практ. конф., Новосибирск, 3 ноября 2017 г. – Новосибирск, 2017. – С. 130–132.

527. Шилова О. С. Основные носители информации в условиях Гражданской войны в Сибири (1918–1920 гг.) / О. С. Шилова // Коммуникационные технологии: история и современность: сб. ст. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – С. 46–54.

528. Шиловский М. В. К вопросу о создании Временного Всероссийского правительства (Директории) / М. В. Шиловский // Общественно–политическая жизнь Сибири XX в. : межвуз. сб. науч. тр. – Новосибирск, 2000. – Вып. 4. – С. 47–55.

529. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. / М. В. Шиловский. – Новосибирск : «Сибирский хронограф», 2003. – 428 с.

530. Шишкин В. И. Как Колчак стал Верховным правителем / В. И. Шишкин // Сибирские огни. – 1993. – № 5–6. – С. 144–147.

531. Шишкин В. И. 1918 год: от Директории к военной диктатуре / В. И. Шишкин // Вопросы истории. – 2008. – № 10. – С. 42–61.

532. Шишкин В. И. Генерал А. Н. Гришин-Алмазов: крушение карьеры (конец августа – сентябрь 1918 года) / В. И. Шишкин // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2011. –Т. 10. – № 1. – С. 79–99.

533. Шишкин В. И. Первая сессия Сибирской областной думы (январь 1918 г.) / В. И. Шишкин // История белой Сибири : сб. науч. ст. – Кемерово : КемГУ, 2011. – С. 54–61.

534. Шишкин В. И. Западно-Сибирский комиссариат Временного Сибирского правительства: дискуссионные вопросы организации и деятельности / В. И. Шишкин // Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. : материалы VII Всерос. науч. конф. Новосибирск, 6–8 июня 2011 г. – Новосибирск, 2011. – С. 103-119.

535. Шишкин В. И. Дипломатическая составляющая генезиса широкомасштабной Гражданской войны на востоке России (конец мая – начало июня 1918 г.) / В. И. Шишкин // IV Ядринцевские чтения : материалы IV Всеросс. научн.-практ. конф., посвященной 100-летию Революции и Гражданской войны в России. Омск, 30–31 октября 2017 г. – Омск, 2017. – С. 74–77.

536. Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала А.В. Колчака (1918–1919) [Электронный ресурс] : дисс. . канд. ист. наук / В. А. Шмелев. – М., 1995. – 272 с. – Электрон. версия печат. публ. – Доступ из „Электронная библиотека: Диссертации“.

537. Шмелев А. В. Внешняя политика адмирала А. В. Колчака / А. В. Шмелев. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 266 с.

538. Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) / Б. Е. Штейн. – М. : Госполитиздат, 1949. – 464 с.

539. Штырбул А. А. Омские эсеры и Временное Сибирское правительство (июль-октябрь 1918 г.) / А. А. Штырбул // Гражданская война в Сибири : Материалы Всеросс. заочной научн.-практ.й конф. – Омск, 2013. – С. 174–180.

540. Шулдяков В. А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920 : в 2 кн. / В. А. Шулдяков. – М. : ЗАО Центрополиграф, 2004. – Кн. 1. – 748 с.; – Кн. 2. – 607 с.

541. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл / Г. Х. Эйхе. – М. : Воениздат, 1966. – 386 с.

542. Эйхе Г. Х. Уфимская авантюра Колчака (март-апрель 1919) / Г. Х. Эйхе – М. : Воениздат, 1960. – 308 с.

543. Юрко А. И. Становление партийной советской прессы (октябрь 1917–1918 гг.) / А. И. Юрко. – Саратов, 1965. – 64 с.

544. Якл Т. «В память о братьях, павших на Руси»: строительство памятников павшим чешским добровольцам в России в 1918–1920 гг. / Т. Якл // Известия Лаборатории древних технологий. – 2016. – № 2 (19). – С. 94–95.

545. Якушевский А. С. Пропагандистская работа большевиков среди интервентов 1918–1920 гг. / А. С. Якушевский. – М. : Наука, 1974. – 186 с.

546. Carley M. The Origins of the French Intervention in the Russian Civil War, January-May 1918: A Reappraisal / M. Carley // The Journal of Modern History. – 1976. – Vol. 48, No. 3 (Sep., 1976). – P. 413–439.

547. Carley M. Revolution and Intervention: The French Government and the Russian Civil War, 1917–1919 / M. Carley. – Kingston, Montreal, 1983. – 278 p.

548. Davis D. E. The American YMCA and the Russian Revolution / D. E. Davis, E. P. Trani // Slavic Review. – 1974. Sep. Vol. 33. №. 3. – P. 469–491

549. Dunscomb P. E. Japan’s Siberian Intervention, 1918–1922: «A Great Disobedience against the People / P. E. Dunscomb. – Lexington Books, Lanham, MD, 2011. – 263 p.

550. Foglesong D. S. America's Secret War Against Bolshevism: U.S. Intervention in the Russian Civil War, 1917–1920 / D. S. Foglesong. – Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 1995. – 386 p.

551. Gardner L. C. Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913–1923 / L. C. Gardner. – Oxford : Oxford University Press, 1984. – 395 p.

552. Gill G. Symbolism and regime change: Russia / G. Gill. Cambridge : Cambridge university press, 2013. 254 p

553. Gill G. Political symbolism and the fall of the USSR / G. Gill // Europe-Asia studies. – 2013. – Vol. 65. Issue 2. – P. 244–263.

554. Kennan G. F. Russia Leaves the War / G. F. Kennan. – Princeton : Princeton University Press, 1956. – 544 p.

555. Kennan G. F. The Decision to Intervene / G. F. Kennan. – Princeton : Princeton University Press, 1958. – 542 p.

556. Kettle M. The Road to Intervention, March-November 1918 / M. Kettle. – London, 1988. – 401 p.

557. Kolz A. British Foreign Policy and the Kolchak Government / A. Kolz. – Boston, 1965. – 283 p.

558. Lasch C. The American Liberals and the Russian Revolution / C. Lasch. – New York : Columbia University Press, 1962. – 316 p.

559. Levin N. G. Woodrow Wilson and World Politics: America's Response War and Revolution / N. G. Levin. – New York : Oxford University Press, 1968. – 352 p.

560. McFadden D. Alternative Paths: Soviets and Americans, 1917–1920 / D. McFadden. – New York, Oxford, 1993. – 458 p.

561. Miller Matthew Lee. The American YMCA and Russian Culture: The Preservation and Expansion of Orthodox Christianity, 1900–1940 / Matthew Lee Miller. – Lanham, Md.: Lexington Books, 2013. – 300 p.

562. Morley J. W. The Japanese thrust into Siberia, 1918 / J. W. Morley. – New York : Columbia U.P., 1954. – 395 p.

563. Richard C. J. When the United States invaded Russia: Woodrow Wilson’s Siberian Disaster / C. J. Richard. – Lanham, MD, 2013. – 208 p.

564. Smele J. D. Civil war in Siberia: the anti-Bolshevik government of Admiral Kolchak, 1918–1920 / J. D. Smele. – New York : Cambridge university press, 1996. – 760 p.

565. Ullman R. Britain and the Russian Civil War / R. Ullman. – Princeton : Princeton University Press, 1968. – 414 p.

566. Unterberger B. M. America's Siberian Adventure, 1918–1920: A Study of National Policy / B. M. Unterberger. – Durham : Duke University Press, 1956. – 271 p.

567. White J. A. The Siberian Intervention / J. A. White Princeton : Princeton University Press, 1950. 495 p.

568. Williams W. A. American Intervention in Russia, 1917–1920 / W.A. Williams // Studies on the Left. – 1963. – Vol. 3, № 4. – P. 24–48.

569. Williams W. A. American Intervention in Russia, 1917–1920 / W.A. Williams // Studies on the Left. – 1964. – Vol. 4, №1. – P. 39–57.

Справочные издания

570. Адрианов А. В. Периодическая печать в Сибири с указателем изданий в 1918 г. / А.В. Адрианов. – Томск, 1919. – 31 с.

571. Белое движение : Каталог коллекции листовок (1917–1920 гг.) / сост. Г. В. Михеева. – СПб. : РНБ, 2000. – 504 с.

572. Газеты 1917–1922 годов в фондах отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки : библиографический каталог. – М. : РГБ, 1994. – Вып. 1. – 118 с.

573. Гражданская война и иностранная интервенция в СССР : энциклопедия. – М. : «Советская энциклопедия», 1983. – 704 с.

574. История «белой» Сибири в лицах : биографический справочник. – СПб. : «Нестор», 1996. – 73 с.

575. Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири в годы гражданской войны (конец мая 1918 – декабрь 1919 гг.) : указатель газет и журналов / Е. Н. Косых, С. Ф. Фоминых. – Томск : Изд-во. Том. гос. ун-та., 1991. – 54 с.

576. Косых Е. Н. Периодическая печать Сибири (март 1917 – май 1918 гг.) : указатель газет и журналов / Е. Н. Косых. – Томск : «Ветер», 2009. – 144 с.

577. Поршнев Г. И. Книжная летопись Иркутска за годы Революции (1917–1920 гг.) / Г. И. Поршнев. – Иркутск, 1920. – 76 с.

578. Революция и Гражданская война в России : энциклопедия : в 4 т. – М. : Терра, 2008. – Т. 1. – 558 с.; – Т. 2. – 558 с.; – Т. 3. – 558 с.; – Т. 4. – 558 с.

Электронные ресурсы

579. Сибирская заимка. История Сибири в научных публикациях. – Электрон. дан. – [Б. м.], 1998–2016. – URL: http://zaimka.ru/

580. Allied expeditionary forces in Siberia // Records of the Office of the Chief Signal Officer, 1860–1985 [Электронный ресурс] // National Archives. – Электрон. дан. – [Б. м.]. – URL: https://catalog.archives.gov/id/24666 (дата обращения: 15.04.2018).

581. De Marseille à Irkoutsk, Français et Russes dans la Grande Guerre [Электронный ресурс] // L'Établissement de communication et de production audiovisuelle de la Défense (ECPAD). – Электрон. дан. – [Б. м.]. – URL: http://www.ecpad.fr/de-marseille-a-irkoutsk-francais-et-russes-dans-la-grande-guerre/ (дата обращения: 12.04.2018).

582. Library of Congress. – Электрон. дан. – [Б. м.]. – URL: https://www.loc.gov/ (дата обращения: 15.04.2018).